

Лотар Штайн

**В ЧЕРНЫХ ШАТРАХ
БЕЛУИНОВ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДENA ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Лотар Штайн

**В ЧЕРНЫХ
ШАТРАХ
БЕДУИНОВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

9(И5)
Ш88

Lothar Stein
WANDERVOLK DER WÜSTE
VEB. F. A. Brockhaus Verlag. Leipzig, 1976

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Г. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Перевод с немецкого

А. М. МОДЕЛЯ

Ответственный редактор,
автэр послесловия и примечаний
С. И. ВАЙНШТЕЙН

Фото автора

Штайн Лотар

Ш 88 В черных шатрах бедуинов. Пер. с нем.
А. М. Моделя. Послесл. и примеч. С. И. Вайнштейна. М., Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

270 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Книга видного ученого-этнографа Л. Штайна посвящена бедуинам Арабского Востока. Автор, не раз посещавший эти страны и подолгу живший среди кочевников пустыни, в яркой и увлекательной форме описывает историю, традиционные обычай, быт и нравы этих народов. В книге говорится о переменах, произошедших в жизни бедуинов, о перспективах их дальнейшего развития.

20901-087
Ш 013(02)-81 148-81. 1905020000

(И5)

© VEB F. A. Brockhaus Verlag, Leipzig, 1974.

© Перевод, послесловие и примечания:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Предложение опубликовать эту книгу в Советском Союзе в переводе на русский язык я принял с большой благодарностью. Вместе с тем мне хотелось бы подчеркнуть, что после первого издания этой книги уже семь раз заново покрывались зеленым ковром пастбища бедуинов. И хотя в многотысячелетней истории древних кочевников такой срок и не очень велик, за это время в мире произошло много событий, оказавших сильное влияние на жизнь бедуинов, в чем я смог убедиться, совершив три далекие и длительные исследовательские поездки к моим друзьям-кочевникам в пустыни Африки и Азии. Немало из того, что описано в книге, я смог вновь увидеть и пережить, но, к сожалению, далеко не все увиденное раздавало. Так, в Египте, например, произошел уже известный читателю полный отход от прогрессивной политики незабвенного президента Гамаль Абдель Насера, эпоха которого нашла отражение в данной работе. Действия реакционного египетского правительства президента Садата, трагические события в Ливане, сепаратные кэмп-дэвидские соглашения, возмутительные действия сионистских лидеров на арабских землях — это лишь часть роковых событий, оказавших существенное влияние на Арабский Восток за время, прошедшее после написания этой книги.

Когда я пишу эти строки, мне отчетливо вспоминаются встречи с советскими людьми в годы работы в Египте, Судане, Ливии и Ираке. Там трудились советские специалисты — геологи и инженеры, медики и ветеринарные врачи, строители и ирригаторы. Могу ли я забыть, как ко мне, внезапно заболевшему тяжелой формой малярии в болотистой местности между Евфратом и Тигром, несмотря на ночное время и дальнюю дорогу, приехала русская женщина-врач, хотя в ту пору она сама была не вполне здоровая. В Египте мне не раз приходилось убеждаться, что вопреки враждебной пропаганде официальной садатовской прессы в сердцах многих простых людей этой многострадальной страны, в сердцах всех честных арабов сохраняются глубокая благодарность и симпатии к советским людям за ту огромную помощь, которую многие годы получал Египет от Советского Союза.

Среди нового, что я увидел, мне бы хотелось отметить следующее. Прежде всего все убыстряющийся процесс оседания бедуинов, особенно заметный в последние годы. Однако ныне этот процесс проходит не совсем безболезненно и часто связан с ухудшением экономического положения, в особенности беднейших слоев бывших кочевников. В ходе оседания они встречаются со многими трудностями, неизвестными бывшим кочевникам Советского Союза и Монголии, переходившим на оседлость вместе со становлением нового социалистического общества. Чтобы изучить особенности процесса оседания кочевников в условиях строительства социализма, я посетил в 1977 году Монгольскую Народную Республику. Там я увидел очень много интересного и поучительного; познакомился с положительным опытом переустройства жизни аратов в степях Центральной Азии, смог сравнить, как происходил переход к оседлости у бедуинов и у монголов. Не только все увиденное мною, но и беседы и встречи с советскими и монгольскими учеными, занимающимися изучением проблем кочевничества, помогли мне еще лучше понять те огромные преимущества, которые имеют переходящие к оседлостиnomады в социалистических странах. Здесь они получают большую помощь от государства, в частности в освоении новых для них форм земледелия и в строительстве благоустроенных оседлых поселений. Решение многих социально-экономических проблем облегчает им коллективная собственность на основную часть домашнего скота. Это безусловно позволяет избежать при оседании крайне тяжелых социальных последствий резкого имущественного неравенства, характерного для бедуинов и других кочевых народов, живущих в иных социальных условиях. Чтобы порвать с многовековыми кочевыми традициями и научиться жить по-новому, бедуины должны приобрести совершенно новый практический опыт, а их дети должны учиться в школе и получать новые специальности. Но такой возможности у большинства из них нет, за исключением тех немногих, которые живут в Алжире, Ливии и Южном Йемене, где кочевникам помогает государство.

Во время недавнего посещения Каира для меня было большой неожиданностью на улице этого восьмимиллионного города услышать обращенное ко мне имя «Абдалла», данное мне когда-то бедуинами. Это оказалось началом новой встречи с моими друзьями-бедуинами из племени шаммар, с которыми я долгие годы кочевал в Месопотамии. На сей раз они получили от меня в подарок книгу о жизни бедуинов, изданную в ГДР, и очень обрадовались, узнав, что люди в далекой европейской стране знают теперь об их жизни и что скоро о ней узнают в стране великого Ленина.

Л. Штайн

ИНЦИДЕНТ В МАРАГИ¹

Офицер пограничной стражи листает мой паспорт и, наконец, ставит фиолетовый штамп. Потом он приглашает меня на чашку чая. Ведь так редко случается, что чужестранец попадает в Сиву, самый западный оазис Египта. «А от кого же еще узнать новости?» — думает офицер.

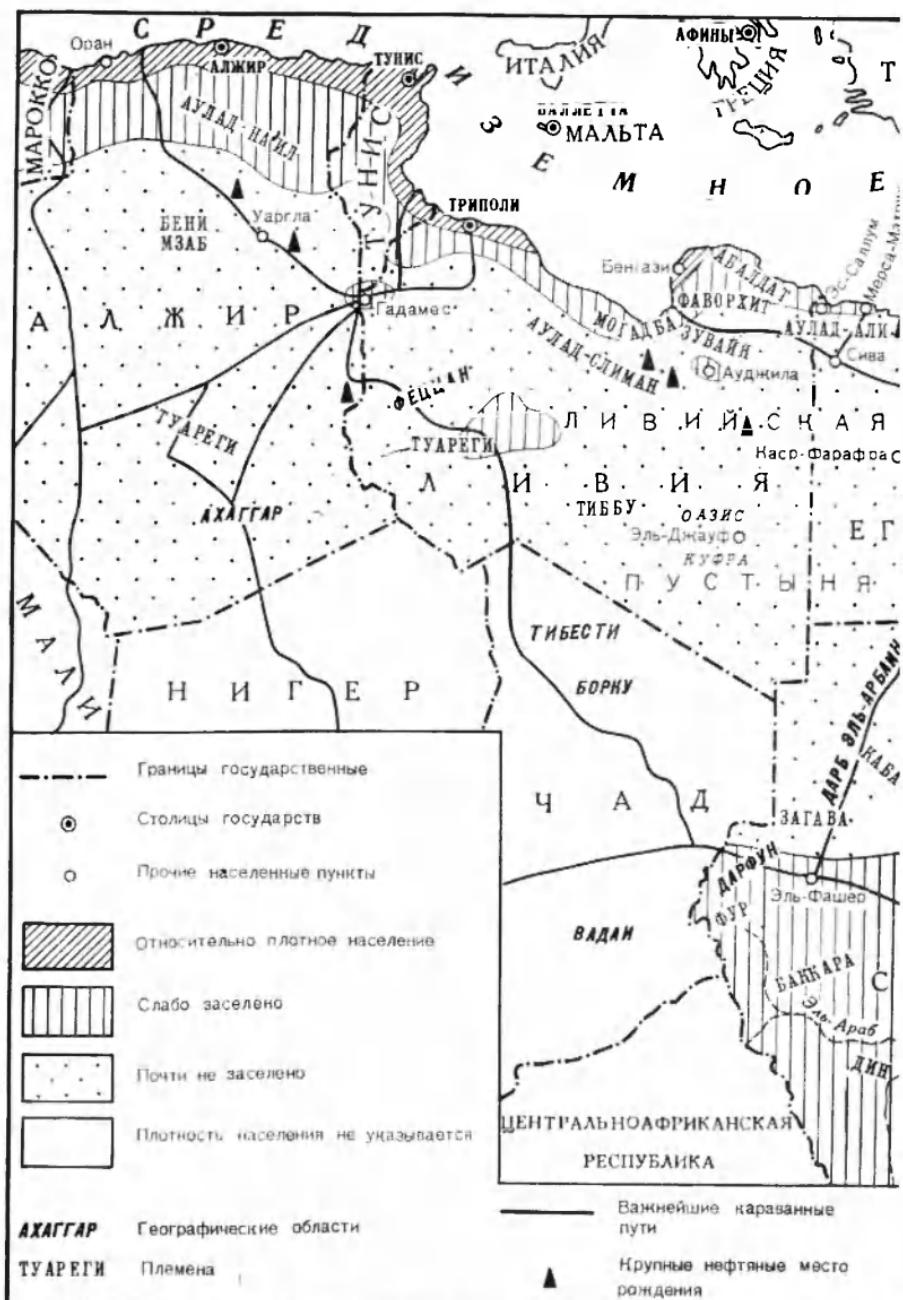
В то время, как мы пьем горячий, крепко заваренный чай, раздаются возбужденные голоса, с шумом распахивается дверь, и на пороге появляется полицейский. К нему наручником прикован человек. Полицейский, очевидно, решил, что такой способ наиболее подходящий, чтобы доставить нарушителя в участок. Арестованный бедуин, одетый в белое, с тюрбаном, украшенным красной вышивкой, однорук. Свешивается пустой левый рукав его бурнуса...

Офицер приказывает полицейскому снять наручник и предлагает задержанному сесть у стола. Сержант предусмотрительно становится в дверях, держа ружье у ноги.

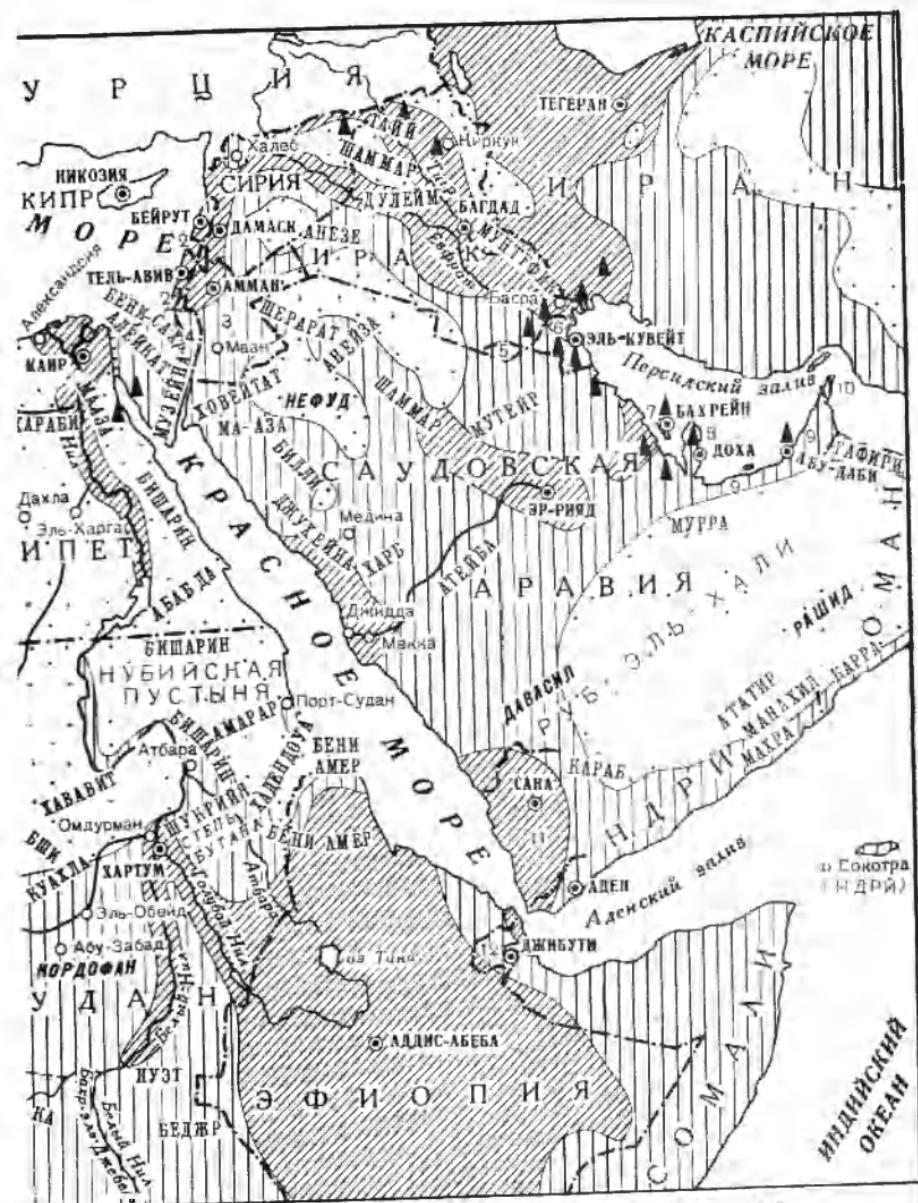
— Простите, одну минуту, — говорит мне офицер-египтянин. Он посыпает за писарем и тотчас же начинает допрос. — Ты знаешь, Сенусси, зачем я велел тебя привести? Чтобы ты рассказал мне про перестрелку в вашем лагере Мараги на прошлой неделе. Откуда у вас оружие? Нам известно, что несколько человек было ранено. Что там случилось?

Тот, к кому обращены все эти вопросы, смотрит вокруг, полуприкрыв глаза, и молчит. На вид ему около пятидесяти. Он строен и подвижен; орлиный нос придает его худому лицу смелое выражение, хотя в этот момент бедуин производит впечатление робкого, даже покорного существа.

— Ну, раз ты не хочешь говорить, то останешься здесь, в тюрьме, мне спешить некуда, — говорит офицер

Карта расселения племен бедуинов

Цифрами на карте обозначены 1-Ливан, 2-Территория Арабского государства

3-Иордания, 4-Израиль, 5-Нейтральная зона 6-Кувейт, 7-Бахрейн 8-Катар

9-Объединенные Арабские Эмираты, 10-Оман

11-Йеменская Арабская Республика, 12-Джибути

960 0 260 520 км

скучающим тоном.—Лучше расскажи все, и я отпущу тебя на свободу. Итак, выбирай, Сенусси!

— Я сам не знаю, ваша милость, как это случилось,—нерешительно начинает бедуин.— В прошлую субботу еще до восхода солнца на нас напали и ограбили. Было очень темно, и нам не удалось никого опознать. Я проснулся от шума выстрелов, а когда вышел из шатра, то на земле уже лежало трое наших. Ничего серьезного, аль-Хамдулилла, большей частью сквозные раны. Только моего племянника ударили прикладом по голове. Теперь он лежит в больнице.

— И вы не отвечали на выстрелы?—спрашивает полковник грубо.

— Как можно!— удивляется Сенусси.— Ни у кого из нас нет ружья. Мы придерживаемся закона, ваша милость.

— Но кто же на вас напал и прежде всего почему?

— Аллах — свидетель,— говорит однорукий.— Нам никого не удалось опознать — так быстро они скрылись. Они напали из-за наших хороших верблюдов и красивых ковров, которые ткут наши женщины. Пусть их накажет Аллах!

Раздосадованный полковник вытирает мокре от пота лицо и обращается ко мне:

— Всегда так с этим сбродом! Воюют друг с другом на моем участке, а потом прикидываются дурачками. Ничего не вытянешь из этих закоренелых упрямцев. Нас они считают совершенно лишними.

По лицу бедуина скользнула одобрительная усмешка, но офицер ее не заметил.

— Ну хорошо,— продолжает он.— Ты не знаешь, кто стрелял, и не имеешь ни малейшего представления о том, почему на вас напали. Пусть тебе и дальше помогает Аллах. Но так мои люди не смогут вернуть тебе похищенное. А теперь убирайся отсюда.

— Стой!— кричит он бедуину, который тотчас же бросился к двери,— протокол подпиши.

Писарь, сидевший позади полицейского и записывавший все его вопросы, а также скупые ответы бедуина, схватил большой палец однорукого и не слишком вежливо прижал его сперва к штемпельной подушке, а потом к густо исписанному листку протокола.

— Здесь приходится иметь дело с неграмотными,—

объясняет полковник.— И несмотря на это, они так хитры, что нам очень редко удается докопаться до истины. Эти полудики не доверяют закону. И вообще, что здесь за жизнь? Ни кино, ни девочек, даже пива нет в этой пустыне, газета — и та редкость! Что вас привело из такой дали в эти дикие места? — запричитал полицейский и, не дождавшись ответа, добавил:

— Да, Каир — вот это мир! Это — рай — аль Кахира!

Чтобы успокоить развлечавшегося блюстителя порядка, я предлагаю ему сигарету, и мы допиваем наш чай. Подозрительный араб уже давно скрылся, даже не попрощавшись. У меня сложилось впечатление, что полицейские довольны тем, что избавились от него. Прощаюсь и я и по горячему песку бреду к рыночной площади на свою квартиру. На Востоке мне не раз приходилось бывать случайным очевидцем драматических сцен, но я никогда не мог узнать истинных причин ни одной из них. Или узнавал много позже. Так было и на этот раз.

Когда спустя несколько недель я почти заканчивал программу своих исследований в оазисе Сива и собирался возвратиться в Александрию, как-то после обеда встретил своего старого друга шейха Салеха Абдель Малика, вождя племени бедуинов аулад-али. Он часто наведывался в Сиву, где торговал с крестьянами оазиса. В тот же день он предложил мне поехать вместе с ним в Мараги, где должен был состояться фарах, веселый праздник с музыкой и танцами по случаю бедуинской свадьбы. Я охотно согласился, и после обеда мы отправились по живописной скалистой пустыне на запад. Проделав почти сорокакилометровый путь, мы приближались к месту, где были раскинуты шатры. И тут на нас бросилась разъяренная пастушеская собака. Она прыгала, как безумная, и угодила под колеса машины. Ее труп остался лежать на дороге.

— Жаль собаку, — пробормотал мой спутник. — Но в конце концов она сама виновата.

Стемнело, у шатров заполыхали костры. Мараги — это последнее селение у ливийской границы. Здешние бедуины племени шехибат беспрепятственно переходят границу в обоих направлениях, занимаясь контрабандой. Граница по существу открыта, и лишь изредка

здесь можно встретить египетский таможенный патруль.

Еще по дороге сюда я узнал от шейха Салеха, что молодой человек из Джарбуба, ближайшего оазиса в Ливии, берет себе в жены девушку из племени шехибат. Сегодня вечером должен состояться большой праздничный пир и лайлаг аль-духлул (ночь соединения новобрачных). Наутро супруг увезет молодую жену в Джарбуб.

Едва я остановил «лендровер»² перед большим шатром, как нас уже окружили десятки бедуинов, вооруженных ружьями и карабинами, из которых они весело палили в воздух. Так в этих местах обычно приветствуют желанных гостей. Они называют это «фантазия». Старшина селения проводил нас в праздничный шатер. Мы сели на цветной ковер, и нас тотчас же угостили крепким чаем и жареным арахисом. Мы поздравили жениха, который по одежде почти ничем не отличался от остальных. Только его ладони были окрашены хной. К сожалению, не удалось увидеть невесту; закутанная в покрывало, увшанная золотыми украшениями, она в это время находилась в гареме (точнее, махрам — женская половина шатра). На ковре, поджав под себя ноги, сидели 35—40 бедуинов. Здесь были представлены все возрасты: степенные седобородые старцы и лихие юноши, у которых только пробивается первый пушок, но они уже гордо сжимают в руке ружье.

Вечером, перед тем как подали жареного барабана, случилось еще одно непредвиденное происшествие: на циновку, где мы сидели, свалился большой паук величиной с кулак, с волосатыми лапами. Мы мгновенно отскочили в сторону, так как укус этого насекомого очень болезнен. В наступившей сумятице один из бедуинов решительно подошел к пауку и наступил на него ногой, обутой в кожаную сандалию. Проходя мимо меня к выходу, он торжествующе посмотрел в мою сторону, и только тогда я обратил внимание на то, что у него одна правая рука. Я узнал Сенусси, того самого бедуина, которого привели на допрос в Сиву.

В шатре между тем продолжался пир. Во время заключительного чаепития я шепнул шейху Салеху на ухо, что мне хотелось бы поговорить с Сенусси с глазу на глаз.

Вскоре однорукий весело кивнул мне, взял меня за руку и вывел из шатра. Все его существо было проникнуто чувством собственного достоинства — ничего похожего на согбенную фигуру в полицейском участке.

Мы удобно уселись на теплом песке дюны у пальмовой рощи. Вблизи расположилось стадо верблюдов. Равномерные звуки пережевываемой ими жвачки подчеркивали царящую вокруг атмосферу мира и покоя.

— Я сразу узнал тебя, хаваджа,— начал Сенусси.— Шейх Салех говорил, что ты добрый друг бедуинов. Чем я могу служить тебе? Может быть, тебе нужно что-нибудь из Ливии?

— Большое спасибо, Сенусси,— сказал я.— Но ты хорошо знаешь, что меня интересует. Я все время вспоминаю допрос в полиции: что означало нападение на Мараги? Ты клялся офицеру, что ничего не знаешь об этом. А как было в действительности?

Сенусси пальцем задумчиво чертит круги на песке. Неожиданно он все стирает и поворачивает ко мне лицо.

— Старая история, друг мой. Надеюсь, что это останется между нами. Вот уже более четырех лет прошло с тех пор, как мы угнали у кочевников хараби там, в Ливии, стадо в пятнадцать верблюдов. К сожалению, тогда была пролита кровь. В этом набеге я и потерял левую руку,— говорит он совершенно равнодушно и спокойно, будто рассказывает сказку.— Как бы там ни было, а мы пригнали добычу сюда. Хараби, конечно, этого не забыли, поклялись отомстить. Месяц назад в сильный туман, ночью они появились здесь, чтобы сдержать свою клятву. Ты знаешь, что это им удалось.

Старый волк делает паузу, чтобы зажечь сигарету. Он ловко чиркает одной рукой спичкой о коробок. Я позже заметил: он очень гордился этим фокусом.

— Но полиции-то до всего этого что за дело? — продолжал он свой монолог.— Посторонние не должны вмешиваться в наши дела. У нас свои законы. К тому же хараби отняли у нас слишком много. Они ранили четверых наших и угнали десять лучших верблюдов. Они украли восемь новых хороших ковров по тридцать гиней за штуку. Но самое главное — они похитили украшения моих жен.

Я почувствовал, что воспоминания о пережитом по зоре приводят араба в ярость.

— Но пусть хараби не сомневаются — мы нанесем им ответный удар.

Посидев еще немного среди ночного покоя пустыни, мы возвращаемся к мерцающим кострам. А там уже начались праздничные танцы. Звуки барабанов и флейт разгоняют мысли Сенусси о мести.

Дело еще не кончено, думаю я. Наступит ли когда-нибудь мир? Что это за удивительные люди, которые кощуют по пустыне и чьи мысли в век космических полетов вращаются вокруг кражи верблюдов?

Во внутренних районах Аравии получила развитие жизнь кочевников-пастухов с присущими ей простотой и природной самобытностью³.

Август Бебель

Настоящая пустыня враждебна жизни; она одновременно и привлекает и отталкивает. Привлекает того, кто любуется ее грандиозностью, находясь в надежном убежище. С борта самолета или по крайней мере из окна «лендровера», где есть достаточный запас горючего и питьевой воды, путешественник с восхищением обозревает разнообразие ландшафта, которое ему предлагает пустыня: ярко-желтые серповидные дюны, вечно гонимые ветром; траурно-черные участки, покрытые лавой, от мрачного вида которых сжимается сердце; причудливые песчаниковые скалы, напоминающие сказочный лес; прорезанные расщелинами горы, заставляющие вспоминать о Дантовом «Аде»; бесконечные равнины, покрытые ребристым галечником, с ослепительно белыми соляными озерами. Пустыни можно встретить на всех континентах. Дух исследования, присущий человеку, помог ему раскрыть многие тайны этих безжизненных пространств, выявить таящиеся в них богатства, объяснить их происхождение.

Каждый, кто хоть раз побывал в пустыне, уносил с собой незабываемые впечатления о ее первозданной красоте и испытывал жуткое чувство затерянности в ее бесконечном одиночестве.

Здоровый человек, который утром жаркого дня окажется в Сахаре без средств к существованию, поначалу не испытывает никаких трудностей. Постепенно он начинает потеть, а час спустя его организм теряет литр

воды. После полудня под беспощадными лучами солнца в результате действия механизма охлаждения тела человек худеет на 12 фунтов. Ночная прохлада может приостановить наступившую слабость; сохранившаяся жизненная сила может дать возможность прожить еще один день, но затем он погибнет: солнце убьет его.

И все-таки люди живут в пустыне. На протяжении многих столетий они сумели приспособиться к суровым условиям жизни. Так это происходит в Австралии, в южноафриканской Калахари, в азиатских Гоби и Каракумах. В этой книге на примере Аравии и Северной Африки будет показано, как человек подчинил себе пустыню. При этом мы проследим путь от истоков бедуинского кочевого скотоводства до освоения пустыни с использованием современных технических средств, что нынешние арабские государства провозгласили одной из своих важных задач.

«Бадийа» — таким словом обозначаются в арабском языке «пустыня» или «степь». С ним связаны «бада» («жить в пустыне») и «бадави» («житель пустыни», «бедуин»). «Бадв» как собирательный термин, обозначающий бедуинов, и по сей день используется в арабском лексиконе, чтобы отличить арабских пастухов-кочевников от оседлых жителей Аравии — феллахов и горожан⁴.

По приблизительным подсчетам, в арабском мире сейчас живут около 10 миллионов бедуинов, большинство которых находятся на различных стадиях перехода к оседлому образу жизни.

В немецкой литературе мы впервые встречаемся с понятием «бедуин» в вышедших в 1582 году во Франкфурте-на-Майне записках врача и аптекаря д-ра Л. Раувольфа, одного из первых европейцев, вступивших в тесный контакт с бедуинами и описавших особенности их культуры. Во время трехгодичного путешествия на Восток он встретил в окрестностях Иерусалима арабов-кочевников и описал их следующим образом: «В пустынях живут арабские народы, называемые бедуинами, которые не имеют постоянного места жительства и все время находятся в пустыне, целыми группами пересекая ее в разных направлениях в поисках хороших пастбищ для скота и верблюдов»⁵.

В этом отрывке Раувольф характеризует типичную

форму существования бедуинов как кочевую и объясняет, что она была вызвана необходимостью постоянно искать пастбища для стад и, следует добавить, источники воды, без которой невозможна жизнь людей и животных, а тем более в жарком климате. Таким образом, кочевой образ жизни обусловлен не присущим якобы человеку стремлению к странствованиям, а условиями окружающей среды⁶.

Для климата пустынных и степных районов Передней Азии и Северной Африки характерны сильные колебания в пределах года. Длительные периоды засухи с температурой от 40 до 50 градусов жары в тени сменяются короткими дождливыми периодами, которые на севере данного региона приходятся на зимние месяцы. Иногда здесь бывают даже снегопады, имеющие опустошительные последствия; на юге же сезон дождей приходится на летние месяцы. Недолгие, но очень обильные ливни, которые сопровождаются сильными грозами, вполне достаточны для того, чтобы превратить землю в цветущий сад, сохраняющий свой пестрый наряд, к сожалению, на короткое время. Интенсивность и место выпадения осадков меняются с каждым годом. Поэтому естественные пастбища образуются то здесь, то там, и каждый раз бедуины со своими стадами вынуждены перемещаться в более плодородные районы. Борьба за лучшие пастбища, за обладание колодцами красивой нитью пронизывает всю историю бедуинов.

О растениях и животных

Пояс естественных пастбищ, на которых возможно кочевое скотоводство, расположен в районах, где выпадает от 50 до 150 мм осадков в год. Растительность в этих районах удивительно разнообразна. Ботаники насчитывают здесь до 500 видов растений, места распространения которых зависят от почв. Наиболее богата растительность вади, сухого русла потоков Аравии и Северной Африки, где нередко встречаются акация и тамариск, а также кусты шиповника и высокие травы. Своебразна растительность соленых почв. Это жесткие стелющиеся растения — любимая пища верблюдов, трюфели, травы со съедобными семенами, дикий лук, растения с мясистыми корнями, употребляемые человеком

в пыщу и используемые в различных медицинских целях. В дальнейшем мы еще не раз убедимся в том, насколько высок уровень знаний о природе у кочевников.

Глубоко не вдаваясь в причины образования пустынь, отметим лишь, что кочевое хозяйство приводит к опустошению обширных районов Аравии и Африки. Прежде всего следует сказать об уничтожении любой растительности скотом, в особенности козами⁷.

В пустыне обитает множество представителей животного мира, начиная от насекомых, пресмыкающихся и мелких грызунов до крупных млекопитающих. С течением времени все они превосходно приспособились к жаре и засухе, почти не нуждаются в питьевой воде, удовлетворяя свою потребность во влаге за счет твердой пищи. К последним относятся прежде всего газели, антилопы и длинношерстные овцы, обитающие в горных районах пустынь. Еще несколько десятилетий назад в Северной Аравии и Северном Судане встречались крупные стада диких ослов. Такие представители семейства кошачьих, как львы, гепарды и другие, в арабско-североафриканском регионе почти полностью истреблены, зато пустыни богаты другими хищниками. Это степной волк, шакал, полосатая гиена, фенек, зверек, похожий на лису, песочного цвета с большими ушами. По мере возможности бедуины используют окружающий их животный мир, хотя они и не прирожденные охотники. Кочевников интересуют главным образом те животные, от которых зависят их благополучие или их беды. Поскольку дожди в пустыне — редкое явление и выпадают они крайне неравномерно, паства образуются в местах, чрезвычайно отдаленных друг от друга. Чтобы до них добраться, нужно покрывать большие расстояния, в некоторые годы по 500, а то и по 800 километров. Следует учитывать также, что зачастую паства находятся вдали от источников воды. Чтобы проделывать «дороги жажды», требуются особые условия. Главное из них — это обладание животным, на редкость приспособленным к жизни в пустыне. Таким животным стал для бедуинов верблюд. Без этого «корабля пустыни» немыслимы вся культура и хозяйство бедуинов.

Приручение дикого верблюда

Лишь с приручением, а затем и разведением этих животных в руках человека оказалось средство, которое дало ему возможность сделать пустыню обитаемой. Поэтому вопрос о происхождении бедуинства является в то же время и вопросом о том рубеже, когда впервые дикие верблюды в результате целенаправленных усилий человека были одомашнены.

Сами бедуины твердо уверены в том, что верблюд — имеется в виду дромадер — одногорбый верблюд (*Camelus dromedarius*) — это дар Аллаха и находился в распоряжении человека всегда. «Когда Аллах создал человека, он использовал для этого мягкую глину, в которую вдохнул жизнь. Завершив свой труд, он увидел, что какое-то количество глины осталось, и разделил ее на две части. Из одной возникла финиковая пальма, а из другой — верблюд. Поэтому финиковая пальма — сестра человека, а верблюд — его брат». Эта легенда широко распространена среди кочевников-верблюдоловов и сегодня. Я хорошо помню, с каким удивлением, даже недоверием слушали меня бедуины, когда на стоянках у вечернего костра я заводил речь о том, как был приручен верблюд. Неужели когда-то он был диким животным? Тогда покажи нам хоть одного дикого верблюда! Но это невозможно, потому что дикая форма дромадера уже давно вымерла или, точнее, истреблена. А когда я сказал, что в других районах мира, а именно в Центральной Азии, есть верблюды с двумя горбами, мои друзья сочли меня обманщиком. По их мнению, этого не могло быть или было, но слишком уж давно.

Зоолог И. Крумбигель отмечал в 1952 году, что науке неизвестно, откуда происходят верблюды, неизвестна их родина, неясно, как выглядели некогда дикие животные. К этому пессимизму примешивается надежда ученых на то, что археологические исследования в Центральной Азии или открытие еще живущих диких верблюдов во Внутренней Аравии прольют свет на историю этих таинственных животных⁸. С тех пор прошло около 30 лет, получено множество новых сведений, но проблема одомашнивания верблюдов все еще содержит множество загадок. Во всяком случае можно с уверенностью утверждать, что разведению верблюдов

предшествовал долгий период их приручения, подобно тому как это происходило при одомашнивании собаки, овцы, козы, осла, лошади, рогатого скота и т. д. Охотники ловили молодое животное, приносили его в селение, приручали, растили и использовали для своих нужд. Со временем удалось добиться того, чтобы пойманные дикие звери размножались в неволе, но до планомерного выращивания стад предстояло пройти еще долгий путь.

Некоторые виды животных, например газель, антилопа и частично крупные хищники из семейства кошачьих, так никогда и не вышли из стадии простого содержания. На отпечатках круглых печатей из Урука (примерно 2900—2700 годы до н. э.) мы видим газелей и антилоп, находившихся в священных храмовых стадах; свидетельства такого рода встречаются и в материалах, относящихся к Древнему Египту.

Человеку удалось осуществить переход от случайного приручения одногорбого верблюда к систематическому разведению этого вида животных примерно 3—4 тысячи лет назад на Аравийском полуострове. Некоторые ученые локализуют даже первоначальные очаги верблюдоводства в Неджде (Внутренняя Аравия). Подобные утверждения основываются прежде всего на материалах археологических раскопок (кости и глиняные фигурки верблюдов). Правда, вопрос их идентификации все еще остается спорным. К более позднему времени относятся наскальные рисунки, глинописные тексты и рельефные изображения. Это первые свидетельства о начале верблюдоводства и одновременно о предпосылках возникновения кочевничества. Поскольку археологические исследования внутренних аравийских областей находятся по существу на первоначальной стадии, есть надежда, что сведения о происхождении культуры бедуинов впоследствии удастся уточнить. Пока еще неясно, проходил ли процесс одомашнивания в каком-то одном районе или параллельно в нескольких.

Верблюды, которые в селениях, расположенных по берегам Нила или Евфрата, врашают ворот водозаборного колеса или доставляют сельскохозяйственную продукцию с полей на рынки, гораздо послужнее тех, что пасутся огромными стадами на необъятных просторах арабских степей и полупустынь. Да и к людям они привыкают больше. Часто целые стада обращаются в бег-

ство и живут на воле вдали от человеческого глаза. Не-
мало хитрости требуется потом от пастухов, чтобы пой-
мать этих верблюдов и вернуть владельцу.

Ученые едины в мнении, что одногорбый верблюд распространялся в различных районах арабского мира в зависимости от перемещений первых верблюдоводов. Как домашнее животное он впервые появляется в Северной Африке незадолго до начала нашей эры. Впрочем, «впервые» — это не совсем точно, ибо в египетских погребениях, относящихся к III тыс. до н. э., встречаются верблюжьи кости и статуэтки, изображающие дромадера. Перед нами загадка: идет ли в данном случае речь о домашних верблюдах, разведение которых было прекращено, а потом возобновлено, или это были пойманые ранее дикие верблюды, присланые в долину Нила в дар фараонам? По мере того как мы углубляемся в решение одной проблемы, возникают новые.

Одно не подлежит сомнению: утверждение верблюдоводства было равнозначно в ту эпоху экономической революции. Выносливость верблюда, способность его к преодолению трудностей и непрятательность дали возможность первым верблюдоводам проникать в самые дикие, ранее недоступные места. Ведь в отличие от других домашних животных дромадер может сутками обходиться без воды и довольствоваться самой простой и грубой пищей. С разведением верблюдов связано и другое важное обстоятельство: изобретение «кирбы» — мешка из козьей шкуры, целиком снятой с животного. Имея хорошего верхового верблюда и кожаный сосуд с водой, можно было проникать далеко в глубь пустыни. Тем самым были созданы совершенно новые условия для использования отдаленных пастбищ, для широких торговых связей, а также для грабительских набегов и военных походов.

Рассказывают клинописи и рельефы

Первые письменные упоминания об арабских верблюдоводах встречаются в надписях, сделанных оседлыми обитателями нынешней Северной Аравии, клинописных текстах царства Мари на среднем Евфрате (XVIII век до н. э.) и ассирийцев в Месопотамии (в надписи на обелиске, относящемся к царствованию Тиглат-

Паласара I,— конец XII века до н. э.). Позже мы находим реалистические изображения верблюдов на цветных рельефах новоассирийской эпохи, возможно времени Ашшурбанипала (VII век до н. э.). Положение кочевников на древнем Востоке и их контакты с оседлым населением подробно охарактеризованы в книге «Между шатром и дворцом», принадлежащей перу исследователя клинописи Х. Кленгеля⁹.

Оnomадах уже в самых ранних источниках говорится как о грубых и диких людях. Такими, по крайней мере, они казались оседлым жителям. В «Гимне божеству Запада», относящемся к шумерской эпохе, кочевники-амореи характеризуются следующим образом:

Его спутник — оружие...
Он тот, кто не знает рабства,
Он тот, кто питается сырым мясом,
Он тот, у кого никогда не было дома,
Он тот, кто не погребает своих соплеменников.

Древние вавилоняне, а позже египтяне эпохи фараонов видели для себя угрозу не только в обитателях пустыни, но и в самой пустыне. Они смотрели на нее как на страну ужасов, несчастий и злых духов и сравнивали ее с адом. С появлением верблюдоводства для государств «благодатного полумесяца» и Месопотамии возникла постоянная опасность нападения кочевников. Известно, что в Передней Азии уже пять тысячелетий назад сложились первые города-государства, экономической основой которых было орошающее земледелие.

В засушливые годы, когда не хватало естественных пастбищ для стад верблюдов, пастухи подгоняли их ближе к населенным пунктам и пускали на поля земледельцев, а затем возвращались к своим кочевьям. Это и имелось, очевидно, в виду в главе VI «Книги судей» Ветхого завета, где описывается вторжение мидян и амаликитян. Историки полагают, что в данном случае речь идет о реальных событиях, которые можно датировать XI веком до н. э.: «...они приходили со скотом своим и с шатрами своими, приходили в таком множестве, как саранча; им и верблюдам их не было числа, и ходили по земле Израилевой, чтобы опустошить ее» [гл. 6(5)]. В другом месте «Книги судей» число верблюдов у этих кочевников уподобляется «песку на берегу моря» [гл.

7(12)]. Зачастую (и это вплоть до XIX века) бедуинов уподобляли чуме и саранче, считали наказанием, ниспосланным богом. Что говорить о древних, если даже в современном западногерманском школьном учебнике можно прочитать, например, такую фразу: «Там, где под палиющим солнцем пустыни не в состоянии жить ни один человек, можно найти бедуинов».

В библейских текстах, несомненно, речь идет о людях, живших в шатрах и занимавшихся кочевым верблюдодомством, но были ли это бедуины? Есть историки, которые безоговорочно отождествляют эти библейские кочевые народы, равно как и более ранних амореев, или племена, упоминаемые в текстах *Мари*, — ханаанеян, амонитов, сutiев и других — с бедуинскими племенами. Они характеризуются как «полубедуины», поскольку разводили только овец и коз. Французский исследователь древности Доссен назвал даже свою книгу «Бедуины в текстах *Мари*». Другие специалисты по истории древнего Востока, в частности французский исследователь Библии Р. де Во, предостерегая от спешных заключений, пишет, что было бы неверным простое отождествление Авраама или Иакова с бедуинскими шейхами. Ибо арабы Сирийской пустыни это не последние представители старой традиции, в происхождении которых можно найти предков и союзников евреев, это новые пришельцы из Аравии, которые принесли с собой собственные взгляды и обычай. Если и существует сходство, то лишь в том, что и те и другие вели пастушеский образ жизни.

Несомненно одно: появление подвижных, воинственно настроенных верблюдодомов вызвало серьезное беспокойство среди оседлого населения государств древнего Востока. Опасались прежде всего неожиданных нападений кочевников. Оседлые народы пытались любыми средствами защитить себя от этой опасности, в частности путем возведения защитных валов. Уже в 2000 году до н. э. шумеры соорудили у Евфрата стену протяженностью 280 километров, чтобы оградить возделываемые земли Месопотамии от нападений западносемитскихnomadov. Спустя некоторое время по аналогичным соображениям была построена стена в Египте, в восточной части долины Нила, с целью преградить путь кочевникам с Синая. Здесь напрашивается сравнение с Ве-

ликой китайской стеной, в значительной части сохранившейся и доныне.

Покинем теперь спорную область, где выступают косвенные свидетельства, создающие весьма запутанную картину исторических столкновений между ранними кочевниками и оседлым населением на Ближнем Востоке, и обратимся, хотя бы коротко, к тем первичным памятникам, возникновению которых мы обязаны самим кочевникам. К сожалению, они редки. Одна из величайших трудностей при исследовании давно исчезнувших культур кочевников заключается в том, что они не оставили почти никаких материальных свидетельств. В то время как древневосточные империи дали нам необозримое множество построек, керамики, инструментов, украшений, всевозможных видов оружия, не говоря уже о чрезвычайно важных письменных памятниках, древние кочевники почти ничего после себя не оставили, так как пастухи-кочевники не могли делать большие затраты на создание ценностей материальной культуры; предметы обихода их были сделаны большей частью из кожи, шерсти или дерева, материалов, которые не могут сохраняться в течение тысячелетий¹⁰. К счастью, до нас дошли наскальные рисунки в Северной Аравии¹¹.

Профессор В. Каскель, занимавшийся изучением исторической роли бедуинов, писал: «Они рисуют образы окружающего мира: верблюдов, лошадей, горных козлов, антилоп, газелей, страусов, гиен, волков, собак, а иногда и самих себя. Эти изображения служили магическим целям». Если самые ранние рисунки воспроизводят картину сравнительно мирной жизни кочевников, то положение меняется, когда речь идет о более поздних петроглифах, найденных на окраине Сирийской пустыни, к востоку от Дамаска: «Здесь господствуют,— пишет Каскель,— борьба всех против всех, нападения, кровная месть. Здесь мы находим тесно сплоченные общности. Отдельный индивид может назвать предков до десятого колена. Вместе со своими потомками они составляют племя»¹². В этих надписях мы впервые встречаемся с теми сведениями, которые бедуины сами о себе сообщают. Уже тогда существенными признаками общества бедуинов были: прочная связь между членами племени, высокая значимость происхождения, охрана каждого члена племени законом кровной мести.

Что надо знать о бедуинском обществе

Здесь уже несколько раз упоминалось понятие «племя». Какой смысл вкладывается в него, когда речь идет о бедуинах? Отвечая на этот вопрос, мы должны опираться прежде всего на современный этнографический материал, ибо другие источники, рассказывающие об общественных отношениях у этих народов, слишком скучны. Мы исходим из предположения, что в основе раннего родового общества лежало кровное родство. Самой маленькой социальной единицей племени является семья, живущая в отдельном шатре. Несколько родственных семей, то есть сыновья одного человека, их жены и дети, составляют семейную группу, которая проживает на одной стоянке, совместно перекочевывает и ведет хозяйство¹³. Возможно, уже очень рано появились индивидуальная и семейная собственность на скот, что способствовало возникновению значительных имущественных различий¹⁴. Самый старый и опытный человек в этом сообществе являлся его главой. Несколько семейных групп объединяются в подразделения племени, из них в свою очередь образуются более мелкие родственные группы, в совокупности составляющие племя. Бедуины дали этим формированием собственные имена, которые весьма отличны от района к району. Члены племени, как правило, определяют свою общность происхождением от одного и того же предка, стоявшего во главе их генеалогической системы и часто дающего племени имя. Каждый бедуин чрезвычайно гордится чистотой происхождения. Лишь тот, кто может проследить все звенья «цепи» своих предков на протяжении многих поколений, считается «асилом», то есть расово чистым, благородным, совершенным. Каждый бедуин должен хорошо знать свое «родовое древо» и генеалогию главы сообщества. Эти сведения хранятся в памяти и лишь в редких случаях закрепляются на бумаге. Для рано сформировавшейся патриархальной формы общества характерно то, что «племенные древа» прослеживаются только по мужской линии; женские имена упоминаются в арабской генеалогии в исключительных случаях. Этим же объясняется и «первородство», то есть предпочтение, которое отдается перворожденному сыну как в отношении права наследования, так и в отношении

преемственности функций вождя племени. Далее на наглядных примерах будет охарактеризовано общество бедуинов, его структура и обычай.

Жизнь бедуина теснейшим образом связана с жизнью всех его родственников. Чувство этой связи арабы называют «асабийя». Средневековый арабский историк и социолог Ибн Халдун пишет, что для каждого бедуина асабийя — существенное средство защиты и обороны, сопротивления, средство, дающее возможность утверждать свои притязания по отношению к любому, кто стоит вне племени.

Наглядным проявлением асабийи стали, например, общие для племенной группы знаки собственности. Ими клеймятся верблюды, их устанавливают по краям колодцев. К этим проявлениям относится также «нахва» — боевой клич, которым в разгар сражения бросают вызов противнику и подбадривают союзников. Такое же значение имеют обязательства кровной мести в соответствии с древним девизом: «око за око, зуб за зуб, кровь за кровь», а также действующие и по сей день брачные правила, по которым бедуин берет в жены дочь дяди по отцу («бинт ал-амм»), и патрилокальность брака, то есть обычай, когда жена следует за мужем в его лагерь.

Чем объясняется устойчивость типичных черт образа жизни бедуинов на протяжении столь длительного времени? Буржуазные ученые находят в этом лишь субъективные причины. Так, М. Оппенгейм приписывает бедуинам «бесконечное чувство независимости» и отмечает: «Их ничего не интересует, кроме жизни в пустыне. Отсюда их отвращение к любому насилию, к любому правительству, к любому налогу, к военной службе, отрицательное отношение к оседлости и упорядоченному труду»¹⁵. Аналогичного мнения придерживается ливанский историк Ф. К. Хитти. Он отрицает малейшее стремление бедуинов к изменениям и прогрессу. Основной причиной устойчивости общества бедуинов Хитти считает среду их обитания. Он говорит, что пустыня — это хранитель священной традиции бедуинского общества, чистоты его языка и крови, первая линия обороны от влияния внешнего мира.

Все эти объяснения не затрагивают существа проблемы. Понять истину можно лишь с позиций историче-

ского материализма, который учит, что движущей силой истории является развитие производительных сил. В узких рамках кочевого скотоводства развитие этих сил ограничено¹⁶. Производство у бедуинов находилось все время примерно на одном и том же уровне и качественно не выросло, хотя в количественном отношении оно сильно увеличилось, а пастбища и стада стали использоваться более интенсивно. В дальнейшем будет показана негативная сторона «устойчивости» общества бедуинов, особенно в настоящее время, в арабских странах с прогрессивными режимами, где развертывается борьба за преодоление «племенного мышления».

Следует учитывать также, что бедуины никогда не были экономически автаркичными, то есть независимыми от оседлого крестьянского населения. Историческое значение возникновения кочевого скотоводства заключается в том, что оно привело к первому большому общественному разделению труда. Это относится не только к бедуинам, но и ко всем кочевым народам. Какое влияние оказывало это общественное разделение труда на экономику арабских кочевников-верблюдоводов? Бедуины разводят скот — верблюдов, овец и коз. Они продают на рынке продукты животноводства — молоко, масло, шерсть и кожу в обмен на необходимые им продукты земледелия (зерновые, финики), а также орудия труда, одежду, украшения и оружие. На основе этой объективной необходимости уже давно сложились двусторонние связи между оседлым населением оазисов и плодородных возделываемых земель арабского мира и кочевниками. Эти связи сохраняют свое значение и в настоящее время¹⁷.

К истории исследования проблемы

Не удивительно, что первые претендующие на научность сообщения о бедуинах принадлежат перу арабских ученых средневековья. Наука достигла в средневековой Аравии несравненно большего расцвета, чем в Европе. Кроме того, арабские ученые говорили на том же языке, что и бедуины, жившие на периферии арабского мира, и, естественно, имели больше возможностей для знакомства с ними, чем их современники в других странах.

Арабскому историку и философу Ибн Халдуну (он родился в 1332 году в Тунисе и, прожив полную превратностей жизнь, побывав в самых различных уголках арабского мира, скончался в Каире в 1406 году) мы обязаны реалистическими и весьма ценными в социологическом отношении мыслями об особенностях жизни бедуинов. Они имеются прежде всего в знаменитом «Мукаддима», представляющем собой трехтомный труд, который рассматривается как научно-историческое введение к его «Всемирной истории» (Китаб ал-Ибар). Как горожанин автор предвзято относится к кочевникам-бедуинам, он считает их «самыми дикими существами, какие только есть». Он проводит грань между весьма подвижными верблюдоводами, проникающими далеко в глубь пустыни, где верблюды находят нужные им растения и соленую воду, и кочевниками-овцеводами, радиус передвижений которых весьма ограничен. Ибн Халдун приходит к выводу: поскольку среди оседлого населения встречается много бывших кочевников, кочевой образ жизни предшествовал оседлому.

Военное превосходство бедуинов над оседлыми народами в средние века Ибн Халдун объясняет тем, что естественные суровые условия жизни в пустыне способствовали воспитанию и постоянному развитию у бедуинов бдительности, готовности к борьбе. Но тем не менее он считает, что оседлые люди привыкли к лености и безделью. Они вверяют защиту своей собственности и жизни властителю и его армии, а сами постоянно пребывают в состоянии беззаботности.

Ибн Халдун подробно описал некоторые особенности нравов этих народов. Например, они очень высоко ценили благородство происхождения и точное знание каждым своего «родового древа». У них были распространены кровная месть и замена ее кровными деньгами, прием в члены племени посторонних путем усыновления; их отличали склонность к грабежам и опустошениям, презрение к ремесленной деятельности; они поддерживали постоянные торговые связи с оседлым населением. Ибн Халдун отметил также привязанность племени к определенному пастбищу, потому что другие пастбища заняты другими бедуинами, которые в свою очередь отобрали их у других.

Ибн Халдун рекомендует властителю править бе-

дуинами, опираясь на силу, и — в случае необходимости — разжигать противоречия между ними, чтобы заручиться поддержкой одной партии, с помощью которой он может найти подход к остальным и привести к повиновению. Впоследствии центральная власть часто применяла этот принцип по отношению к бедуинам.

Такие важные как в историческом, так и в социологическом плане выводы было бы напрасно искать в современной Ибн Халдуну западной литературе. Ранние европейские путешественники, занимавшиеся Передней Азией конца XII века, имели предвзятое мнение о его жителях. Хроники крестовых походов сообщают прежде всего о боях с «язычниками», которых вынуждали платить дань. Характер крестовых походов — а это были захватнические войны — определял враждебное отношение крестоносцев к местному населению. Крестовые походы принесли народам завоеванных областей несказанные мучения и ужасные опустошения. Крестоносцы свирепо эксплуатировали крестьян, среди которых были как арабские мусульмане, так и сирийские христиане. Коренное население ненавидело завоевателей.

Во время мирных по своему характеру паломничеств из Германии в «святые места», часто предпринимавшихся в XV и XVI веках, отношение паломников к местному населению продолжало оставаться весьма предвзятым.

Например, Б. фон Брейденбах, который в 1483—1484 годах совершил паломничество в Палестину и на Синай, характеризует в книге «Путешествие в Святую землю»¹⁸ арабов как «язычников», требующих «больших денег» от паломников, когда те направляются из Иерусалима в монастырь св. Екатерины, находящийся на южной оконечности Синайского полуострова, с караванами. Брейденбах советует другим паломникам терпимо относиться к арабам, ибо последние не оставляют нанесенные им оскорблений «без отмщения».

Ф. Фабер, который в 1480 и 1483 годах в качестве капеллана сопровождал южнонемецких дворян в «святые места», в опубликованном в 1556 году описании своего путешествия впервые упоминает о кочевом населении Северной Аравии, не употребляя, впрочем, понятия «бедуины». Он пишет, что «арабы — это народ, гонимый

нуждой, как и цыгане. У них нет собственной земли, и они бродят по пустыне в поисках земель, где есть пастбища и вода. Найдя их, они раскидывают шатры и живут там до тех пор, пока запасы корма для скота и воды не истощаются. Тогда они поднимаются и ищут другое место»¹⁹. С группой паломников Фабер также совершил путешествие из Иерусалима в монастырь св. Екатерины, который находился тогда под защитой бедуинов. Паломники оставили рассказ о своем пребывании в монастыре, по которому можно составить представление о том, что там была за власть, а также о том, как относились паломники к арабам. Фабер писал, что монастырь был полон язычниками, злыми мошенниками. Ежедневно монахи должны были раздавать восемидесяти или ста «язычникам» хлеб и овощи. Если монахи тотчас не выдавали им требуемое, они устраивали бунт. Один раз они даже выгнали всех монахов из монастыря.

Эти сообщения свидетельствуют об отвращении и явном недоверии к арабам паломников, с полным презрением смотревших на «неверных язычников», что уже с самого начала лишило их возможности трезво и объективно оценивать условия жизни в странах Востока.

В этих ранних путевых заметках нет недостатка в фантастических преувеличениях, что, впрочем, не было редкостью в средние века. Так, рыцарь Иоханис де Монтевилла уверял, что он якобы путешествовал по Амазонии, которая расположена по ту сторону Халдеи, и что «там живут одни женщины».

В начале 70-х годов XVI века на Восток отправился человек, который был проникнут совсем иным духом, чем его предшественники — крестоносцы и паломники. Это был Л. Раувольф, «доктор медицины и медик из Аугсбурга», о котором мы уже упоминали. Томимый жаждой исследования и свободный от догматических оков, Раувольф с готовностью воспринимал все новое, хотя и чуждое ему. Самые ранние сведения о бедуинах мы имеем благодаря его тщательным и точным наблюдениям. Он много жил в шатрах, кочевал по пустыням; немало этнографических подробностей оставил не только о бедуинах, но и о тюрках, курдах, друзах и маронитах. Раувольф родился в купеческой семье. Для поступления в университет его готовили домашние учите-

йя. Он учился в Германии, Италии и во Франции, где в 1562 году получил степень доктора медицины и ботаники. Раувольф был практикующим врачом в южно-германских городах, а потом и на Востоке, куда он отправился в 1573 году. Он поехал по поручению богатых аугсбургских купцов. Позже посвятил им книгу о своей поездке.

В XV и XVI веках Аугсбург был центром накопления капитала в Германии; в то время сильно возросла численность владельцев крупных состояний. Владельцы крупных фирм — Футеры, Рехлингеры, Паумгартнеры, Гохштеттеры — были сильно заинтересованы в расширении торговых связей с Передней Азией больших выгод. Они щедро снабдили Раувольфа деньгами. В этой экспедиции он выступал не столько в качестве торговца, сколько как врач и наблюдатель с хорошей научной подготовкой.

18 мая 1573 года Раувольф выехал на лошади из родного Аугсбурга по направлению к Линдау, расположенному на Боденском озере. Через Хур, Коло, Милан и Ниццу он прибыл в начале июня в Марсель. Здесь он встретился с будущим спутником У. Крафтом и вместе с ним поднялся на борт фрегата «Санта Кроче», который отплыл в Сирию. 30 сентября судно прибыло в гавань Триполи (ныне Траблус). Здесь Раувольф проводит несколько недель, затем начинает свои поездки в глубь страны. Из Алеппо (Халеб) с караваном верблюдов он направляется к Евфрату. В Бире он садится на судно и плывет вниз по Евфрату. В Фелуге (возможно, нынешняя Фаллуджа), где, как ему ошибочно показалось, он видел развалины древнего Вавилона, Раувольф прерывает речное путешествие и 26 октября 1574 года приходит с караваном в Багдад. Пробыв два месяца в столице на Тигре и тщательно изучив ее окрестности, он выезжает в северном направлении в города Киркук, Эрбиль и 7 января 1575 года прибывает в Мосул. Отсюда в обществе еврейских купцов он снова держит путь в Сирию и 10 февраля возвращается в исходный пункт своего путешествия — Триполи. Здесь Раувольфу пришлось три месяца скрываться на складах французского консульства, чтобы избежать ареста турецкими властями, принявшими его за шпиона из-за его поездок во

внутренние районы страны. У. Крафт был арестован еще раньше и провел три года в турецкой тюрьме. Среди пациентов Раувольфа был патриарх маронитской церкви из Ливана. После выздоровления в знак благодарности он взял Раувольфа с собой в горы, благодаря чему последний имел возможность глубоко познакомиться с условиями жизни друзов и маронитов. В сентябре 1575 года Раувольф отправляется морем из Триполи в Яффу, а потом в Иерусалим. Затем он возвращается в Триполи и 6 ноября на паруснике «Св. Матфей» отплывает на родину. Закончив плавание по бурному морю, судно 15 января 1576 года бросило якорь в Венеции, а 15 февраля Раувольф вернулся в родной город. Шесть лет спустя появилась его книга об этом замечательном путешествии. Как видно, Раувольф не сразу решился на ее публикацию. Однако она имела чрезвычайный успех, выдержав несколько изданий не только на родном, но и на иностранных языках. Хочется упомянуть о таком эпизоде. В экземпляре издания 1583 года, хранящемся в библиотеке Лейпцигского университета, среди многочисленных помет на полях есть такая: «Д. Раувольф — кошачий лютеранский, навеки проклятый мошенник!» Вполне очевидно, что для этого находившегося в дурном настроении критикана откровенные и просвещенные взгляды Раувольфа были бельмом на глазу.

В книге об этом путешествии нас больше всего интересуют подробности из жизни бедуинов: смена лагерных стоянок, описание предметов обихода, больших корзин-паланкинов для седоков, укреплявшихся на горбе верблюда. Во время передвижений в них сажали женщин и детей. Раувольф рассказывает о том страхе, который охватывал жителей городов при одном только появлении бедуинов. Горожане на несколько дней запирали ворота, пока не уходил караван. Автор пишет о дополнительных доходах бедуинов от взимания ими пошлин за проход чужих караванов по территории племени. Он сообщает и о случаях ограбления проезжих торговцев. Немало страниц в книге посвящено домашним животным кочевников, и прежде всего верблюдам. Раувольф неоднократно видел стада в три-четыре тысячи голов. Он характеризует дромадеров как сильных и выносливых животных, которые могут переносить большие тяжести и в течение почти четырех дней на огромной жаре обходить-

ся без воды. Бедуины употребляли в пищу преимущественно продукты животноводства: молоко, сыр и мясо, в то время как в хлебе ощущался острый недостаток. Сам Раувольф и его спутники неоднократно обменивали молоко, которое предлагали им бедуины, на зерно.

На связь между телосложением бедуинов и употребляемой ими пищей указывал анонимный автор «Азиатского журнала», выпущенного в Лейпциге в 1806 году. Эта характеристика может нам сейчас показаться наивной, но она попадает прямо в цель. Там сказано, что арабы-бедуины, как правило, небольшого роста, худощавые и чрезвычайно загорелые; чем глубже в пустыне они живут, тем эти черты выражены отчетливее. Причина — образ питания. Они живут слишком умеренно и скромно. Шесть-семь фиников в растопленном масле, немного сладкого или кислого молока — таков дневной рацион мужчины. Он считает себя счастливым, если может добавить к этому несколько пригоршней грубой муки или риса. Большинство ест мясо лишь по большим праздникам. Только на свадьбу или на похороны режут козу. Богатые и знатные шейхи могут себе позволить резать молодых верблюдов и есть вареный рис с мясом. Особенно плохо питаются самые бедные бедуины. Они едят саранчу, крыс, ящериц и змей, которых жарят.

Наблюдения Раувольфа о шатрах, домашней утвари, одежде, оружии и украшениях арабских верблюдов XVI века интересно сравнить с современными этнографическими данными. Изменения коснулись в первую очередь оружия. Во времена Раувольфа господствовали копья, луки, стрелы, кривые кинжалы. Огнестрельное оружие было неизвестно. Когда арабы впервые сталкивались с ним, то испытывали такой ужас, что обращались в паническое бегство. Сегодня бедуины имеют вполне современное огнестрельное оружие, а из традиционных видов у них остались только кинжалы.

Данные Раувольфа о материальной культуре бедуинов по сравнению с его данными об их общественном строе намного ценнее, что объясняется, вероятно, недостаточным знанием языка, о чем неоднократно сожалеет сам автор. Этот недостаток, впрочем, не умаляет больших заслуг Раувольфа. Его книга занимает видное место в бедуиноведении.

Со временем европейские державы стремились как можно больше расширить свое экономическое и политическое влияние на Востоке — количество сведений о населении Аравии, находившейся под владычеством Османской империи, поступавших в Европу, с каждым годом увеличивалось.

В XVIII — начале XIX века в разное время в самые глухие, неизведанные области Арабского Востока прошло немало путешественников с Запада. Это были швейцарец И. Л. Буркхардт, датчанин К. Нибур, немец У. Г. Зеетцен, француз Пачо и другие. В своих трудах они оставили немало ценных сведений об арабах, в том числе и о кочевниках.

Многие из путешественников расплачивались своими жизнями за смелое вторжение в этот неведомый мир пустынь. Знания о нравах и обычаях бедуинов существенно пополнились благодаря опубликованному французом Майо в 1816 году в Париже трехтомному труду, где речь шла преимущественно о египетских и северо-арабских племенах.

Высокоразвитые капиталистические страны Европы, прежде всего Англия, Франция и Германия, как бы соревнуясь между собой, направляли со специальными заданиями в Африку и Переднюю Азию все новых путешественников. В этом коротком обзоре невозможно перечислить всех исследователей, которые во время странствий по Востоку вступали в контакт с бедуинами, однако с наиболее интересными представителями бедуиноведения хочется познакомить читателя.

Отдадим предпочтение женщинам и начнем рассказ о деятельности леди Энн Блант, предприимчивой англичанки, которая вместе со своим супругом дипломатом и писателем У. Блантом много лет путешествовала по арабским пустыням и степям, устанавливая контакты с бедуинскими племенами. Из-под ее пера вышло четыре содержательных тома, посвященных бедуинам Месопотамии и Внутренней Аравии. Бланты были большими любителями «огненных» арабских скакунов и имели достаточно средств, чтобы во время поездок закупать племенных животных. Позже они основали вблизи Каира конный завод Энн Шэмс, ставший вследствие всемирно известным. Их дочь, леди Уэнтворс, продолжила это прибыльное дело в Англии и создала в 1850 году кон-

ный завод в Краббет Парке (Суссекс), оказавший большое влияние на разведение арабских чистокровок в США и некоторых европейских странах.

Другим страстным «лошадником» был австриец К. Расван, который в 20—30-х годах нашего века совершил немало путешествий по Внутренней Аравии. Он установил дружеские отношения с некоторыми вождями бедуинов племени рувала и долгое время провел среди этих кочевников-верблюдоводов, владевших чистокровными скакунами. Расван хорошо приспособился к образу жизни бедуинов; он жил вместе с ними в шатрах, носил их одежду и участвовал в соколиных охотах. Он заходил настолько далеко, что не оставался в стороне и от кровавых столкновений между племенами рувала и шаммар. Его книга «В стране черных шатров»²⁰ подкупаает мастерски выполненными фотографиями; содержание же имеет весьма субъективный характер. Вся его деятельность в Аравии направлялась в основном страстью к приключениям, хотя он немало сделал для науки, опубликовав несколько ценных статей по гипнологии, географии и этнографии арабских стран. Позже К. Расван стал удачливым коннозаводчиком в Нью-Мексико.

Среди пионеров бедуиноведения мы почти не встречаем этнографов. Это были скорее географы, как, например, чех А. Музиль, который после продолжительных поездок по Аравии опубликовал шесть объемистых трудов, в том числе специальное исследование «Нравы и обычаи бедуинов рувала», или археологи и историки, как француз Р. Монтань. Он изучал кочевые племена Северной Африки, а потом возглавил Институт французской колониальной администрации в Дамаске. Среди английских авторов, черпавших материал непосредственно из «первоисточника», особенно широко представлены высшие чиновники британского колониального управления, и это не случайно. Колониальная политика британского правительства в Азии и Африке основывалась большей частью на принципе косвенного управления, системе непрямого господства в зависимых странах, существование которой заключалось в том, что формально власть сохранялась за представителями готовой к сотрудничеству местной верхушки, а к ней приставлялись английские советники, которых на родине очень

тщательно готовили к предстоящей деятельности, в частности обучали восточным языкам. Они должны были действовать в интересах колониальной администрации, влияя на подготовку всех принимаемых местными властями решений. Служба этих «политических агентов» — так они назывались официально — предлагала длительное пребывание в стране. Поэтому они имели все возможности, чтобы собирать, а затем публиковать важную информацию по истории и этнографии.

Представителем британского колониализма, серьезно изучавшим проблемы кочевничества, был, например, Дж. Филби, занимавшийся, в частности, Саудовской Аравией. Впоследствии он поселился в этой стране и принял ислам. Интересы британской короны отстаивали также Г. Макмайк (в Судане) и Р. Диксон (в Иране и Кувейте). К этой категории можно отнести и генерала Глабба, который подвизался в Иордании, где командовал Арабским легионом. Мы еще встретимся с ним в этой книге.

Немалые заслуги в бедуиноведении и в археологическом изучении Передней Азии принадлежат барону М. фон Оппенгейму, хотя его политическая деятельность заслуживает самой серьезной критики. Он родился в 1860 году в семье влиятельного банкира. Перед ним рано открылись все пути для блестящей карьеры. Он заканчивает Страсбургский университет, становится офицером резерва кайзеровского вермахта и в возрасте 26 лет отправляется в первое путешествие на Восток. Вместе с этнографом В. Йостом он пересекает Северную Африку и Аравию и добирается до реки Ганг. Он знакомится и с Восточной Африкой. Уже в это время стало очевидным, как искусно Оппенгейм умел сочетать свои личные интересы с планами высших германских финансовых кругов. Молодой барон рано проявляет себя как активный колонизатор. По возвращении на родину он передает Рейнскому плантационному обществу земли, «приобретенные им в области Усамбара». Он признался, что «купил» у вождя по имени Кипанга участок девственного леса на берегу Пангани (Руву), — за сколько и на каких условиях, об этом Оппенгейм умалчивает.

Во время следующих поездок, длившихся зачастую

По несколько лет, он не раз пересекал Переднюю Азию в самых разных направлениях и хорошо познакомился с бедуинами. У него было достаточно средств, чтобы нанять сколько нужно помощников, которые могли бы под его руководством собирать сведения по истории, происхождению и распространению арабских кочевых племен. Делая ценные подарки вождям, он завоевывал их расположение. Ему очень пригодились знания арабского языка и ислама, которые он приобрел во время многомесячного пребывания в Каире. «Постоянно живя вместе с бедуинами — в седле и в шатре, — вспоминал позже фон Оппенгейм, — я все лучше знакомился с их обычаями. Они чувствовали, что я расположен к ним, понимаю их нравы и обычай. Поэтому и они относились ко мне хорошо и с готовностью отвечали на мои вопросы»²¹.

Во время поездок по странам арабского мира М. Оппенгейм постоянно изучал возможности экспорта капиталов немецких банкиров и промышленников в Османскую империю. Он принимал самое активное участие в разработке планов «передела мира», вынашивавшихся кайзеровской дипломатией, и в подготовке проекта строительства Багдадской железной дороги. Эта дорога, хотя она и не была построена, имела важное политическое значение и должна была принести немецким капиталистам огромные прибыли.

В первые десятилетия нашего века М. Оппенгейм развертывает чрезвычайно активную деятельность. Он становится профессиональным дипломатом ведомства иностранных дел на Вильгельмштрассе. В 1900 году получает чин советника, а позже — министриаль-резидента. В 1902 и 1904 годах он изучал в США опыт крупных железнодорожных концернов, чтобы использовать его при строительстве Багдадской дороги. Мы встречаем его в Алжире, Копенгагене и потом много раз в странах Передней Азии. Попутно он создает объемистые труды о путешествиях: в частности, он написал два тома «От Средиземного моря к Персидскому заливу». С 1911 по 1913 год фон Оппенгейм ведет раскопки знаменитого Тель-Халафа в Сирии. Они были продолжены с большим размахом в 1927 и 1929 годах и вернули человечеству замечательные памятники исчезнувшей культуры. В 1930 году Оппенгейм на базе находок Тель-Халафа

создал в Берлине музей, от которого после второй мировой войны остались лишь развалины. Некоторые уцелевшие фрагменты скульптур находятся сейчас в экспозиции Переднеазиатского музея в Берлине.

О подготовительных исследованиях, предшествовавших задуманному труду, посвященному бедуинам, Оппенгейм писал, что на протяжении десятилетий он уделял особое внимание сбору письменных источников о бедуинах на самых различных языках; литературных, исторических, географических описаний путешествий, всевозможных статистических материалов, сообщений христианских и мусульманских паломников и т. д. Для изучения бедуинов им были приобретены важные восточные рукописи раннего и позднего периодов. Литература о бедуинах занимает значительное место в библиотеке М. Оппенгейма, насчитывающей 40 тысяч томов.

Труд «Бедуины», который должен был состоять из пяти томов (они выходили с большими промежутками с 1939 по 1968 год)²², не под силу было создать одному человеку, поэтому Оппенгейм привлек к сотрудничеству двух молодых способных ученых из Лейпцигского университета: Э. Брайнлиха и В. Каскеля. Первый погиб во время второй мировой войны, второй руководил позже Восточным семинаром Кёльнского университета. В некрологе Максу Оппенгейму, скончавшемуся в 1946 году в возрасте 86 лет в Ландсхуте (Нижняя Бавария), профессор Каскель писал, что во второй половине 20-х годов в самой личности барона произошло своеобразное изменение. Если до этого все его начинания служили его личным интересам, то теперь на первый план постепенно выдвигаются задачи науки. В 1925 году он поручил Г. Шмидту обработку мелких находок на Тель-Халафе. Позже он предоставил Брайнлиху и Каскелю свободу действий в изучении бедуинов. Оппенгейм пожертвовал большие суммы на создание библиотеки и ее каталогизацию. Он бодро переносил тяготы старости; с достойной удивления энергией преодолел в 79-летнем возрасте болезнь и другие неприятности во время последнего путешествия на Восток в 1939 году. Затем Оппенгейм провел счастливые недели в шатрах шаммаров, где продолжал исследования для этнографического тома серии о бедуинах, которую он готовил. Он начал

свой жизненный путь как светский человек и дипломат, а завершил его как неутомимый труженик и учёный.

Но, к сожалению, весьма ценная научно-исследовательская деятельность М. Оппенгейма была омрачена его реакционной политической позицией.

На противоположной стороне баррикад сражался А. Бебель, современник Оппенгейма, видный деятель международной социал-демократии. Вместе с К. Либкнехтом он принадлежал к тем неустранимым борцам, которые, несмотря на засилье реакции, подняли голос в рейхстаге против грабительской завоевательной политики кайзеровского правительства на Востоке. Вероятно, многие читатели были удивлены, прочитав слова Бебеля, предпосланные в качестве эпиграфа к этой главе. Что общего у Бебеля с бедуинами? Конечно, простому рабочему путешествие на Восток было недоступно, но как лидер рабочего движения и публицист, помимо многих других проблем, Бебель занимался и проблемами Востока. В 1883 году в Лейпциге, где во времена действия «Закона о социалистах» Бебель находился под полицейским надзором, он завершил работу над рукописью, которую назвал «Период мусульмано-арабской культуры». Впервые она была опубликована год спустя и представляла собой, по словам автора, «популярное изложение», разоблачение узколобой догмы шовинистическо-христианского общества того времени. Фактический материал для этого исследования Бебель почерпнул из обширной востоковедческой литературы. Глубоко изучив общественные, религиозные, юридические и культурные черты арабской культуры, автор приходит к выводу, что период мусульмано-арабской культуры — это связующее звено между исчезнувшей греко-римской и древней культурой вообще и достигшей расцвета после эпохи Возрождения европейской культурой. Без этого связующего звена последняя вряд ли достигла бы своего нынешнего высокого уровня²³.

Анализируя развитие арабской культуры, Бебель проводит четкую грань между оседлым населением плодородных окраинных областей и скотоводами-кочевниками засушливых районов. Он высказывает чрезвычайно ценные мысли относительно «условий власти» и тормозящей роли традиции в арабском образе жизни. Бебель весьма точно характеризует многие типичные осо-

бенности жизни бедуинов и дает ответ на вопрос о дифференциации внутри бедуинского общества. В частности, он пишет, что достигнутые преимущества высоко ценивались и высоко уважались теми, у кого были отняты, ибо они были большей частью достигнуты в борьбе. В борьбе решался вопрос о вождях и о подчинении. Смелость была одной из наиболее чтимых добродетелей, но высоко ценилось и осуществлялось на практике великодушие по отношению к «побежденному врагу». Бебель отмечал также, что священным и неприкосновенным считалось гостеприимство. Это произведение Бебеля заслуживает того, чтобы получить большую известность чем та, которую оно сейчас имеет.

Можно было бы сообщить еще много интересного по истории исследования бедуинов, но перед нами стоит другая задача: познакомиться с самими бедуинами, встретиться с ними, так сказать, лицом к лицу.

Действительно зажиточным бедуин может считаться тогда, когда, сидя на земле, он не видит вокруг ничего, кроме брюха своих верблюдов.

*Изречение бедуина
племени аулад-али*

«Пей на здоровье!» — говорит пастух и подает мне семиль, кожаный сосуд, наполненный теплым верблюжьим молоком. Приятно сладковатое на вкус, оно моментально утоляет жажду. Снаружи сосуд сухой и твердый, внутри скользкий: это засушенное верблюжье вымя. Молодой человек, который меня угождает, держится непринужденно и смело. Его темное, опаленное солнцем и иссеченное ветром лицо обрамлено черными как смоль спутанными кудрями, не знающими гребня. Мы находимся в Абагийа, на солончаковом пастбище, в огромном степном районе, расположенному в междуречье Тигра и Евфрата. Весной бедуины племени шаммар сгоняют сюда стада верблюдов. Животные чувствуют себя на этом пастбище особенно хорошо, а верблюдицы дают много молока. Детеныши у них обычно появляются раз в два года, и кормят они их по 7—9 месяцев. В этот период от каждого животного бедуины надаивают до 10 литров молока. Они любят его и считают самой здоровой и питательной пищей. Верблюжье молоко содержит меньше жира, чем коровье или овечье, и не пригодно для изготовления масла.

Корм, которым питаются верблюды в тот или иной период, сообщает молоку (подобно тому как взяток пчелы — меду) специфический привкус. Оно пряное и ароматное, если в корм идут ромашка и шалфей, чуть-чуть горьковатое, когда животные питаются солончако-

выми растениями, слегка водянистое и пресное, если ничего другого, кроме деревьев и кустарников, нет. Никогда не забуду вкус верблюжьего молока, которым меня угощали в Судане из четырехлитровых калебас. Верблюды тогда питались кустами цветущей акации. Она распространяла вокруг сладкий аромат, напоминающий медовый. Я видел, как некоторые верблюды-сластены поднимались на задние ноги и вытягивали длинные шеи, пытаясь достать желтые шаровидные соцветия акации, мелькавшие среди ветвей.

Существует множество примеров, говорящих о том, как высоко бедуины ценят верблюжье молоко. Им обычно угощают гостей; на суде, чтобы подкрепить те или иные показания, приносят священную клятву: «Клянусь жизнью верблюда, который дает нам пищу», или «Клянусь жизнью того, кто дает нам молоко».

Верблюдов доят исключительно мужчины. Объяснить это трудно. Многие считают, что запрещение женщинам доить верблюдов исходит от Корана: в шестой суре (стих 140) говорится: «То, что находится в чреве этих животных, предназначено исключительно для наших мужчин и запретно для наших женщин».

Верблюдица позволяет себя доить, если ее детеныш находится поблизости. Обычно пастух отгоняет от верблюдицы сосущего верблюжонка и сразу же начинает доение²⁴. Чтобы помешать детенышу сосать в непредусмотренное время, вымя верблюдицы перевязывают лентой; верблюжат выгоняют на пастбище отдельно от матерей. Если детеныш погибает от болезни или его режут, то, чтобы и дальше получать молоко, бедуины прибегают к хитрой уловке: с верблюжонка снимают шкуру и набивают ее травой, а чучело (ал-боу) дают понюхать матери. После этого верблюдицу можно доить еще несколько недель. Подобный обычай весьма широко распространен среди африканских скотоводов.

Годовалого верблюжонка отделяют от матери. Для этого ему протыкают носовую перегородку и укрепляют в ней заостренную с обоих концов палочку или кольцо; когда верблюжонок пытается сосать, он причиняет верблюдице боль, и она отталкивает его.

Бедуины употребляют в пищу и мясо верблюдов. Правда, сейчас не так много, как раньше. Желая сохранить стадо, они режут только старых или больных

животных. Особенно ценится мясо верблюжонка-самца в возрасте от 4 до 6 месяцев. Их режут в том случае, если по какой-либо причине не оставляют для выращивания. В прошлом с большими караванами всегда шло несколько ненагруженных верблюдов, предназначавшихся для забоя в случае необходимости. Таким образом можно было хорошо прокормить около ста человек.

Чтобы забить взрослого верблюда, требуется много труда, в котором участвуют несколько бедуинов. На одной из стоянок синджаров, подгруппы племени шаммар, я был свидетелем того, как забивали взрослую верблюдицу, чтобы угостить подразделение пограничной полиции, посетившей лагерь. Два молодых синджарапа отделили ее от стада и на поводу привели в лагерь. Резко дергая повод, животное вынутили опуститься на колени. Раздались гортанные крики мщения. Муцир, один из сыновей хозяина, тщательно ополоснул лицо и руки водой и взял свой ханджар, обоюдоострый кинжал. Пять сильных мужчин набросились на жалобно мычащую верблюдицу. Один из них нагнул голову и одновременно повернул ее так, чтобы шея была вытянута по направлению к священной Мекке. Остальные навалились всей тяжестью на передние ноги животного, придавливая его к земле. Призывая на помощь Аллаха, Мунир вонзил кинжал в шею несчастной верблюдицы, так что его острие вышло с другой стороны. Вращательными движениями снизу вверх он постепенно перерезал шею, и густой поток крови хлынул на песок. Несмотря на резкие конвульсии и судороги животного, Мунир улучил момент и перерезал ему позвоночник. При этом он произнес ритуальные слова: «Пусть сделает тебя Аллах достойной пищей для всех, кто будет участвовать в трапезе».

Примерно десять минут спустя, когда прекращаются судороги, с верблюда сдирают шкуру (от горба в обе стороны). Брюхо вскрывают сбоку. Обнаженными руками мужчины извлекают внутренности и складывают их на большие круглые подносы, которые тотчас уносят в женское отделение шатра. Мясо (довольно жесткое) делится на куски, и его тотчас же кладут в заранее приготовленные котлы, которые затем устанавливаются над тремя различными очагами. Позже вареное мясо вместе с целыми горами риса на огромных медных

подносах подают гостям. Сверху кладут самые лакомые куски: жирное мясо горба и жареную печень. Мозг передают женщинам: по мнению мужчин, это заставит женщин их бояться.

Шкуру животного дубят семенами акации; женщины делают из кожи очень прочные мешки для хранения фиников и овощей. Сандалии, шорные изделия и поясные ремни изготавливают в основном из верблюжьей кожи.

Высоко ценится и верблюжья шерсть, которую выщипывают у животных в конце весны. Из толстой шерстяной пряжи женщины ткут водоотталкивающие плащи для пастухов, полотница для шатров и циновки. Оставшуюся шерсть собирают в большие мешки и продают на рынке оптовым торговцам. После промышленной очистки и дальнейшей переработки из нее изготавливаются одеяла.

Это далеко не полный перечень всего полезного, что дает верблюд. В условиях полного безлесья в степях и полупустынях Аравии сушеный помет верблюдов (джеллах) приобретает большую ценность как горючий материал. Дети усердно собирают его, а женщины потом сушат на солнце. Теплотворную способность джеллаха можно сравнить с углем. Лагерный костер разжигается хворостом, а джеллах поддерживает устойчивый жар. На этом жару готовят разные кушанья и горький кофе, излюбленный напиток бедуинов. Во время длительных переходов всегда наготове сумка с «верблюжьим коксом», чтобы на привале быстро развести костер²⁵.

Бедуинские женщины промывают волосы мочой верблюдиц, считая, что она уничтожает вшей. С древних времен сохранился обычай купать новорожденного в сосуде с верблюжьей мочой, однако лично я не видел эту процедуру ни в одном из бедуинских племен. К. Рассван часто бывал у бедуинов племени рувала²⁶ и описал традиционный обряд «крещения». Он рассказывает, как бедуины взяли новорожденного и побежали с ним к верблюду. Пинками в бедро животное заставили подняться. Правой рукой ему стали чесать правый бок до тех пор, пока оно не начало мочиться. Тогда они обтерли мочой пухлого, визжащего младенца и окрестили его таким образом в священное сообщество пустыни.

Так много названий для одного животного!

Я не знаю, сознательно или бессознательно Расван употребляет термин «дромадер» для обозначения верблюда как «части вместо целого». Во всяком случае это точное определение, ибо арабское слово «джамаль» — «верблюд» (отсюда — Camel) — значит «быть всхолмленным», то есть иметь холмообразный нарост, горб. Джамаль — это отнюдь не единственное слово, которым бедуины обозначают самое главное животное своих стад,— для него существуют десятки наименований. Немецкий арабист Шварцлозе пишет, что не следует удивляться тому, что самый обильный лингвистический материал относится к верблюду — главному сокровищу пустыни. Его называют по-разному в зависимости от пола, происхождения, возраста, телосложения, цвета и, разумеется, от той пользы, которую он приносит.

Можно привести здесь обширный перечень различных названий, существующих для обозначения верблюдов, но боюсь, что это утомит читателей, поэтому ограничусь лишь некоторыми примерами: «нака» — самка верблюда; «джамаль» — самец; «фахал» — верблюд-производитель; «мирад» — верблюдица, идущая на водопой; «аджрафийа» — шаловливая, резвая верблюдица, которая при езде сбивается с правильного пути; «мисбах» — животное, которое начинает пасть, когда уже совсем светло; «хурр» — быстрый, стройный верховой верблюд; «рахуль» — сильный, но неуклюжий верблюд, годный лишь для перевозки тяжестей, и т. д.

Удивляют те совпадения в обозначениях верблюдов, которые существуют у арабских племен, весьма отдаленных друг от друга как в пространстве, так и во времени. Так, племя атейба в Иордании имеет приблизительно такой же лексикон, что и шаммары в Ираке, шукрийя и саяры в Йемене или аулад-али в Ливии и АРЕ.

Живя у бедуинов, я понял, что хорошим знанием различных обозначений верблюдов можно завоевать их доверие. Оседлые жители, даже арабы, в редких случаях знакомы с профессиональным языком бедуинов.

В результате отбора, происходившего на протяжении сотен лет, из прирученных диких верблюдов были выведены многие знаменитые породы. Породистые животные пользуются большим спросом и дорого ценятся.

Из неполных двух десятков пород верблюдов наиболее известны следующие: 1) аль-Уманий; 2) аль-Хурра; 3) аль-Батиний; 4) аль-Артий; 5) аль-Аттий.

Все они — это так называемые беговые верблюды — стройные, с маленькой головой, большими глазами, тонкими ногами. На бегу их «локти» не задеваются корпусом; их движения напоминают движения газелей. Большинство бедуинов предпочитают белых верблюдов; лишь племена Южной Аравии любят верблюдов желтой масти. Цветовая гамма шерсти верблюдов очень разнообразна: желтовато-белый тон, песочный, пепельно-серый, темно-красный, темно-коричневый и, наконец, глубокий черно-серый. Существуют даже пегие верблюды, хотя зоологический справочник, составленный по А. Брему, категорически отрицает это. Туареги в алжирской Сахаре и сегодня разводят черно-белых и коричнево-белых верблюдов.

К знаменитым породистым верблюдам относятся белые беговые верблюды племени шукрийя — кочевников степей Судана. Беговыми верблюдами называют из-за их способности преодолевать рысью большие расстояния, а также потому, что подобно беговым лошадям они участвуют в соревнованиях. Однажды в Судане я спросил у бедуина, по какому случаю устраиваются обычно верблюжьи бега, и он мне шутливо ответил: «Прежде всего, когда в районе, где расположилось племя, появляется сборщик налогов. Тогда ты увидишь лишь тучи пыли, потому что каждый стремится поскорее умчаться на своем самом быстром верблюде». По торжественным случаям устраиваются спортивные верблюжьи бега. Животные стартуют с места на дистанцию от 5 до 10 километров. Победитель награждается, как правило, ценным оружием.

Несколько лет назад я видел в египетском верблюжьем корпусе быстрых и выносливых беговых верблюдов шукрийя. Для езды бедуины предпочитают использовать самок, так как самцы в период гона бывают очень злыми. У верблюдиц поступь мягче, да и управлять ими легче. Хороший беговой верблюд в состоянии преодолеть за 30 часов около 200 километров, причем даже в самую сильную жару он может до пяти дней обходиться без воды. На пастбище с сочным зеленым кормом верблюды идут на водопой лишь раз в сутки и по-

глощают огромное количество воды. Сначала верблюд утоляет жгучую жажду, а затем не торопясь выпивает 80 и более литров про запас.

А. Думрейхер, командир патруля в египетской верблюжьей кавалерии (начало XX века), оставил забавный рассказ, свидетельствующий об удивительной способности верблюда поглощать воду. Однажды Думрейхер сопровождал в оазис Сиву чиновника английской колониальной администрации. Этот господин был очень чистоплотен и регулярно принимал ванну в пустыне. Резиновую ванну установили прямо в пустыне, и, соблюдая пристойность и благонравие, чиновник заставил своего верблюда опуститься перед ней на песок; животное изображало таким образом какое-то подобие испанской стены. Верблюд вытянул свою длинную шею и головой выгнал чиновника из ванны. Его превосходительство стоял голышом и хлестал верблюда полотенцем, но тот выпил все, что было в ванне, до последней капли.

Один бедуин установил рекорд на превосходном беговом верблюде: он проделал переход через пустыню, преодолев за 8 суток расстояние в 1200 километров. После этого животное длительное время находилось на пастбище, чтобы оправиться от перенесенных лишений.

Сравнительно неуклюжие грузовые верблюды, размerrенно шествующие в караванах, в среднем проходят около четырех километров за час, но зато они очень выносливы. Обычно они находятся в пути по 12 часов в сутки и перевозят груз в 150 килограммов, особенно сильные самцы поднимают до 800 килограммов. Груз распределяется равномерно по обоим бокам верблюда с помощью покрытого ковром деревянного седла. Если на пути встречается водная преграда, верблюды не теряются и преодолевают ее вплавь. Без груза, конечно, его предварительно снимают.

Превосходно приспособленный к условиям пустыни дромадер с течением времени вышел далеко за пределы своей арабско-североафриканской родины. Сегодня одногорбого верблюда используют в пустынных областях Индии, Австралии и Южной Африки; их можно встретить в Техасе и Аризоне. «Корабль пустыни» постепенно завоевал пять континентов, и везде его используют по-разному.

Археологические находки свидетельствуют о том, что козы и овцы стали домашними животными намного раньше, чем верблюды, однако в хозяйстве бедуинов с самого начала играли подчиненную роль, поскольку они намного прихотливее верблюдов в отношении пищи и воды. Передвижения по пустыне со стадами коз и овец на далекие расстояния невозможны. Прежде бедуины, отправляясь на сезонные кочевки с выносливыми верблюдами, передавали стада мелкого скота под наблюдение оседлым крестьянам.

Однако бедуины не могут полностью отказаться от того, что дают овцы и козы: молочные продукты и прежде всего масло, а также шерсть, мясо, жир и кожа. Особенна велика нужда в шерсти черных длинношерстных коз, из которой бедуинские женщины ткут маты для шатров; арабы пустыни с давних времен называют свое жилище «бейт шаар» (дом из шерсти). У длинношерстных коз большие отвислые, винтообразные рога (и у самцов и у самок), длинная косматая шерсть, которую к началу лета обстригают. Известно, что козы по своей природе — горные животные, и мне не раз приходилось наблюдать забавную картину, когда на равнинных пастбищах Северной Аравии козлы, охваченные неудержимой страстью карабкаться по горам, вскакивали на шатры и там продолжали свои схватки.

Со временем дальние кочевья все более ограничивались и в хозяйстве бедуинов неуклонно возрастало значение мелкого скота. Сегодня, пожалуй, уже не найти племени, где не было бы овец и коз. Если доением верблюдов занимаются исключительно мужчины, то овец и коз доят только женщины и девушки.

Убой скота — дело мужское. Женщина может забить лишь заболевшее животное только в случае крайней необходимости и если поблизости нет ни одного мужчины, но тогда мясо этого животного — табу для мужчин.

Овцы и козы всегда пасутся вместе под присмотром детей и подростков недалеко от лагеря. Однако иногда они отходят подальше и теряются в степях. Так, в иракской Джезире я однажды встретил двух совершенно отчаявшихся мальчиков лет 10—12, которые блуждали по степи со своими небольшими стадами и плача искали следы на земле: лагерь, в котором они жили, пере-

Пастух из племени шаммар

шел на другое место, и им надо было приложить все свое умение, чтобы найти его.

Коз и овец разводят примерно одинаково. Лето — сезон спаривания. Для стада, насчитывающего около 200 самок, достаточно четырех-пяти производителей. Ягнята и козлята появляются на свет зимой или в начале весны. В первые дни после рождения у них детенышей бедуины оставляют им все молоко. Потом матерей пасут отдельно от ягнят, теперь они могут сосать только после дойки — утром и вечером ²⁷.

У меня всякий раз возникали сомнения в истинности утверждений о «бесконечной тишине природы в пустыне», когда я наблюдал, как голодные ягнята и козлята устремлялись к материнским стадам и с разрывающим сердце блеянием искали источник живительного молока. Период дойки продолжается до четырех месяцев в соответствии с состоянием пастбищ. В начале лета овец и коз стригут, и после этого молодняк уже не узнает своих матерей. Свежее козье и овечье молоко употребляется в пищу редко. Его перерабатывают на простоквашу, масло и сыр.

Меню бедуинов

Я сплю в отсеке для гостей в шатре шейха Феннера, одного из вождей племени аслам. Меня будит странный шум. Проходит некоторое время, пока мне удается побороть сон и получить ясное представление о характере звуков. Это ритмичное бульканье и всплески, будто волны бьются о борт лодки. Но ведь здесь нет ни воды, ни лодки. Я сбрасываю с себя овечью шкуру, поднимаюсь и осторожно заглядываю через перегородку в женскую половину, откуда доносятся звуки. Две женщины сидят на ковре и держат на коленях большие надутые кожаные бурдюки, придавая им движение маятника. Приготовление масла путем взбалтывания молока в кожаных сосудах распространено у всех бедуинов, а также у скотоводческих племен Средней и Центральной Азии и Кавказа. Таким способом изготавливали масло древние шумеры. Проходит от одного до двух часов — в зависимости от температуры воздуха, — и масло сбивается в небольшие комочки, которые потом вылавливают рукой из обрата и кладут в специальные кожаные мешки. Если масло надо сохранить в течение длительного времени, про запас или для продажи, его предварительно перетапливают и засаливают, поскольку топленое масло сохраняется дольше, чем свежее. Приготовление масла — повседневное занятие женщин и девушек в период дойки. Эта работа начинается еще до рассвета. Со временем я привыкаю к этому утреннему сигналу побудки и только поворачиваюсь на другой бок, продолжая спать до восхода солнца.

Обрат подается обычно как освежающий напиток к

Приготовление масла в кожаном сосуде

завтраку вместе с жареными финиками и политыми горячим маслом хлебными лепешками. Все это действительно очень вкусно. Чтобы обеспечивать себя белковой пищей в те месяцы, когда молока мало, бедуины изобрели способ изготовления молочных консервов. Исходный продукт при этом — кислое молоко, которое наливают в полотняный мешок, чтобы стекла сыворотка. Полученный творог солят, делят его на куски, придают им яйцевидную форму и затем сушат под солнцем, получая сухой соленый сыр. Весной можно часто видеть, как края крыш шатров буквально усыпаны им. Готовый продукт носит название «бахль» или «кишк»; консервы совершенно твердые и в сухом месте могут храниться неограниченное время. Бахль охотно используют как провиант в пути, а также для приготовления молочного напитка. Перед употреблением эти консервы надо раздробить на мелкие куски и размягчить в воде²⁸.

Мясо овец и коз — любимая пища бедуинов, которую

они позволяют себе лишь по праздникам. Для таких случаев, как свадьбы, обрезания, поминки, режут одного, а чаще нескольких животных. Хозяин шатра в знак особого внимания к гостю потчует его мясом ягненка или барана. Между поимкой животного на пастбище и подачей на стол блюда, приготовленного из его мяса, проходит около двух часов.

Забой производится с невероятной быстротой. Как только перестает течь кровь, с животного снимают шкуру. Делая разрезы в точно рассчитанных направлениях, тушу делят на порции, которые незамедлительно отправляют в котел. Бедуины особенно любят печень, сердце и почки, а также курдюк, который высоко ценится из-за жира — этого редкого продукта в бедуинской кухне.

Арабские лошади — выносливые и красивые

С давних пор у многих арабских племен важную роль играет коневодство, хотя по экономическому значению его вряд ли можно сравнить с верблюдоводством и разведением мелкого скота. Чистокровный скакун всегда был предметом стремления и гордости каждого бедуина. Однако они не пользуются ни молоком, ни мясом лошадей в отличие от народов Центральной Азии (например, Монголии). У бедуинов лошадь — это исключительно ездовое животное, оно олицетворяет экономическую силу своего владельца. В период расцвета бедуинской культуры лошадь имела особое значение в грабительских набегах на другие племена. В османский период красивые лошади были, как отмечает путешественник по Аравии XIX века Э. Захау, предметом подкупа турецких чиновников, ибо чистокровные лошади из пустыни — это самые желанные и ценные сокровища на Востоке.

Я не знаю ни одного другого представителя животного мира, который мог бы сравниться с чистокровной арабской лошадью по элегантности и грациозности движений, по красоте и пропорциональности экстерьера, по выносливости и преданности. Выведена она на Аравийском полуострове в результате длившегося веками отбора. Продуктом этого отбора были три благородные чистокровные породы: кухайлян, саклави и муники, ко-

торые в течение длительной истории коневодства разделились на 11 «родов» и более 200 «семейств».

Уже в XVIII и XIX веках в Египте, а потом и в Европе возник живой интерес к чистокровным арабским лошадям из Центральной Аравии. Знать посыпала в бедуинские племена своих доверенных людей для закупки породистых лошадей. Тогда же появился обычай вручать покупателю лошади подписанный несколькими свидетелями гарантийный документ, удостоверявший чистоту ее происхождения. Раньше родословная передавалась лишь в устной форме. Несмотря на то что бедуины получали за лошадей большие деньги, они весьма неохотно расставались с ними. В лучшем случае готовы были продавать жеребцов, которых не собирались использовать в качестве производителей.

В прошлом, когда не хватало пастбищ, нередко избавлялись от жеребят мужского пола, не представлявших особой ценности, так как они своим озорным ржанием выдавали приближение к местам кочевья участников грабительского набега. Для езды бедуины предпочитают кобылиц, которые способнее и выносливее жеребцов. Кроме того, они производят на свет жеребят, умноожая таким образом состояние своего владельца. Если бедуин все же решился продать кобылу, то лишь при условии, что он получит двух жеребят от первого приплода.

В районах арабского коневодства лошади днем и ночью находятся на свободе, они сами отыскивают себе корм среди дикорастущих растений²⁹, а если пастбища скудны, им дают дополнительный корм — то, что есть под рукой: лепешки, ячменную муку, финики, даже сушеное мясо или саранчу. Лошади охотно пьют верблюжье или овечье молоко, но главное питье — это, конечно, вода. Скребя копытом или фыркая у входа в шатер, животные дают понять хозяйке, что они хотят, чтобы их наполнили. Привязанность к любимым лошадям заходит у бедуинов так далеко, что они не брезгают пить с ними из одного сосуда.

Однако потребности арабской лошади в корме и питье очень скромны. Она быстро оправляется после сильнейших физических перегрузок. Раньше во время грабительских набегов лошадям приходилось покрывать по 150 километров за день со средней скоростью 18 кило-

метров в час, причем это не причиняло животным ни малейшего вреда. Каждый араб дает своему коню кличку, благодаря которой он приманивает его, если тот удаляется далеко от стоянки. Я часто наблюдал, как кобылица послушно направлялась к шатру, когда хозяин махал головным платком и звал ее при этом по имени. Чтобы животное не могло уйти далеко, ему спутывают железной цепью передние ноги, так что оно передвигается мелкими шажками или неуклюжими прыжками. Арабские лошади доверчивы, поскольку с ними очень хорошо обращаются. Во время весенних ливней мы часто тесно прижимались друг к другу в шатре, чтобы под надежным кровом нашлось место кобыле и ее жеребенку.

Когда я гостил у бедуинов племени шаммар в Северном Ираке в 1962 году, я получил в подарок от шейха Мишан аль-Фейсала арабского жеребца, коричнево-каштановой масти. До сих пор помню то возвышенное чувство, которое испытывал, когда, достигнув после длительного перехода дружественного лагеря и привязав животных на длинных поводках к канатам шатра, мы спокойно усаживались у очага и, прихлебывая кофе, вели долгие беседы о тонкостях коневодства. И действительно, для бедуина самое большое удовольствие — услышать похвалу красоте и быстроте его коня.

Бедуины ездят на лошадях, не пользуясь стременами и уздечкой, управляя ими при помощи недоуздка. Они сидят в легких, обтянутых шерстью кожаных седлах, под которыми подстелены войлочные чепраки³⁰.

В местностях с песчаной или глинистой почвой лошадей не подковывают, а там, где грунт каменистый, подковы используют, причем формы их самые разнообразные. Чтобы экстерьер лошади приблизить к идеалу, арабские коневоды прибегают к некоторым уловкам. Например, в первые месяцы после рождения жеребенка ему сшивают кончики ушей, чтобы придать им вертикальное положение, а также приподнимают хвостовой выступ, постоянно нажимая на него ладонью, чтобы у взрослой лошади он поднимался как можно круче, что служит признаком чистокровной арабской породы³¹.

Изящны ее бока, стройны и сухощавы передние ноги.
Ее круп, как ложе водопада,
Оглаженное бурно стремящимся потоком.

Ее хвост, как шлейф невесты,
Прикрывает ее сзади.
Ее задние ноги мускулисты,
Они похожи на лапы пантеры,
Изготовившейся к прыжку.
Ее грива, как волосы женщины,
Спутанные ветром и морозом.
Ее ноздри похожи на ноздри гиены,
Когда она напряженно приюхивается.
Ее уши тонки и нежны,
Как пустая чашечка выонка.
У нее внимательные, большие глаза.
Она скажет, как ищущая спасения газель.
Не догнать ее искусному охотнику.

Так описывает свою кобылицу Имруулкайс, один из наиболее известных раннеарабских поэтов (приблизительно 500—540 годы).

Бедуины различают пять видов аллюра лошади: темши — шаг, медленный шаг; тукуд — рысь, на практике применяется редко; таханджиль — быстрая рысь; тахдуб — галоп; такхир — крупный галоп.

Чтобы послать благородного скакуна вперед, достаточно лишь дать ему шенкеля и подбодрить возгласом. Удары хлыстом или плетью, шпоры, причиняющие боль,— все это, по мнению бедуинов, недостойные приемы. К тому же они ездят большей частью босыми. Специалисты по арабскому коневодству отмечают, что лошади этой породы отличаются превосходным бегом по ровной местности; прыгают же они плохо.

Бедуины природные наездники, но специальной дресировкой лошадей они не занимаются. Вершина искусства бедуинских наездников — это «фантазия». Два отряда всадников во весь опор мчатся навстречу друг другу, стреляя из разных позиций. Одни становятся на седло скачущей галопом лошади, другие, свесившись с коня, стреляют из-за укрытия, пользуясь седлом как упором. Подбрасывая на скаку ружье, бедуинский всадник ловит его, демонстрируя одно из «чудес» наезднического искусства.

По многим причинам конское поголовье у бедуинов значительно сократилось. Уже в начале XIX века победоносные египетские войска, сражавшиеся против восставших ваххабитов, захватили в Неджде тысячи чистокровных лошадей и перегнали их в долину Нила. Правитель Египта Мухаммед Али, боровшийся за обра-

зование самостоятельного государства, держал, например, в своих роскошных конюшнях на нильском острове Рода близ Каира 1100 ценнейших арабских скакунов.

Ожесточенная межплеменная борьба, которая в результате применения огнестрельного оружия в первые десятилетия XX века привела к настоящему взаимному истреблению, повлекла за собой большие потери конского поголовья. Так, в одном лишь сражении между племенами анезе — рувала и сабеи — было убито свыше двухсот лошадей. Еще одно племя анезе — федан за один день боевых действий в октябре 1927 года потеряло 135 породистых кобылиц. Во время контрреволюционного мятежа племени шаммар против режима Абдель Керима Касема в Ираке в декабре 1958 года почти все лошади этого племени погибли при бегстве через сирийскую границу. Следует напомнить и об эпидемиях. Как отмечалось в докладе одной из организаций ООН в 1963 году, в результате эпидемии Pestis Equorum («конский мор») только в Юго-Западной Азии пало 300 тысяч животных.

В настоящее время в многочисленных конюшнях Европы, Индии, Австралии, США и Южной Африки можно встретить гораздо больше арабских лошадей, чем в местах их обитания. И это отнюдь не преувеличение. Однако не следует опасаться, что чистокровные лошади в арабских странах вымрут. На государственных конских заводах некоторых государств Востока ведется интенсивная работа по дальнейшему выращиванию и сохранению этих пород. Еженедельные бега на ипподромах больших арабских городов — не менее притягательное зрелище, чем такие же бега на Западе. Однажды я снимал группу всадников из племени шаммар, и к ней незаметно подошел гулявший поблизости осел, попав таким образом в объектив. Арабы тотчас стали подавать мне сигналы, чтобы я прекратил съемку. Внутренне я не был с этим согласен, потому что длинноухий мне ничуть не мешал, но как гость должен был повиноваться. Бедуины же думали иначе: осел — нечистое животное и снимать его рядом с чистокровными лошадьми — это «айб» (позор).

Тем не менее почти в каждом бедуинском селении можно встретить какое-то количество ослов, которых используют как транспортное средство. Ослам по сравне-

нию с другими домашними животными, уделяется очень мало внимания. Примечательна поговорка, показывающая, как низко ценят арабы этих животных: «Черт открывает пасть осла и заставляет его кричать».

Ни одному настоящему бедуину не придет в голову мысль использовать осла как ездовое животное; в лучшем случае на него во время игр вскарабкаются дети, да еще девочки, сидя на нем боком, поедут к источнику. Терпеливый осел вытаскивает наполненные до краев мешки из колодца и везет их в лагерь. Полуоседлы бедуины прежде применяли ослиные упряжки для пахоты. Североафриканские кочевники используют ослов в значительно большей степени, чем переднеазиатские, поскольку именно Северная Африка — родина домашнего осла. Зоолог Ц. Бэттер называет его «старейшим и наиболее важным в хозяйственном отношении домашним животным, которое ведет свое происхождение от африканской фауны». Его кости встречаются в Египте в культурных слоях первого периода Негада (культура Амра), относящихся к середине IV тысячелетия до н. э., вместе с костями домашних животных. Это свидетельствует о том, что речь идет, очевидно, об одомашненном осле.

Нубийский дикий осел является, по-видимому, тем видом, от которого произошел домашний осел, поскольку внешние признаки обоих весьма сходны, например, темная полоса на спине и плечевой крест. Задолго до того как появились дромадеры, ослов использовали для перевозки грузов в караванах как в Северной Африке, так и в Передней Азии, где они распространились очень рано. Некоторые исследователи говорят даже об ословодческом кочевничестве Передней Азии в «добедуинский период». На ослах перевозили шатры и домашний скарб, а также маленьких детей, слабых или больных, так что в данном случае нельзя говорить о «езде» в прямом значении этого слова. В сельских районах стран Востока разведение ослов, видимо, еще долго будет сохранять свое значение.

Трюфели и саранча — в тяжелые времена

До сих пор мы говорили о самой важной отрасли хозяйства арабов пустыни — о скотоводстве. Но ни один народ не может длительное время жить только за счет

продуктов скотоводства; пища человека должна обязательно включать и растительные продукты. Бедуины получают их различными способами: приобретают на рынке в обмен на живой скот, шерсть и молочные продукты; собирают дикорастущие растения; сами возделывают — все чаще и чаще — землю там, где это возможно. В прошлом они получали эти продукты в качестве дани от покоренного населения.

Жизнь простых бедуинов часто проходит под знаком нужды, недоедания и даже голода. Вот почему они всегда готовы употреблять в пищу все, что хоть мало-мальски можно есть.

Отличное знание окружающей природы дает возможность бедуинам находить такие продукты питания, которые непосвященный никогда бы и не заметил. К ним относятся, например, трюфели, вид грибов, растущих в земле. Их можно обнаружить лишь по очень тонким сетевидным трещинам на поверхности земли. В этих местах острой лопатой или большим ножом разрыхляют почву и находят красно-коричневые или белые грибы, по виду очень напоминающие картофель. Если повезет, можно напасть на целое гнездо из 5—6 грибов. Я ощущал свою бездарность, когда с бедуинами в степи собирал трюфели. Даже маленькие дети, проворно перебегая с места на место, в мгновение ока набирали целую сумку трюфелей, в то время как я безуспешно бродил, наморщив лоб и беспомощно шаря по земле глазами. Искуснее всех отыскивают подземные грибы газели. Они буквально чуют их и удивительно быстро откапывают ногами. После обильных зимних дождей в аравийских степях и на побережье Северной Африки появляется несметное множество этих грибов, так что дневная добыча сборщика составляет от 20 до 30 фунтов. На рынках Дамаска, Халеба, Мосула или Багдада их продают ящиками. На оживленных дорогах можно встретить бедуинов, которые протягивают навстречу машинам головные платки, полные трюфелей, подобно тому как в грибные годы в Европе вблизи буковых лесов на автострадах предлагают лисички.

В хорошие «трюфельные» годы эти грибы многие недели служат главной пищей арабам пустыни. Поджаренные и посыпанные солью, они представляют собой настоящий деликатес. Сваренные в соленой воде и по-

Маленький продавец трюфелей

данные вместе с нежным мясом газели — это одно из самых любимых и лакомых яств. В консервированном виде они занимают важное место в рационе бедуинов. Ломтики трюфелей сушат на солнце, разложив на циновках, после чего их можно хранить очень долго. Внешнеторговые организации экспортируют консервированные трюфели, которые высоко ценятся на международном рынке.

Другими продуктами питания бедуинов служат семена различных дикорастущих трав (в тяжелые времена из них даже пекут хлеб); корни некоторых видов

растений, напоминающих чертополох, и чесночные растения. Их трубчатые листья размельчаются, засаливаются и идут как приправа, подлежащая длительному хранению. Разнообразят бедуинскую кухню и дары животного мира. Прежде всего саранча, гигантские стаи которой появляются на Востоке через неравномерные промежутки времени, нанося огромный ущерб полям. В одной стае этих летающих насекомых насчитывается до 50 миллиардов особей; ее общий вес достигает 100 тысяч тонн. А тонна саранчи пожирает дневной рацион десяти слонов. Одна домохозяйка с ужасом наблюдала, как стая перелетной саранчи в мгновение ока сожгла сушившееся белье вместе с веревкой.

Нападение этих прожорливых насекомых еще во времена фараонов считалось страшным бедствием. В исторических источниках говорится, что целые районы становились безлюдными после того, как налетала саранча и пожирала весь урожай. С тех самых пор как на человека обрушился этот бич, он начал мстить саранче особым способом, поедая ее во всех видах — сушеным, жареном, вареном. Поскольку саранча всегда появляется в огромных количествах, ее заготавливают впрок. По вкусу жареная саранча похожа на каштаны. Знатоки сравнивают ее даже с куриным мясом. «Вареная саранча не показалась мне особенно вкусной,— пишет К. Расван.— Она напоминает капусту или другие невкусные овощи. Она совсем непохожа на мясо. Жареной она мне нравится больше. Хрустит, а внутри как будто мягкий шпинат».

Питательная ценность саранчи определяется высоким содержанием белка (46%), жира (4,5%) и наличием минеральных веществ — кальций, фосфор, сода и др. В последние десятилетия были созданы различные исследовательские институты (например, «Исследовательский центр по борьбе с саранчой» в Лондоне), сотрудники которых разрабатывают методы борьбы с этим вредным насекомым. В результате стаи саранчи появляются все реже и реже. От этого выигрывают и бедуины, так как прожорливые насекомые не щадят и пастбищ Аравии. Тем не менее в шатрах бедуинов мне приходилось время от времени слышать слова сожаления о том, что сушеную саранчу («джаррад ябис») редко теперь увидишь на столе.

Заготовка сушеной саранчи оправдывает себя лишь в том случае, если в окрестностях лагеря появляется большая стая. Как только обитатели лагеря замечают стаю, затмевающую солнце, они немедленно готовятся к сбору насекомых. Самое подходящее время для этого — после захода солнца, ибо ночью насекомые отдыхают. Саранчу собирают в мешки и на верблюдах отвозят в лагерь, где в больших котлах уже кипит соленая вода. Там ее вытряхивают из мешков в котлы и варят.

На следующий день на солнце сушатся целые горы саранчи. При этом несъедобные хитиновые части отпадают и удаляются путем провеивания. Высушенную саранчу засаливают и складывают в кожаные мешки, где она и хранится. В случае необходимости ее употребляют как дополнительную пищу, которую охотно едят вместе с кислым молоком. Собаки, лошади и верблюды тоже не отказываются от сушеной саранчи. Случается, что людям и животным целыми неделями приходится питаться саранчой, в особенности в те времена, когда она сама сожрала всю траву на пастбищах.

Кроме того, бедуины добывают белковую пищу, собирая яйца дроф и песчаных кур, едят они и их птенцов. В североафриканских степях Средиземноморья весной появляются массы белых улиток. Их тоже собирают и варят в соленой воде. Когда бедуинские мальчики находят нору ящерицы или шипохвоста, они выманивают их, убивают ударами палки и пекут в горячей золе.

Как-то в одном из оазисов Ливийской пустыни я повстречал очень интересного ее обитателя — хищного варана. Это одна из самых крупных ящериц нашей планеты. Длина хвоста у нее превышает длину тела. Варан, сидевший на холме неподалеку от меня, был более метра длиной. Его окраска идеально соответствовала серо-желтым тонам местности. Я осторожно подкрался поближе и рассмотрел ящерицу. Мощное туловище, покрытое крупной чешуей, ритмично двигалось при дыхании. Его вытянутая неподвижная голова была обращена ко мне. Взглядом дракона, жившего миллионы лет назад, пресмыкающееся уставилось на меня. Время от времени варан молниеносно «выстреливал» раздвоенный язык. В тот момент, когда я приготовился его запечатлеть на пленку, он проворно скользнул в свою нору; последним исчез длинный, сплюснутый с боков хвост.

Я едва подавил желание удержать в последний момент маленькое чудовище и вытянуть его за хвост наружу; мощные, изогнутые зубы и острые когти делают его опасным противником. Крестьяне, однако, охраняют варана, ибо этот первобытный великан питается преимущественно ядовитыми змеями и мышами и таким образом приносит пользу.

Но на крупных ящериц, в том числе и на варанов, есть много охотников, ибо их кожа высоко ценится — она идет на изготовление дорогих сумок и кошельков.

Охота на крупных птиц и зверей, таких, как дрофы, страусы, газели, антилопы или даже хищники, требует значительно больших усилий, чем охота на рептилий, и должна быть хорошо подготовлена.

На соколиную охоту

Любимый вид охоты бедуинов — это охота с обученными соколами и борзыми. Содержание и натаскивание соколов с давних времен — привилегия вождей племени. Лишь они могут себе позволить эту дорогостоящую затею. Соколиная охота при дворе арабских халифов всегда была главным спортивным мероприятием. До нас дошла обширная литература об арабской соколиной охоте, относящаяся к VIII—XIII векам.

Опытные охотники добывают соколов, выслеживая их гнезда и вынимая оттуда птенцов или же заманивая в силки взрослых птиц. Тренировка соколов требует огромного терпения и высокого искусства. Особенно известны умением натаскивать охотничих соколов племена рашаида, мурра и рувала. Тренированные соколы, привязанные кожаным шнуром, сидят обычно на специальных, вкопанных в землю шестах, в мужском отделении шатра. У каждой птицы есть свое имя. Требуется много недель ежедневной тренировки, чтобы сокол умел по приказу хозяина обрушиться с высоты на добычу — зайца, дрофу или газель,— повалить ее на землю и удерживать там до прихода охотника.

Перед началом охоты сокол, голова которого прикрыта кожаным колпачком, сидит на кулаке хозяина, обтянутом специальной перчаткой. Выследив заслуживающую внимания дичь, он снимает с сокола колпачок и ножную кожаную петлю и с ободряющим взглазом

бросает птицу по направлению к дичи. Сначала сокол делает несколько кругов над своей жертвой, а затем, широко взмахнув крыльями, камнем падает на бегущее животное. Если «удар» не удался, он прекращает полет и начинает все сначала до тех пор, пока добыча не окажется в его кинжалообразных когтях. Хорошие соколы могут за одно утро «прикогтить» до десятка дроф или зайцев. Расван рассказывает об охоте, в которой участвовало много соколов и борзых и была убита 31 газель. Но вот охота закончена, и хозяин призывает своего пернатого помощника громкими криками «хо-хо-хо» и, накормив его сырым мясом, сажает на перчатку. Поздней весной, в период спаривания, прирученные соколы становятся беспокойными и даже самые надежные самочки навсегда исчезают в воздухе, заслышав призыв дикого сокола.

Во время охоты без соколов и собак (с луком и стрелами, а впоследствии — с огнестрельным оружием) охотник подкарауливал дичь на рассвете в местах водопоя. Прямое попадание было почетно. Староарабское стихотворение гласит:

Сам себя убьет,
Если в дичь не попадет...

Правда, это утверждение трудно применить к тем бедуинам, которые охотятся с огнестрельным оружием. В более поздней литературе часто указывалось, что девять из десяти выстрелов идут мимо цели. Причины этого можно искать в том, что, во-первых, бедуинам приходится иметь дело со старыми, бывшими долгое время в употреблении ружьями, а во-вторых, в нехватке боеприпасов, необходимых для тренировок в точной стрельбе. После неточного выстрела бедуин еще долго испытывает горечь от бесполезно затраченного патрона.

Сейчас охота играет в жизни бедуинов лишь подчиненную роль. Это объясняется тем, что в XX веке животное царство все более сокращается. Там, где сто лет назад паслись тысячи газелей, сегодня можно встретить лишь маленькие группки этих животных. Пагубную роль играет и варварский способ охоты на автомобилье. В Северной Африке я часто слышал рассказы о такой охоте на газелей. Через 15—20 минут бешеного

преследования смертельно измученное животное становилось легкой добычей автомобилистов. В шатрах иногда можно встретить ручных газелей. Это детеныши самок, убитых на охоте. С ними охотно играют дети.

На североафриканском побережье бедуины без особых усилий ловят большие стаи перелетных птиц. Осенью, утомленные полетами через Средиземное море, они рассаживаются на деревьях и кустах и попадают в заранее расставленные силки. Пойманых птиц продают на рынках.

Все, о чем было сказано выше, свидетельствует о наличии в хозяйственной жизни бедуинов периодов, сменяющих друг друга на протяжении года. Особой активностью отмечены весенние месяцы — «рабиа». В это время ведется молочное хозяйство, выращивается молодняк, создаются запасы продовольствия. Природа предоставляет немало возможностей обогатить меню бедуинов продуктами растительного и животного происхождения. Рабиа отмечены изобилием и довольствием. С началом «сейфа» (лето) стригут коз и овец, тогда наступают тяжелые времена жары и лишений, и все мысли скотоводов сосредоточены на том, где достать воду. В сезон «харифа» (осень), который начинается в конце сентября — начале октября, бедуины снаряжают торговые караваны, чтобы на ближайших рынках пополнить запасы растительной пищи и закупить все необходимое для жизни в шатре: утварь, одежду, украшения. Хариф не случайно выбран для посещения рынка, так как именно осенью в оазисах и других плодородных районах собирают урожай фиников — одного из основных продуктов питания бедуинов.

Первые грозовые тучи означают приход «шиты» (зимы). В это время бедуины радуются осадкам, поскольку они обещают хорошие пастбища и тем самым благополучный хозяйственный год. Но вместе с тем бедуины очень страдают от холода в легких не приспособленных к зиме жилищах. В степях Северной Сирии и в Северном Ираке выпадает снег, что часто влечет за собой потерю большой части поголовья скота.

Суровая зима стояла в иракской Джезире в 1879—1880 годах. Э. Захау рассказывает: «В течение трех лет было мало дождей и поэтому мало что выросло; все запасы были полностью израсходованы. Потом на-

чались невиданные для этой местности холода и снегопады. Не стало последнего скромного корма, который могут найти зимой в степи такие неприхотливые животные, как овцы, козы, верблюды и лошади. Тысячи изголодавшихся животных сразу же погибли от холода...»³².

Нечто подобное часто происходило и позже. В декабре 1970 года сообщалось о сильных снегопадах в Сирийской пустыне. Находившиеся там бедуины оказались в отчаянном положении. Но теперь все было по-иному. Сирийское правительство направило в этот район вертолет со всем необходимым, и кочевники были спасены.

Если ты приготовил угощение, то приведи ко мне
Гостя, который разделит со мной трапезу, ибо я
не хочу есть в одиночестве.
Будь это ночной пришелец или же сосед по жилищу.
Я боюсь, что после моей смерти будут злословить.
Я раб гостя, пока он находится у меня.
В остальном же во мне нет ничего от раба.

Хатим ат-Таййи

Доверху нагруженная свернутыми полотнищами шатров, разноцветными тюками, кожаными мешками и всяkim скарбом дюжина верблюдов медленно движется по степи. Караван ведет человек с небрежно наброшенной на плечи овечьей шкурой. Время от времени он согибается, срывает какие-то травы, жидкими кустиками растущие на песчаной почве, внимательно рассматривает их и, покачивая головой, отбрасывает прочь. Хотя в этой местности нет ни дорог, ни указателей, старик ориентируется хорошо. Ему знакомы каждый холм, каждая ложбина, каждый разрушенный памятник. Несчетное число раз он проходил по своей «дире», зоне пастбищ его родовой группы. Сильные лохматые пастушеские собаки, резвившиеся вокруг каравана, внезапно навострив уши, с оглушительным лаем устремляются вперед. Они заметили всадника. Он появился на горизонте в облаке пыли. Вот он приближается к каравану на рыжеватом верблюде в окружении своры тявкающих псов. Проворно соскочив с высокого сиденья, он весело приветствует вожака: «Салам алейкум! Мир вам, отец мой! Посмотрите, что я нашел: хороший корм и сладкая вода, меньше чем в трех часах отсюда!» При этом он показывает охапку трав, увядших за время езды под палящим солнцем. Чтобы разведать новое место для лагерной стоянки и хорошие пастбища, он выехал еще до рассвета.

В шатре бедуина

«Слава Аллаху,—бормочет старик, пристально изучая привезенные растения. Пупавка, люцерна, резеда и подорожник, даже дикий ячмень — все там растет.— Ты принес действительно хорошую весть, сын мой. Наши верблюды нагуляют себе там жирные горбы, а мы сможем вдоволь пить молоко!»

В то время как ведущий верблюд ловко подбирает упавшие растения, подходят другие бедуины и засыпают прибывшего вопросами. Караван останавливается. Слышны звонкие голоса женщин, сидящих высоко в корзинах на верблюдах: «Хамид нашел хорошие пастбища — слава Аллаху! Будет там и озеро с дождевой водой. Еще сегодня мы сможем выпить божьей воды. Аль-Хамдуилла!»

Подбегают босоногие пастухи, гнавшие свои блеющие отары в некотором отдалении от каравана, и жадно слушают новости. В приподнятом настроении бедуины продолжают свой путь. Кажется, что даже обычно столь медлительные грузовые верблюды преодолели врожденную инертность. Они бодро идут всаднику.

Солнце уже отбрасывает длинные тени, когда караван

Юные помощники пастухов

ван подходит к намеченному месту. Вокруг до самого горизонта простирается цветущая красными цветами степь. В конце невысокой гряды холмов, которые защищают шатры от ветра, манящим блеском сверкает водная гладь. Здесь собралась дождевая вода, и овцы, испытывающие сильную жажду, несутся туда, чтобы напиться. Они пьют взахлеб, большими глотками.

Бедуины громкими криками заставляют верблюдов опуститься на колени, и 4—5 человек начинают их разгружать. Абу-Хамид, руководитель группы кочевников, указывает главам семей места для шатров. Потные от напряжения, они ташат тяжелые полотнища из козьей шерсти на отведенные места, раскатывают их и готовят канаты. Девушки деревянными молотками вбивают в землю колышки. Наступает самый ответственный момент бедуинского «домостроения»: установка шестов, которые в больших шатрах имеют высоту 2—3 метра. Мужчины устанавливают шест за шестом под тую натянутую крышу. Проходит меньше часа, и в нетронутой степи вырастает поселение кочевников. Но надо еще много поработать, чтобы все встало на свои места.

Заслуженный отдых

Женщины протягивают посредине шатра большой шерстяной ковер, образуя таким образом две половины. Ковер — ручной работы с вытканным на нем геометрическим орнаментом. Мешки с продовольствием, сундуки с одеждой и спальные циновки складываются у внутренней стены женского отделения. В то время как одни с бурдюками и жестяными канистрами отправляются за водой на озеро, другие выкапывают на мужской половине шатра вождя неглубокую яму для очага. Вскоре в нем вспыхивает огонь. Ароматный дым создает вполне домашнюю обстановку. Наконец-то все на месте! Когда запад окрашивается кроваво-красными отблесками заходящего солнца, на очаге в закопченном медном сосуде уже кипит вода для кофе. Поджав под себя ноги, мужчины уютно располагаются на коврах, образующих каре вокруг лагерного костра. Они наслаждаются заслуженным отдыхом после целого дня напряженной работы. Но в женском отделении еще рано думать о покое. Дети хотят, чтобы их накормили, овцы и козы ждут, чтобы их подоили; надо еще и ужин приготовить. Лишь близко к полуночи, когда серп луны, как гондола, плывет по ясному, усеянному звездами небу, в домах из шерсти гаснут керосиновые лампы, и их обитатели ложатся спать.

Бедуины используют шерстяной шатер, имеющий большую зону распространения³³. Мы встречаем его у кочевников и полукочевников в алжирском Атласе, в Марокко, Тунисе и Ливии, вплоть до Египта и в Египте, в долине Нила. Через Синайский полуостров он переходит в Северную и Центральную Аравию. Этот же тип шатра используют курдские горные кочевники в Турции, Иране и Ираке, луры и бахтиары Иранского плоскогорья; пуштуны и белуджи Афганистана и кочевые скотоводы Тибетского нагорья, но у последних шатры не из козьей, а из ячей шерсти.

Несмотря на принципиально сходную конструкцию, внешняя форма шатра меняется от района к району. В странах Магриба он имеет форму квадрата, ниже, чем у арабских бедуинов, а тибетцы увенчивают шатры островерхой крышей. Курды у основания обкладывают их камнями. Такое довольно прочное жилище хорошо защищает обитателей от снегопада. Общее для различных типов шатров — это то, что сторона, защищенная от ветра, остается открытой в течение всего дня, а в жаркие дни открыты обе стороны, так чтобы ветер мог беспрепятственно проходить через весь шатер. Во время песчаных бурь столбам придается наклонное положение, а канаты укрепляют снизу камнями. Таким образом шатер принимает обтекаемую форму, поэтому даже самый сильный порыв ветра ему не страшен. Ураган может повалить шатер лишь в редких случаях.

В Северной Африке кочевники аулад-али делают шатры двух типов. Они сходны по внешнему виду, но изготавливаются из различных материалов: легкие летние шатры из светлого полотна и черные зимние из козьей шерсти, выдерживающие самые сильные ливни. Неиспользуемый шатер свертывают и хранят, пока он снова не понадобится. Срок службы шатрового полотнища не более 12 лет. Потом его надо обновлять. По внешнему виду, по его величине можно судить о благосостоянии владельца.

Богатые старейшины бедуинских племен анезе и шаммар живут в таких больших шатрах, которые трудно перевозить, поэтому эти роскошные шатры всегда остаются на месте и служат лишь для представительства. Они имеют 8 метров в высоту, 50 метров в

длину и внутри устланы богатыми коврами; здесь могут удобно расположиться сотни гостей.

Подобно тому как сам шатер бедуинов идеально приспособлен для кочевого образа жизни, так и круг предметов домашнего обихода ограничен лишь самым необходимым. Они изготавляются преимущественно из небывающихся материалов: кожи, дерева или металла. Керамика или стекло не выдержали бы постоянных переездов. В бедуинском шатре было бы напрасно искать кровати, столы, стулья или шкафы, ковер заменяет все. На нем сидят, отыхают днем, а ночью на нем спят; он служит одновременно креслом, обеденным столом и постелью. Роль шкафов выполняют деревянные или металлические сундуки, где хранятся одежда, украшения и т. п. Большой частью они запираются на замки, а ключи женщины хранят у пояса или в головных платках.

Обязанности домохозяек

Кухонную утварь можно встретить только в женском отделении, которое служит одновременно кухней, столовой, детской, спальней и гостиной, а также хлевом для ягнят. Пищу варят в больших круглых медных судах; в настоящее время их стали вытеснять более легкие и дешевые алюминиевые котлы. Кушанья подаются на плоских металлических подносах около метра в диаметре и зачастую украшенных затейливым орнаментом. Обязательная принадлежность каждого бедуинского хозяйства — ручная мельница с двумя жерновами; верхний вращают рукойкой. Так размалывают зерна пшеницы или ячменя и из полученной муки варят кашу.

У входа в маҳрам стоят походные носилки (паланкины) из гнутых деревянных стержней, часто украшенные пестрыми платками. В женском отделении между столбами висит кожаная колыбель для малыша. В Северной Аравии я часто видел качающиеся на специальной подставке деревянные люльки, которые разбираются при переезде. У внешней стены шатра, но под навесом стоят кожаные мехи с водой для готовки, здесь же хранятся запасы топлива. Когда хозяйки напряли достаточно овечьей шерсти, то у входа в женское отделение они устанавливают «нату» — горизонтальный

В женской половине шатра

ткацкий станок. На нем женщины мастерски ткут пояса, наволочки для подушек, циновки для сидения, напоминающие «келимы» (безворсовые двусторонние шерстяные ковры ручной выработки), а в случае необходимости полотнища из козьей шерсти для шатра. Ширина этих полотниц около метра; они сшиваются друг с другом, пока не достигается нужная ширина.

Два-три раза в неделю над шатрами поднимается густой синий дым и вокруг распространяется аппетитный запах: женщины пекут хлеб. Мука, вода и соль перемешиваются в деревянной миске. Хозяйка отрезает куски густого теста и, перебрасывая его быстрыми движениями с одной руки на другую, придает им плоскую форму, так что постепенно оно превращается в тонкие лепешки. Их кладут на изогнутые по краям жестяные листы, под которыми горит огонь. Тесто скоро покрывается пузырями и приобретает золотисто-коричневую окраску. Эти лепешки теплыми подают к столу. Их едят с финиками или финиковым сиропом, обильно запивая молоком.

Женщины никогда не едят вместе с мужчинами — это считается зазорным. Им никогда не придет также в голову причесываться или накладывать на веки антимо-

Горизонтальный ткацкий станок нату

новую пудру, если поблизости находится мужчина. Все подобные процедуры производятся вдали от мужских глаз, на женской половине шатра.

Грудные младенцы и маленькие дети постоянно находятся под присмотром матерей или старших братьев и сестер. Девочки с 5—6 лет уже участвуют в домашнем хозяйстве. Они помогают молоть зерно, сбивать

За маленькими присматривают старшие сестры

масло или готовить еду. Со временем их посвящают и в тайны ткацкого мастерства. Оно передается из поколения в поколение. Девочки 10—12 лет собирают топливо вблизи стоянок; они доставляют питьевую воду из источника, находящегося нередко на расстоянии многих километров от лагеря.

У колодца девушки часто встречают молодых пастухов, пригоняющих стада на водопой. Бывает, что между ними возникают нежные отношения, которые с трудом могли бы сложиться в лагере, где молодежь находится на глазах у старших. У колодца юноши и девушки ведут себя непринужденно — беседуют, шутят, смеются, поют. Вот одна из таких песен:

О роза колодца, дай мне из рук твоих
Напиться.

Я пью, но не для того, чтобы утолить жажду.
Мне хочется с тобой поговорить.

Муса ищет невесту

Наконец приходит день, когда парень набирается мужества и откровенно рассказывает отцу о своих чувствах к девушке. Все члены семьи подробно обсуждают, подходит ли избранница для брака или нет. Как правило, бедуины женятся на кузинах по отцовской линии (брак «бинт-аль-амм»). Лишь в том случае, если нет законного претендента на руку девушки или если есть, но отказывается от своих прав, возможен брак по любви. Но для заключения союза необходимо еще одно условие: равное социальное положение семей брачующихся. Ни один бедуин не захочет жениться на девушке «ниже своего сословия», так как он очень заботится о «чистоте» происхождения будущего потомства. Сын шейха всегда стремится взять в жены девушку родом из семьи шейха.

Бедуины строго следят за тем, чтобы их девушка не вышла замуж за оседлого и прежде всего за человека не из ее племени. Если это все же случается, то только в силу каких-то очень важных обстоятельств.

Мне известен подобный случай, произошедший в оазисе Сива, где бедуины из племени аулад-али выдали красивую девушку замуж за богатого владельца плантации, который должен был заплатить большой выкуп семье невесты и, кроме того, разрешил родственникам жены пасти их стада на его пастбищах. В основе этого требования лежали экономические причины: в течение трех лет в этой области не было дождей, и пастбища высохли. Речь шла, таким образом, о самом существовании рода. И все же родственникам девушки было не по себе; я заметил это по тому, как они держались, когда мы обсуждали обстоятельства, приведшие к заключению этого союза. По секрету, с хитрой усмешкой они сообщили мне, что владелец плантации уже слишком стар, чтобы быть девушке настоящим мужем.

У древнеарабского поэта Лабида есть строки, посвященные судьбе одной несчастной бедуинки, вышедшей замуж за могущественного властителя:

Одежда из шерсти и сердце без тревог
Милее мне и шелка и парчи.
Шатер, овеянный ветрами пустыни,
Милее мне пышных дворцов.

Верблюд, меня несущий по просторам,
Милее мне мула, мягко идущего.
Собака, путника встречающая лаем,
Милее мне изнеженных котят.
Ломоть простого хлеба в хижине убогой
Милее мне пирожных и тортов.
Сородич бодрый мой, чей строен стан,
Милее мне жирного остолопа.

В 1969 году я был свидетелем другого случая, когда настойчивое сватовство влюбленного и весьма состоятельного жителя оазиса Сива было решительно отвергнуто семьей бедуинской девушки. Молодой человек неделями бродил понурый, кипя от ярости. Но ничего не помогло. Шехибабы — так называлось племя — предпочли выдать девушку за своего, хотя и небогатого юношу.

Арабы-кочевники считают само собой разумеющимся, если девушка выходит замуж очень рано — как только достигает половой зрелости. Столь же обычным считается и желание иметь как можно больше детей. Нередко 20-летняя женщина кормит второго или третьего ребенка, так как вышла замуж в 14 лет. Мужчины впервые женятся обычно в возрасте 18—20 лет. Не припомню случая, чтобы мне встретился холостяк-бедуин или незамужняя бедуинка.

Хотя у арабов-кочевников различных областей существуют разные варианты свадебного праздника, церемония заключения брачного контракта в основных чертах сходна: уплата семье девушки выкупа за невесту; публичное доказательство девственности невесты, что окончательно подтверждает контракт; произнесение вступительной суры Корана при заключении брачного контракта и подтверждение его свидетелями.

Я имел счастье неоднократно присутствовать в качестве гостя на бедуинских свадьбах. Опишу свадебный обряд у аулад-али, потому что в данном случае мне хорошо известна вся история сватовства.

Аулад-али — одно из крупных бедуинских племен Египта. Они живут в Сахель аль-Шималь — в районе Средиземноморского побережья между Александрией, крупнейшим портом Египта, и городом Эс-Саллумом, расположенным у границы с Ливией. Они насчитывают сегодня примерно 115 тысяч человек и разбиты на многочисленные родовые группы. Некогда аулад-али слав-

вились как верблюдоводы и вожаки караванов. На протяжении многих столетий они торговали финиками с оазисом Сива. Аулад-али ведут преимущественно оседлый образ жизни, разводят в основном овец и коз, выращивают фиговые, оливковые и миндальные сады, а в период обильных зимних дождей — ячмень, излишки которого продают на рынке. Благодаря поддержке правительства президента Насера условия их жизни улучшились. В десятках селений, расположенных вдоль железнодорожной линии Александрия — Эс-Саллум, были построены школы, больницы, созданы сельскохозяйственные кооперативы. Здесь аулад-али устраивают еженедельные торги скота, который продают для убоя. На вырученные деньги они приобретают товары, которые сами не производят.

На один из таких базаров в Сиди Баррани, недалеко от Эс-Саллума, пришел Муса ибн Харун с небольшим стадом курдючных овец, чтобы продать их по по嘱чению отца. Он рьяно торговался с египетским скопщиком, после чего сделка состоялась. Довольный Муса спрятал толстую пачку изрядно помятых купюр в своей галабии (верхняя одежда наподобие рубашки), картинно набросил на плечи белую шерстяную накидку и окунулся в толчью покупателей, которые плотно осаждали базарные палатки. Это случилось с ним у прилавка, где громоздились рулоны хлопчатобумажных и шелковых тканей всех цветов радуги. Здесь его насквозь пронзили «лучи газельных глаз» молодой бедуинки. Стараясь оставаться незамеченным, Муса держался поблизости, что в людском водовороте было не так уж и трудно. Но красавица купила понравившуюся ей ткань и в сопровождении матери направилась к выходу, где приезжие привязывают своих верблюдов и ослов. Там обеих женщин ожидала группа бедуинов, принадлежавших — и это было хорошо заметно — к той же семье, что и женщины, и готовилась к возвращению в свое селение.

Хотя Муса ибн Харун не «припарковал» здесь ни верблюда, ни осла, он подошел поближе, чтобы узнать, из какой семьи была так ему приглянувшаяся девушка. На незнакомке было длинное, до пят лимонного цвета платье, а стройную талию охватывал широкий голубой шелковый пояс. Именно это обнадежило Мусу,

ибо замужние женщины его племени всегда носили красные шафры как символ своего семейного положения. Муса едва не пришел в отчаяние, видя, как девушка и ее родственники, рассовав покупки по сумкам, уселись верхом на своих животных и покинули базар, взяв курс на восток. Полный грустных размышлений, он брел за удалявшимся караваном, как вдруг рядом с ним остановился довольно потрепанный «джип», владельца которого Муса хорошо знал. Это был шейх Раслан ибн Хабуни, глава арава, подгруппы синнана. К ним принадлежала и семья Мусы. Шейх Раслан дружелюбно ответил на почтительное приветствие молодого человека и подробно осведомился о самочувствии членов семьи Мусы, о состоянии стад. Что поделывает этот? Как дела у того? Муса должен был крепко держать себя в руках, чтобы не спрашивать о девушке. Лишь в конце беседы он как бы мимоходом осведомился у старика, не знает ли тот людей, которых он, Муса, только что встретил.

— Ты имеешь в виду маленький караван, где двое мужчин и женщины?

— Именно так,— сказал Муса, внутренне напрягшись.

— Конечно, я их знаю. Это Шукри Слиман со своим сыном Насраллой. Они принадлежат к аит агабат из синнана.

Нашего Мусу эта информация полностью успокоила. Он радостно поцеловал шейху руку, распростиившись с ним церемониальным мирным приветствием своего народа:

— Салам алейкум, йа шейх,— и от всей души добавил:

— Аллах да продлит твои годы.

С легким сердцем он пустился в путь по степи. Мысли его витали далеко, но снова и снова возвращались к одному: дочь Шукри Слимана должна стать его невестой. И по степным просторам понеслась его полная страсти песня:

Кто эта газель, которая шла по базару?
С нежными бедрами и поясом из кашемира.

Ты похитила сердце мое, о сестра-невеста.
Одним лишь взглядом ты покорила его.

На следующее утро Муса рассказал своему отцу о том, что с ним произошло на базаре в Сиди Баррани. Старый Харун ибн Сабр сначала посоветовался со своим братом, а вечером выяснил, что по этому поводу думает жена. Было установлено, что, во-первых, среди родственников сейчас для Мусы нет подходящей по возрасту невесты, и, во-вторых, родовая группа агабат как подгруппа синнана вполне равнозначна их собственной подгруппе самулус. Посоветовавшись, родственники Мусы решили нанести визит в шатер семьи Шукри Слимана.

Спустя некоторое время этот визит состоялся. Их приняли со всеми подобающими почестями. В результате продолжительных, но малозначащих бесед — в магхаме и в устланном коврами мужском отделении — обе стороны договорились об ответном визите. Во время этой встречи о существе дела не было сказано ни слова. Но хозяин хорошо понимал смысл того внимания, которое мать Мусы проявляла к его дочерям. Когда стороны приветствовали друг друга, Муса взглядом указал матери на свою избранницу и обрадовался, узнав, что мать одобрила его выбор и даже назвала ему имя 16-летней девушки. Ее звали Мабсута («Счастливая»). Спустя несколько дней родственники невесты нанесли ответный визит. Отец Мусы заколол для гостей ягненка. Согласно обычая, это свидетельствовало о важности визита. В конце трапезы, когда был подан ароматный чай и все находились в приподнятом настроении, отцы семей постепенно подошли к цели встречи.

Наступила пауза, и старый Шукри вздыхая поднялся, позвал свою дочь и вышел с ней в степь. Там он серьезно спросил Мабсуту, хочет ли она принять сватовство Мусы ибн Харуна.

— Да, мой отец. Я охотно стану его женой, — глянул ответ. Он отпустил Мабсуту и довольный вернулся в мужской шатер. За чаем отцы жениха и невесты согласовали размер выкупа за невесту и время фархи (свадебный праздник). В знак заключенного союза мать Мусы передала невесте от имени семьи золотое украшение для носа с приносящей счастье бирюзой. Свадьбу назначили на время после жатвы, так что жениху предстояло ждать добрых три месяца.

Этот рассказ я услышал от самого Мусы ибн Харуна, когда мы на закате солнца, сидя на скале, любовались видом на холмистые пастбища синнана.

Свадьбу сыграли летом 1969 года. Была устроена настоящая «фантазия».

Под треск ружейных выстрелов и радостные рулады, которые выводят пестро одетые бедуинские женщины, колонна из пяти празднично украшенных грузовиков мчится по улицам красивого морского курорта Мерса-Матрух. Машины пересекают базарную площадь, огибают светлоокрашенную мечеть Сиди Аввам и, пронзительно сигналя, мчатся по Корнихе — дороге вдоль белого песчаного пляжа Средиземного моря. Клубятся тучи пыли, уличное движение практически парализовано. Но никто не досадует на это. Торговцы, курортники, погонщики ослов и даже полицейский-регулировщик в своем белом тропическом шлеме — все с улыбкой провожают взглядом шумную «кавалькаду», удаляющуюся вверх по шоссе. Это свадебная процессия аулад-али, которая доставит милую Мабсуту в лагерь, где живет семья жениха. В нескольких километрах от портового города машины съезжают с асфальтированной магистрали и, громыхая по проселочной дороге, въезжают в Вади Тавайа, вытянутую долину, где находится селение наших друзей. Пасущиеся здесь верблюды удивленно вытягивают длинные шеи и, заслыпав оглушительную трескотню ружейных выстрелов, обращаются в бегство комичным галопом. Гости наконец-то достигли цели, и их приветствуют по бедуинскому обычая.

В шести белых летних шатрах, выстроившихся в ряд, на участке, обнесенном светлой кирпичной оградой, — праздничная суэта. Неистово прыгают босоногие вихрастые ребятишки. Веселые бородатые бедуины в длинных, ниспадающих складками одеяниях и в красных фетровых шапочках, с двустольными охотничими ружьями за плечами и полными патронташами медленно приближаются к гостям. Отец Мусы сердечно пожимает руки прибывшим, обменивается с ними поцелуями. Звучат шутки по адресу девушек, которые, громко хлопая в ладоши, песнями приветствуют выходящую невесту.

Мать жениха и группа женщин, родственниц Мусы,

ведут Мабсуту в праздничный шатер, где их уже ждут, сидя на коврах, скрестив ноги, шестьдесят богато украшенных женщин и девушек, облаченных в дорогие одежды. Их глаза подведены черной антимоновой пудрой, а ладони и подошвы окрашены хной. Посредине шатра на почетном месте, куда брошены подушки и цветные циновки, сажают Мабсуту. Пока она отдыхает после напряженной двухчасовой езды под палящим солнцем, подруги любуются новыми серебряными браслетами на ее запястьях и украшениями из чистого золота, которые утром ей преподнес Муса. А тем временем идут приготовления к празднеству: в огромных котлах вариются вместе с рисом мясо полдюжины барашков, расставшихся с жизнью в честь этого дня.

В отдельной палатке собирались седобородые старики. Они курят самокрутки и с большим удовольствием прихлебывают сильно подслащенный ароматный чай. Некоторые из них играют на песке в игру, похожую на шашки. У одной партии костями служат раковины, у другой — маленькие кусочки сухого верблюжьего помета. Вокруг плотной стеной стоят «болельщики». Однако Мусы ибн Харуна нигде не видно.

«Бисмиллах, аль-Рахман, аль-Рахим...» Носовой напев почтенного старца призывает мужчин выйти из шатра. «Фики», человек, известный особым благочестием и знанием наизусть стихов из Корана, открывает основную официальную часть бедуинской церемонии бракосочетания чтением фагихи, первой суры Корана:

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
Хвала Аллаху, Господину миров,
Милостивому, милосердному,
Царю в день суда!
Тебе мы поклоняемся и просим помочь!
Веди нас по дороге прямой,
По дороге тех, которых ты облагодетельствовал,—
Не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.

Три (в тот момент) главных действующих лица сидят на корточках у входа в шатер, их окружает множество людей, внимательно следящих за ходом праздника. Но нет здесь жениха и невесты. Невесту представляет ее старший брат Насралла, поскольку отец занемог, жениха — его отец. Повысив голос, фики оглашает перед собравшимися свидетелями брачный контракт:

— Для того чтобы получить в законные супруги девушку Мабсуту бинт Шукри, жених Муса ибн Харун должен уплатить отцу невесты Шукри ибн Слиману 60 египетских фунтов. Из них 30 фунтов должны быть внесены наличными. Остальная часть выплачивается только в случае развода.

— Абу Муса, ты согласен от имени жениха с этим договором?

— Я согласен, Аллах — свидетель!

— Брат Мабсуты, от имени семьи невесты ты согласен?

— Во имя Аллаха, да! — отвечает Насралла.

Энергичное рукопожатие обоих представителей скрепляет брачный договор. Еще один залп из ружей, и звонкое пение женщин возвещает о том, что формальности завершены. Все эти звуки служат долгожданным сигналом для героя дня Мусы, который до этого момента скрывается в отдаленной оливковой роще. На прекрасном жеребце каштановой масти он скачет к шатрам, красиво спрыгивает с седла и без задержки входит в помещение, где, волнуясь, ждет его желанная Мабсута.

Подтверждение девственности

Едва за обоими захлопывается дверь, как участники празднества, сгорая от нетерпения, собираются на внутреннем дворе. Звучит необузданый ритм барабанов, высокими голосами поют женщины, мужчины хвалятся за патронташи и снова заряжают ружья. В напряженном ожидании все смотрят на закрытую дверь брачной комнаты...

Не проходит и четверти часа, как дверь распахивается и появляется юный супруг. Он торжествующе размахивает над головой куском белой материи с кроваво-красным пятном посередине. Это вызывает безудержное ликование всех собравшихся. И снова воздух разрывается сухой треск ружейной пальбы, в ушах звенят «халахиль» (трели), которые выводят женщины, ошелело лают пастушеские собаки. Родственники жениха и невесты бросаются в объятия. Они поздравляют друг друга с тем, что теперь все видят, как этого требует добрый бедуинский обычай, доказательство девственности невесты. Как почетный стяг этот кусок материи водру-

Жают над праздничным шатром. Спустя несколько дней после свадьбы он все еще полошется на ветру.

Со всех сторон к молодому человеку летят поздравления и пожелания счастья: «Обильного тебе потомства!» «Прежде всего побольше сыновей! Алиф Мабрук!» («Будь благословен тысячу раз!»).

Ближайшие родственники и подруги поздравляют Мабсуту и снова ведут ее в праздничный шатер. Молодые мужчины начинают «хаггала» — задорный хороводный танец с отчетливо выраженными эротическими мотивами. Разгоряченные и утомленные темпераментным танцем, его участники с благодарностью принимают приглашение к праздничному столу. Позднее мне довелось еще раз видеть танец хаггала в Каире в исполнении национального фольклорного ансамбля. Хореографическая обработка изменила его характер и, на мой взгляд, лишила остроты.

Ближе к вечеру Муса ибн Харун и Мабсута — «замужняя девушка» сидят на почетном месте в праздничном шатре. Их рассматривают со всех сторон и опрыскивают розовой водой. Шейх Раслан Хаббуна, самый старший по рангу из присутствующих здесь бедуинов, приближается к ним, неся боязливо блеющего черного как смоль козла. Размеренным шагом он семь раз обходит молодую чету, с трудом удерживая бьющееся в руках животное. Сразу же после этого магического обхода черный козел церемониально приносится в жертву. По существующему у бедуинов аулад-али древнему поверью смерть «грешного козла» уносит все дурные влияния, которые могли бы грозить счастью моложенов. За ужином им предлагают отведать мясо этого козла. Веселье снова возобновляется, во всех шатрах шумно и оживленно.

Когда первые гости покидают лагерь и пускаются в обратный путь, вслед им звучат стихи. Мать невесты жалобно причитает:

Как голубка жила со мною дочь.
А сегодня она улетает, пойдет своим путем.

Отныне Мабсута будет жить в доме своего мужа, как этого требует обычай бедуинов. Обычай, когда жена после вступления в брак переходит в дом мужа, мы, этнографы, называем патрилокальностью. Она присуща

всем племенам кочевников. Продолжительность свадебного обряда, а также характер исполняемых на этом празднике песен и танцев разные у различных бедуинских племен. У шукрия, кочевого племени на северо-востоке Судана, во время свадьбы устраивают «ракс аль-сот», особое испытание мужества молодых мужчин племени. На протяжении всех танцев и пения их так сильно хлещут бичами по спине и по плечам, что сходит кожа и струится кровь. Однако они ничем не показывают, что им больно, и с улыбкой переносят истязание. Я часто видел почти у всех обнаженных до пояса мужчин на спинах рубцы от ударов, нанесенных им членом во время этих свадебных танцев.

Бегство из гарема

Часто после лекций или экскурсий, которые я провожу по залам отдела бедуинов в Лейпцигском этнографическом музее, мне задают вопрос: «Верно ли, что каждый бедуин имеет нескольких жен?» Подобные вопросы свидетельствуют о неверных, но весьма распространенных представлениях о масштабах многоженства на Востоке. Еще Ф. Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» глубоко проанализировал развитие семейных отношений. Он писал: «В патриархальной семье семитского типа в многоженстве живет только сам патриарх и, самое большое, несколько его сыновей, остальные должны довольствоваться одной женой. Так обстоит дело еще в настоящее время на всем Востоке; многоженство — привилегия богатых и знатных...; масса народа живет в моногамии»³⁴.

У шаммаров (Ирак) я провел статистическое обследование более двухсот семей. По полученным данным, 87% мужчин имели одну жену, 10% — две жены, 2,5% — три жены и только 0,5% — четыре. Иметь три или четыре жены могут позволить себе лишь вожди.

Свадьба связана со значительными материальными затратами, и хотя, согласно Корану, мужчина может взять в жены одну за другой четырех женщин, этим правом могут воспользоваться лишь те, кто принадлежит к верхнему социальному слою.

В многочисленных развлекательных изданиях про-

шлого и в современных западных иллюстрированных журналах, которые выходят гигантскими тиражами, доверчивому читателю под покровом мнимой объективности внушается романтическое, но вместе с тем и грубо искаженное представление о жизни восточного гарема, не имеющее ничего общего с действительностью. Одно из таких «сочинений» издано в ФРГ в 1958 году, и его автор обещает рассказать о том, что и сегодня происходит за стенами гарема. Однажды ему якобы удалось увидеть, как жены принца Махмуда Керима — сорок одна женщина, одна прекраснее другой, совершают омовение. Посреди большого, выложенного мраморными плитами двора находился бассейн, украшенный голубой мозаикой. Возле него сидела служанка и лила благовонные масла в горячую воду, которой рабыни-непримечательные наполняли голубой бассейн... Автор казался себе вором, краuderшим запретный плод, но не мог отвести глаз от восхитительной картины развертывавшейся перед ним, как в кинофильме. На лбу и на бедрах он ясно различал голубую татуировку дочерей пустыни. В таком духе дается описание более чем на 400 страницах. Читателю преподносится полнейшая бессмыслица, плоды безудержной фантазии.

Было бы, конечно, неверным отрицать существование в настоящее время больших гаремов. Они встречаются в некоторых арабских странах, находящихся под властью феодальных правителей. Например, в Саудовской Аравии многие члены королевской семьи и сейчас содержат значительные гаремы.

Весьма забавное описание нравов турецкого гарема оставил протестантский проповедник Стефан Герлах, который с 1573 по 1578 год сопровождал немецких паломников в их поездках на Восток. Когда турецкого императора охватывает сладострастие, он направляется в гарем, осматривает своих выстроившихся по определенному порядку жен и бросает той из них, кто ему больше всех понравится, платок. Получившая платок идет с ним к главной жене. Султанша должна красиво одеть эту женщину и направить ее к повелителю. Пастор чистосердечно добавляет: «Наши женщины так не поступают».

Несколько слов об обратной стороне «брачной медали» — о разводе. Как раньше, так и сейчас он широ-

Ко распространен во всех арабских странах. Развод осуществляется без каких-либо формальностей, без участия судей или чиновников. Это происходит потому, что женщины не имеют никаких прав в общественной жизни. Решение о разводе принимает только мужчина. Для этого ему достаточно лишь трижды сказать жене в присутствии какого-либо свидетеля: «Ты изгнана!» Этот обычай сохранился у бедуинов, а также у феллахов и горожан арабского мира.

Если бедуин недоволен женой и хочет прогнать ее, он обязан выплатить ей половину выкупа, как это предусмотрено брачным контрактом. Разведенная жена забирает личное имущество, состоящее большей частью из одежды и украшений, и возвращается в шатер отца или старшего брата. Если у нее есть маленькие дети, она продолжает заботиться о них, пока те не вырастут. Бывший муж может заявить о своих правах на детей. Разведенная жена может в любое время снова выйти замуж; известны случаи, когда привлекательные бедуинки выходили замуж по шесть и более раз. Выкуп, который вносится за разведенную жену или вдову, несколько меньше того, что дают за девушку. Неверность жены жестоко наказывается. Если муж уличает жену в измене, он сообщает об этом ее родственникам, и тогда отец или брат виновной обязаны ее убить, чтобы «смыть позор с ее оскверненного лица». Подобная же участь ждет и ту девушку, которая окажется беременной до замужества. В этом случае, ближайшие родственницы по женской линии всячески пытаются скрыть состояние девушки и помочь ей сделать аборт, но как только весть об этом распространяется, девушку убивают, если ей не удается спастись бегством раньше. Тогда она должна жить вдали от племени, и нередко несчастная становится проституткой в каком-нибудь городе. Суровому наказанию подвергается и соблазнитель, если только его удается схватить. Супруг, заставший жену с любовником, по неписаному закону бедуинов имеет полное право убить обоих на месте преступления.

Бедуин из племени шаммар рассказал мне историю о том, как один путник, воспользовавшись гостеприимством хозяина шатра, попытался ночью изнасиловать его дочь. Девушка подняла шум. Разгневанные хозяи-

ва схватили покушавшегося, раздели его, связали по рукам и ногам и веревкой привязали ему мошонку к колу. В таком чрезвычайно болезненном положении его оставили лежать несколько дней на улице под градом насмешек, а потом с позором выгнали. Но такие происшествия у бедуинов редки. Еще реже об этом узнают посторонние.

В доисламский период мораль у арабов, очевидно, не была столь строгой, как теперь. Такое впечатление может сложиться при чтении следующего отрывка из «Седых волос» Имруулкайса:

Седые волосы мои погладив,
Сказала мне кокетливо Бисбаса:
«Сверкает седина в твоих кудрях.
Сдается мне, что силы уж оставили тебя,
Иссяк любви твоей источник,
Хоть удалю своей в бою
Ты похваляешься стократно».
«Похоже, шутишь ты,— ответил я смеясь.—
Немало женщин и в чужих шатрах меня ласкают.
Мужей немало в злобе на меня».

В подобных случаях похититель должен уплатить семье похищенной в знак искупления вины 60 верблюдов, а также передать ей без брачного выкупа девушку из своей семьи.

В Южной Аравии существовал обычай «пробного брака с испытательным сроком». После нескольких месяцев совместной жизни муж мог отправить не понравившуюся ему жену назад к ее родителям. Правда, обычай этот ушел в прошлое. Типичное отношение бедуина к женщине проявилось в следующем высказывании: «Мы держим жен для того, чтобы они рожали нам детей и занимались хозяйством. Мы не угнетаем их, но жена должна хорошо понимать, что ее хозяин — мужчина. Так установил Аллах. Наши предки следовали этому порядку, и мы тоже так поступаем. Таковы наши привычки, наши нравы, и таков наш закон».

Когда появляется ребенок

В махраме при рождении ребенка присутствуют несколько опытных женщин, помогающих роженице. Роль акушерки выполняет одна из пожилых бедуинок. Она принимает ребенка, перерезает пуповину. Ново-

рожденного купают либо в верблюжьей моче, либо в настой из трав, содержащих щелочь. Иногда его натирают солью.

Обмывают и роженицу. Смертность женщин при родах и младенцев очень велика. В этом повинны скверные гигиенические условия и отсутствие врачебной помощи.

Иногда родовые схватки начинаются во время кочевки. Тогда женщина заставляет своего верблюда встать на колени, слезает с него, а караван продолжает путь. С роженицей остаются несколько бедуинок. Сразу же после родов мать и ребенка сажают на верблюда, и они пускаются догонять караван. В семье бедуина в среднем 6—8 детей. По субъективным традиционным представлениям кочевников появление на свет мальчика гораздо более желанно, чем девочки: мальчики укрепляют свою семью, девочки же, выходя замуж, большей частью покидают ее. Об отце, у которого только дочери, говорят: у него нет детей. Бедуины не регистрируют день рождения и никогда не отмечают его, поэтому он быстро забывается.

В древности, в доисламскую эпоху, среди арабских племен был распространен варварский обычай заживо хоронить новорожденных девочек. Но уже в Коране сказано: «Не убивайте ваших детей из страха перед нищетой. Мы заботимся о них и о вас. Воистину, убивать их — это большой грех». Рождение близнецов рассматривалось как дурное предзнаменование, поэтому их умертвляли. Сегодня об этом напоминает арабская поговорка: «Мать близнецов завтра будет бездетной».

Через несколько дней после рождения ребенок получает имя, зачастую весьма странное. Иногда оно связано с обстоятельствами рождения. Например, «Мухдия» («Приносящая заботы») — муж прогнал жену недолго до того, как она разрешилась от бремени, и будущее ребенка было неясно; «Матар» («Дождь») — ребенок появился на свет, когда шел сильный дождь. Иногда в имени заключено пожелание, которое должно благоприятно повлиять на развитие ребенка. Например, «Фахд» («Гепард») — носитель этого имени должен быть быстрым и ловким, как гепард. Или «Райя» («Давать милость») и т. п. Распространенными во всем исламском мире именами пользуются и бедуины.

Ребенок из племени шаммар

Во время церемонии присвоения имени в жертву приносится овца или коза. Потом мясо жертвенного животного съедается в кругу родственников.

Каждая бедуинка старается кормить своего ребенка как можно дольше; если не наступает новая беременность, то даже до трехлетнего возраста. Мать не соблюдает точных часов кормления, а дает ребенку грудь всякий раз, когда тот закричит. Мне часто приходилось наблюдать, как дети, уже давно начавшие ходить, прибегали к матери, кормившей младенца, и требовали грудь³⁵. Если бедуинка, кроме своего, кормит малыша другой женщины, у которой нет молока, то оба ребен-

Игры девочек-бедуинок

ка связаны молочным братством. Это отношение арабы рассматривают как вполне реальное родство. Молочные братья и сестры поэтому не могут вступать друг с другом в брак. Переход от материнского молока к твердой пище сопровождается прикормом, когда ребенок достигает годовалого возраста,— кашей из пшеничных хлопьев, пшена или размягченных в молоке лепешок.

Одежда маленьких детей зависит от климатических условий. В жаркое время года они одеты либо очень легко, либо совсем не одеты. В холодные дни на них надевают рубашки, а младенцев завертывают в платки. Пеленок в нашем понимании этого слова бедуинки вообще не употребляют. Пеленка у них — это кусок тонкой кожи, посыпанной порошкообразным верблюжьим пометом, хорошо впитывающим влагу. О том, где спят младенцы — о кожаных колыбелях и деревянных кроватках, устланных войлоком, — уже упоминалось при описании махрама. Сидя верхом на верблюде, мать бережно держит ребенка на руках; трех-четырехлетних

малышей часто размещают в тканых сумах по бокам верблюда — весьма забавное зрелище! Носят детей различными способами: «на закорках», посадив на плечо или наклонно, как бы верхом на бедре. Последний способ предпочитают девочки-подростки, когда носят младших братьев и сестер. Как только дети начинают ходить, они свободно передвигаются по шатру и в пределах лагеря. Бегают они босиком и в одних рубашонках.

Вряд ли надо упоминать о том, что в условиях жизни на природе не нужны специальные отхожие места. Для удовлетворения естественных потребностей люди удаляются на некоторое расстояние от шатра в определенном направлении, причем всегда влево или вправо от входа в шатер, а не перед ним и не сзади него, поскольку переднее и заднее полотнища могут подниматься в зависимости от того, куда дует ветер. Тот, кто хочет «выйти в степь», знает, что ему надо отойти на несколько сот шагов от лагеря.

В жару мальчики бегают в костюме Адама, а девочки носят пояса, отделанные кожаной бахромой. Повсюду, где бы я ни встречал детей бедуинов, прежде всего бросалась в глаза их неопрятность, можно даже сказать, запущенность. Очень редко им вытирают носы, а личики перепачканы и часто облеплены мухами. Но вот что примечательно: родители намеренно оставляют своих детей в таком малопривлекательном виде, ибо, как они полагают, это защищает их любимцев от «дурного глаза», который воздействует прежде всего на хорошо вымытых и чистых детей. Суеверное представление о дурном глазе широко распространено на всем Востоке. Там верят, что взгляд некоторых людей может навлечь на беременных женщин, на детей, на животных различные несчастья, болезни и даже смерть. Чтобы защитить от дурного глаза, бедуины вешают на тех, кому грозит опасность, амулеты — голубые жемчужины или раковины-каури. Я был свидетелем того, как одна супружеская пара, потерявшая двух мальчиков, чтобы ввести в заблуждение злых духов, одела своего самого маленького и последнего мальчика как девочку и обращалась с ним как с девочкой. Его колыбель была увешана амулетами и голубыми бусами, предохраняющими от сглаза.

Свобода детей бедуинов ничем не ограничена. Это

приводит иногда к тому, что мальчики ведут себя черезчур вольно. Игры и мальчиков и девочек весьма разнообразны. Я сам видел, как девочки строили маленькие шатры и лепили из глины животных.

Врезающееся в память событие

Таким в буквальном смысле слова «врезающимся» в память событием в жизни бедуинов является «таура», праздник обрезания, которому обычно подвергаются мальчики в возрасте от двух до семи лет и лишь в Южной Аравии — подростки. Среди ученых пока нет единого мнения по вопросу о том, какой именно смысл имеет старинный семитский обычай, заключающийся в том, что у мальчиков удаляют крайнюю плоть и только после этого они становятся полноправными членами общества. Ясно одно, что этот обычай укоренился очень глубоко, а сейчас представляет собой нечто даже значительно большее, чем простую религиозную церемонию.

Летом, во время кочевья, бедуины располагаются у колодца. К совершению обряда обрезания начинают готовиться заранее. Обычно само действие совершается в четверг или в понедельник. Когда наступает полдень, берут лоскут красной материи от седла верблюда и привязывают его к переднему среднему шесту шатра. Затем мать ребенка, над которым должен производиться этот обряд, и другие женщины на верблюдах привозят дрова. Они собираются перед шатром и, как только заходит солнце, стреляют из ружей, чтобы все бедуины узнали, у какого мальчика праздник.

Когда скот возвращается в лагерь, мужчины собираются за чашкой кофе, и огонь костра достигает высоты человеческого роста. И когда мужчины собрались, то женщины садятся, а мужчины двумя шеренгами встают друг против друга, и певцы с каждой стороны поочередно поют новые стихи. Первый стих звучит так: «О вы, кто собрались на праздник обрезания, пусть Аллах сделает ваше счастье полным. Мы пришли на праздник, и мы желаем вам здоровья».

Затем выходят красивые девушки, и одна за другой с непокрытыми головами идут туда, где стоят мужчины. На них — только рубахи, на голове и на затылке —

иет ничего. Они начинают раскачиваться из стороны в сторону и танцевать, и каждый раз, когда одна из девушек, находившаяся между шеренгами мужчин, уходит, на смену ей выходит другая. И они продолжают танцевать, пока не настает полночь. Тогда они расходятся.

А когда настает утро, отец мальчика приводит «такхара», того, кто будет делать обрезание. Ему дают деревянную миску, переворачивают ее и сажают на нее мальчика двух-трех лет. И тогда к нему подходит «такхар» с кусочком кожи величиной с крупную монету, в которой имеется отверстие. И он протягивает крайнюю плоть мальчика сквозь отверстие, перевязывает ее ниткой и говорит ему: «Подымы голову, и ты увидишь на небе маленькую газель!» И левой рукой он вытягивает крайнюю плоть и обрезает ее бритвой, а место обреза посыпает пеплом и солью. И тогда отец мальчика стреляет над шатром из ружья, забивает двух коз или овец, а каждый из его родственников дарит ему по овце. И когда все они забиты и сварены, отец мальчика посыпает людей, чтобы пригласить мужчин. И после того как все мужчины соберутся и поедят, они встают. Потом к мискам устремляются мальчики и разбирают все, что там осталось; у каждого в руке кость. Затем собираются меткие стрелки; они устанавливают мишень — голову убитого животного; лучший стрелок тот, который поразит ее!

Но вот приближается вечер, и веет прохладой, и все собираются и начинают петь и играть. Красавицы одеваются красные рубашки, распускают косы и танцуют. И когда на второй день возвращается скот, собираются мужчины и начинаются игры, как в первую ночь. И в третью ночь повторяется то же.

Так пишет о празднике обрезания у центральноаравийского народа атейба арабист Ж. Ж. Гесс по мотивам рассказа Мухдиса ибн Хаджаджа.

Если мальчик, который подвергся обрезанию, перенес эту операцию храбро, родные хвалят его и делают ему подарки. И тот, кто совершает обрезание, тоже получает за свою работу вознаграждение, как об этом поется в песне палестинских арабов:

Да пребудет с тобой Аллах, о прекрасный!
Наточи свой нож, и да будет рука твоя легка.

Если Исса будет смеяться, я тебе подарю
Почетные плащи, которые украсят тебя.
А если Исса заплачет, то я осыплю тебя бранью.
И эту брань тебе придется носить...

Тахар в мире представлений детей Арабского Востока — «черный человек», пугало, им страшат непослушных детей.

В некоторых районах арабского мира практикуется обрезание девочек, которое обычно состоит в том, что вскоре после рождения у них удаляется клитор. Эту операцию тайно производят опытная бедуинка, и она не сопровождается никакими празднествами в отличие от церемонии обрезания мальчиков³⁶.

Кто хочет быть красивым, должен страдать

Другое оперативное вмешательство, но уже менее болезненное, ожидает девочек в возрасте от 5 до 12 лет, то есть до наступления зрелости. Их татуируют, причем татуировка имеет как магический, так и ритуальный характер. На щеки, подбородок, лоб и губы, а также на ладони, руки, грудь и ноги наносится множество разнообразных узоров. Такое украшение тела называется «дакк» или «вашм». Этим занимаются опытные женщины за определенное вознаграждение. Поистине, «чтобы быть красивым, надо страдать». Татуировка производится иглой. В кожу предварительно втирается кашица из сажи и слюны. Если нужно разукрасить большую поверхность кожи, наносятся все новые и новые слои сажевой пасты и используется целая связка игл. В процессе накалывания узора на коже выступают капельки крови, и она зачастую немного воспаляется. В это время места, подверженные татуировке, нельзя смачивать водой. Когда отпадают струпья и корочки, пропастиает узор бледно-голубого или зеленоватого цвета. Он остается на всю жизнь. Сейчас татуировка становится все более редким явлением, у современных бедуинских девушек ее очень мало, и она едва заметна, в то время как тела их бабушек сплошь покрыты узорами.

В торжественных случаях у некоторых южноарабских народов на лица женщин наносятся рисунки голубой, красной и зеленой краской. Потом это украшение может быть легко удалено. У многих кочевых пле-

Девушка племени аслам

мен Северного Судана девушкам, готовящимся к свадьбе, темно-синей краской татуируют нижнюю губу. Дополнительным украшением в этих районах служит татуировка рубцами — как у мужчин, так и у женщин. Острым ножом на кожу лица наносятся линейные узоры, располагающиеся симметрично по обеим его сторонам. Возможно, что первоначально узоры изображали племенные символы, однако этот смысл уже давно утерян, поскольку сегодня можно встретить самые различные сочетания рубцов у представителей одной и той же племенной общности. Вот уже много лет правительство Судана пытается положить конец подобным традициям. Так, в передачи для сельского населения включается песня, где есть такие слова: «О любимая, как ты прекрасна. На твоем лице нет шрамов».

Каждый день бедуинки подводят веки черной краской, используя для этого «кухль» — порошок, состоящий

Из пудры антимона, золы миндальной скорлупы, серного цвета и других компонентов. Кухль — самое распространеноное на Востоке косметическое средство. Им пользуются и девочки-подростки. Порошок хранится в яичках из ароматного дерева или в роге газели и извлекается оттуда тонкой палочкой. Благодаря кухлю взгляд приобретает большую выразительность.

Выше упоминалось, что украшения бедуинских женщин входят составной частью в выкуп за невесту. Бедуины сами их не изготавливают, а покупают на базарах у золотых и серебряных дел мастеров, которые творят настоящие чудеса. Ожерелья, кольца, броши отделаны камнями, чеканкой, филигранью.

Л. Раувольф так воспел украшения бедуинок:

Если они хотят стать нарядными,
То одеваются на себя драгоценности.
С висков спускаются длинные бусы из мрамора и яшмы.
Те, кто богаче, носят в носу кольца — золотые и серебряные,
С гранатами, бирюзой, рубинами и изумрудами,
На ногах и руках у них браслеты —
При ходьбе и работе они подпрыгивают и звенят.

Отрывок дает представление о самом главном в украшениях бедуинских женщин, причем сказанное характерно и для сегодняшнего дня. Не у всех бедуинок одинаковое количество украшений. Жены вождей имеют в этом отношении значительно больше возможностей, чем жены рядовых членов племени.

К ней стремится мой взор,
К ней, чьи косы бегут по полным плечам;
Льются слезы из глаз.
О ты, что носишь украшения в ушах,
Чей взгляд подобен взгляду сокола.
Аллах! Да скажется надо мной судьба!
Ноги ее белы.
О ты, что носишь украшения на ногах,
Стремится взор к тебе,
Как сокол, что с небес падает на добычу.

Так сами бедуины воспевают украшения возлюбленной.

Мы сражались среди их верблюжьих паланкинов.
Сверкали мечи, и кровь лилась рекой...

Из палестинской песни

Трудно обозначить исторические рамки «золотого века» бедуинов, датировать его начало и его конец, хотя такие попытки и предпринимались. Он существует лишь в мире представлений бедуинов, в дошедших до нас преданиях. Он прославляется в произведениях устного поэтического творчества. Именно в фольклоре заключено все богатство художественных выразительных средств арабов-кочевников. Бедуины не знают живописи и скульптуры; несложны их танцы. И если отвлечься от орнаментов, которые женщины вышивают на коврах, то можно прийти к заключению, что владение словом, искусство рассказа и поэзия — главная арена показа творческого дарования кочевых народов Арабского Востока.

«Когда-то в старину... в давно ушедшие годы жил храбрый шейх...» Так или подобно этому начинают бедуины свои истории, помогающие им коротать время у ночного лагерного костра. Героические деяния прославленных вождей, мужество и храбрость разбойников пустыни, похождения злых и добрых духов — неисчерпаемые темы для бесконечных бесед под черными крышами шатров.

Свое высшее выражение поэзия бедуинов получила в «касыдах» — особой форме лирики с присущими ей строгим размером и стилем баллад. Они передаются устно от одного поколения другому на протяжении веков. Имена авторов некоторых из этих произведений дошли до нас. Многие касыды были уже сравнительно рано записаны и объединены в стихотворные сборники — «диваны».

Диапазон фольклорной поэзии кочевников чрезвычай-

Но широк: от описаний природы до восхвалений (в том числе и собственной персоны) и любовных песен; от песни, где высмеиваются или клеймятся позором враги, до траурных песнопений, оплакивающих потерю друзей или родственников. И сегодня в шатрах бедуинов можно услышать импровизации в честь посещения почетного гостя. Певец аккомпанирует себе на «рабабе» — простом смычковом однострунном инструменте, струна которого сделана из конского волоса.

Откроем наши примеры бедуинской поэзии касыдой доисламского поэта Аль-Шанфара, где он как бы представляет себя:

Нет, я не тот плохой пастух,
Которого мучит жажда и который
Бездумно гонит скот туда, где нет воды.
И он отнимает у матери детеныша
И забирает у нее молоко.
Нет, я не тот дурак, который
На женской половине шатра
Доверчиво выбалтывает все планы.
И я не нежный кавалер, который
Бренчит на лютне, помадит волосы
И черной краской подводит брови.
Я ночи не страшусь, когда
Пустынной степью мчит меня скакун.
Могу я долго голодать, пока о пище
Не позабуду я совсем и притупится голод.
Но я скорее буду землю есть и пыль,
Чем допущу, чтоб мною гордец повелевал.
Главу, едва прикрыту платком, и грудь
Я часто подставлял расплавленным ветрам
Горячих летних дней,
Когда гадюка даже корчится от боли.
По развевающимся волосам моим,
Что гребня никогда не знают,
Гуляет ветер.
Там, куда поднялся я, скачут белые козы.
Похожи они на скромных дев в развевающихся одеждах.
По вечерам они танцуют вокруг меня,
Словно козел я, чьи ноги расставлены широко
И тяжелы рога.

Чтобы лучше понять принципы классического арабского стихосложения, приведем суждение теоретика литературы Ибн Кутейбы. Он пишет, что автор касыд обычно начинал их упоминанием о покинутых местах, о прошлых временах и следах прежних обитателей. Потом как правило, автор плакал и просил друзей хранить тишину,

Чтобы можно было говорить о тех, кто покинул эти места, ибо живущие в шатрах отличаются от оседлых людей, меняют местожительство. Кочевники ищут новые пастбища, передвигаются от одного источника воды к другому и идут к местам, где прошел дождь. Затем поэт переходил к любовной теме, жаловался на муки любви, на боль разлуки, говорил о силе своего чувства, чтобы привлечь к себе взгляды и внимание, поскольку муки любви близки и понятны всем, ибо бог создал своих рабов так, что вложил в них радость любви и склонность к женщинам, и поэтому не найти такого, который не был бы к этому так или иначе причастен или не имел влечения к этому, будь то дозволено или запретно. Когда поэт видел, что на него обратили внимание и слушают, он делал намек на то, что ему кое-что должны; он жаловался на усталость, длительные бдения, ночную езду, на истощение коня или верблюда. И когда он убедил того, к кому обращался, в настоятельной необходимости вознаградить свои ожидания и изобразил все страдания, с которыми связано его путешествие, поэт переходил к восхвалению слушателя, побуждая его к признательности и щедрости, ставя его выше других, равных ему и преуменьшавшая с этой целью достоинства великих людей. Таково мнение Ибн Кутейбы.

Поэт, о котором здесь говорится, использует все свое дарование, чтобы склонить к себе слух влиятельного и состоятельного вождя племени в надежде получить от него вознаграждение. При этом речь никоим образом не идет только о материальных выгодах; поэты преследовали нередко и политические цели, например, поддержку мирных переговоров между враждебными племенами или усилий, направленных на освобождение пленника, и т. п.

Странствующие арабские певцы раннеарабской эпохи напоминают во многих отношениях трубадуров средневековья. В их стихах нередко звучит мотив гордости собственной персоной. Например, Абид аль-Аbras: «Спроси у поэтов, могут ли они плавать в морях поэтического искусства так, как плаваю я, или нырять в нем, как я ныряю! Мой язык в песнях восхваления, в полемике и в стихосложении ныряет более искусно, чем рыба, которая плавает в глубинах моря». Другой поэт говорит, восхваляя свой талант:

Я мощно гоню рифмы вперед,
Как храбрый всадник гонит скакуна.

Аль-Тиримма, поэт VIII века, клеймит своих врагов-тамимов яростной насмешкой: «Если бы блоха, оседлав вошь, напала на обе боевые шеренги тамимов, они, конечно, обратились бы в бегство!» Выразительна карикатурная характеристика разбитого врага, вынужденного отступать: «Тогда они, мои противники, отступили медленным шагом, как несущие воду у канала верблюды, шлевающие по грязи».

К лучшим произведениям арабской любовной лирики принадлежит касыда уже известного читателю поэта Имруулкайса. Это фривольный рассказ о любовных приключениях (поэт рассказывает, как он «наставил рога»), о том, что в его времена было далеко до строгих моральных норм, пришедших позднее с исламом. Если у современных бедуинов считается зазорным даже упоминать об отношениях между мужчиной и женщиной, то в древнеарабских касыдах описание любовных похождений было чем-то само собой разумеющимся.

О, сколько дней и ночей
Провел в утехах я любовных с женщиной,
Стройной, как статуя, и нежной!
Тому, кто рядом с ней лежал, ее лицо светило.
Так светить не может в лампе густо пропитанный фитиль.
Ее грудь излучала жар, как очаг, раздуваемый ветром.
Красавица была так похожа на тебя.
Наши одежды ночью лежали рядом.
Мягким, как кучка песка, с которой играет ребенок,
Было ее нежное тело во время ласк.
Когда она отходила в сторону,
Как колыхались ее бедра,
А когда нерешительно возвращалась обратно,
Каким ароматом веяло от нее.
Я снимал с нее одежды, и она стояла совершенно нагая.
Она легко склонялась ко мне, не как гора мяса.
Когда ее племя было в Ятрибе, с Адраата, с горы
Я смотрел на них — на очаг моей любимой.
При свете кратких звезд, которые, как огни монастыря,
Указывают страннику путь на родину, я видел пламя ее очага.
Когда ж ее семья заснула, пробрался к ней я тихо так,
Как поднимаются в воде пузыри.
Она воскликнула: «Ко мне ты не входи! Иль хочешь ты
Покрыть меня позором? Не видишь разве ты вокруг
Ни сплетников, ни подлых шептунов?»
Ответил я: «Бог видит, что от тебя теперь я не уйду.
Здесь я отдохну, здесь преклоню главу
И телу усталому дам отдых».

Аллахом клялся я, и пусть была та клятва ложной,
Я говорил: «Ты можешь мне поверить — у костра все спят». Тогда говорили мы попеременно. Любимая стояла предо мной, Как обильная и гибкая виноградная лоза.
Пылая, я привлек ее к себе и в ухо ей шептал,
Пока упрямица не уступила мне. Блаженства высшего минуты...
Когда поднялся я с ложа любви, ее супруг стоял уж рядом, Дрожа от бешенства, ругаясь и сопя.
Ревел он, как молодой верблюд, которого петлею душат.
Хотел меня он умертвить. Не тут-то было.
Попробовал бы он! Неподалеку лежал мой меч.
Были со мной и стрелы, острые, как дракона зубы.
Как мог бы он меня убить? Ни копья, ни пики, ни меча
Бедняга не имел с собой.
Как мог бы он меня убить? Отраду души его супруги.
Целебной мазью для щелудивого верблюда была моя болтовня.
Да и сама Сальма знает, хоть он ее супруг:
Он может сотрясать словами воздух,
Но действовать не может никогда!

В следующем стихотворении поэт Мутамим рассказывает о своей воображаемой смерти среди безлюдья и молчания пустыни. Примечательно, что самое мрачное настроение, связанное со смертью, переходит в истифхар — самовосхваление, характерное для бедуинских поэтов.

О горе мне! Долгогривая гиена, обросшая густой шерстью, Ковыляя на трех ногах, приближается к моему трупу.
Она уже давно наблюдала за мной и озиралась вокруг, ибо мой Предсмертный хрип пугал ее и в то же время я возбуждал ее алчность.
Она долго терзает мое тело, а остатки тащит в чашу своим детям.
И ни одна живая душа не прогонит ее.
Был бы в моей правой руке меч, я ударами отогнал бы ее
И не позволил бы ей сожрать беззащитного человека.
Я бился бы так, что мои удары отsekли руки героя, как Дерева волшебного плоды.

Традиция слагать касыды дошла до наших дней. Бедуины знают и любят поэзию. Правда, многие из них умеют превосходно читать касыды, но мало кто владеет искусством их сочинять. По содержанию современные касыды мало чем отличаются от классических образцов. Как и раньше, воспеваются героизм, благородство и щедрость, любовь к женщине и связанные с ней страдания; снова и снова в стихах бедуинов звучит тема грабительских набегов, борьбы между племенами, войны не на жизнь, а на смерть. Сейчас несколько изменилось по-

строение касыд. Сначала рассказчик проговаривает прозаический текст, который служит как бы введением к рифмованной части. Чередуются речь (калам) и стих (буйют).

Касыды представляют большую ценность для исследователя бедуинов благодаря историчности и достоверности описываемых в них событий. Например, одна из касыд (Центральная Аравия) повествует: «Однажды бени халид вели войну с бени джушам. Когда бени халид потребовали, чтобы бени джушам платили им дань, все вожди последних единодушно отказались. Они решили направить посольство с сообщением, что платить не будут. Когда те об этом узнали, они очень разгневались. Вождь приказал бить в барабаны и седлать коней. Приблизившись, они напали на стада верблюдов. Тогда бени халид схватились с бени джушам, да так, что в течение трех дней видны были лишь сверкающие мечи и хлещущая кровь. Бени джушам убили эмира халидов и ограбили их шатры; стали слышны вопли и жалобы. Наконец, они уничтожили всех всадников, всех храбрецов и даже маленьких детей. Все случившееся действительно было, и об этом Аль-Обади, который принадлежал к бени джушам, написал следующее стихотворение».

К этому рассказу примыкают 17 стихов о войне между племенами, которая имела место в истории бедуинов. Совокупность литературных памятников Арабского Востока дает возможность с большим трудом, как мозаику, воссоздать картину исторического прошлого кочевников³⁷.

Перемены в положении шейхов

Настало время представить читателю ведущих лиц бедуинского общества, которые постоянно упоминаются в касыдах: шейхов, военных предводителей, племенных судей, а также познакомить читателя с такими традиционными институтами арабских кочевников, как гостевое право, право убежища, кровная месть, грабительский набег.

Центральной фигурой, несомненно, является шейх, роль которого как предводителя общины определяется прежде всего его личными качествами. Он должен отличаться смелостью, щедростью, гостеприимством, чув-

ством справедливости, обладать искусством речи, хорошо знать состояние пастбищ и колодцев, уметь устанавливать отношения с соседними племенами и заботиться о гармонии и единстве в руководимой им общине. В число многочисленных обязанностей шейха входит и дипломатическая обязанность — представлять свое племя во внешних сношениях. Есть основания полагать, что на начальных этапах развития бедуинского общества выбор вождя определялся исключительно его качествами, то есть члены племени избирали наиболее способного и достойного из своей среды шейхом. Учитывая то, что бедуины очень высоко ценят благородное происхождение и гордятся предками, можно считать, что с течением времени сложился обычай постоянно избирать шейха из определенного «дома», то есть из определенного рода. Его должность стала наследственной. У каждого рода появилась своя «семья шейхов», из которой выходят руководители племен. Но это отнюдь не значит, что шейхом обязательно становится старший сын. Практика показывает, что им может быть наиболее подходящий кандидат из «семьи шейхов»: один из младших сыновей, дядя, племянник, брат или соратник умершего вождя,— но непременно член правящей «семьи шейхов».

Решающее слово при выборе вождя принадлежит совету племени (*маджлису*), куда входят старейшие и наиболее опытные люди общины; их суждение в известной мере воплощает общественное мнение.

Бывает и так, что энергичный претендент захватывает должность шейха силой и уже потом обеспечивает себе поддержку соплеменников. В борьбе за власть среди членов «семьи шейхов» нередко разыгрывались кровавые трагедии.

Буржуазные ученые часто характеризуют шейха как *primus inter pares* («первый среди равных»), однако в действительности это не так. Шейх принадлежит к самым богатым членам племени, иначе он не сможет выполнять возложенные на него функции. Бедный не может быть щедрым. Чтобы соответствовать предъявляемым ему требованиям, шейх должен иметь преимущества, которые укрепляли бы его экономическое положение. Он взимает дань с покоренных племен и селений, собирает пошлины с караванов, проходящих через территорию племени. Он имеет право на часть добычи, захваты-

ваемой во время грабительских набегов; у него есть рабы, которые обязаны безвозмездно трудиться на него, и, наконец, он может требовать от соплеменников подношений, если надо достойно принять гостей. При таком положении вещей, конечно, не может быть и речи о «первом среди равных».

Могущество шейха зависит от величины и политической силы того племени, к которому он принадлежит. Ниже читатель познакомится с некоторыми вождями племен.

У шейха нет какого-либо особого знака или внешних признаков, отличавших бы его от других, рядовых, членов племени; он не имеет официальных титулов. Лишь во времена турецкого владычества тем вождям, которых хотели отличить, чтобы привлечь на свою сторону, присваивали титул «бей» или «паша». К шейху обычно обращаются по имени, иногда употребляют оборот «тауиль аль-умр» («живи долго», «долгих вам лет»). Шейху всегда предлагают почетное место в мужском шатре.

Одним из самых знаменитых вождей был Хатим ат-Тайи, шейх древнего племени тайй (VII век). Это племя некогда было столь могущественным, что его именем до сих пор называют многие арабские народы. На всем Востоке Хатима ат-Тайи почитают как в высшей степени гостеприимного человека. К тому же он был и одаренным поэтом, чье имя стало известно и в Европе благодаря «Западно-Восточному дивану» Гёте. Арабы рассказывают многочисленные истории об этом бедуинском властителе. Среди них есть и такая. «Однажды на лагерь Хатима ат-Тайи напали разбойники из враждебного племени. Бой был неудачным для тайи, они были вынуждены бежать и были рассеяны. В бегстве искал спасения и Хатим. Едва он разбил шатер в безопасном месте, как к нему явилось посольство от византийского императора Ираклия, чтобы купить у него знаменитую кобылицу. Поскольку у Хатима не было ничего съестного и не осталось никаких животных, кроме этой кобылицы, он приказал убить ее, чтобы подобающим образом принять гостей. Лишь спустя некоторое время, как этого требует обычай пустыни, гости изложили цель своей миссии. Хатим в замешательстве ответил, что кобылица не продается. Гости не были удовлетворены ответом и, ссылаясь на гостевое право, потребовали, чтобы кобылица

цу преподнесли в подарок. Тогда Хатим ат-Тайи вынужден был сознаться, что именно ее мясом он потчевал дорогих гостей».

В первые десятилетия XX века влиятельное племя руvala возглавлял шейх Нури ибн Ша'лан. Племя в то время насчитывало 35 тысяч человек и владело 350 тысячами верблюдов. Нури был по призванию воином; шейхом он стал благодаря бесчисленным набегам на шаммаров. Его жены родили ему 82 ребенка, в том числе 37 сыновей. К. Расван встречался с ним в 20-х годах и рисовал его. С портрета на нас смотрит седобородый старец с лицом, изборожденным морщинами и глубоко запавшими зоркими глазами; его профиль напоминает хищную птицу.

В 1902 году в борьбе за власть Нури застрелил своего двоюродного брата Миш'ала ибн Саттама, а в 1905 году приказал умертвить родного брата Фахада и завладел его имуществом, в том числе 3 тысячами верблюдов и 11 лошадьми, а также священным знаком племени, который берут в бой,— «отфой». Сыновья обеих жертв не раз пытались отомстить Нури ибн Ша'лану за смерть своих отцов, но напрасно. Как замечает М. Оппенгейм, из-за этой кровавой вины на протяжении всей жизни он подвергался преследованиям и ни разу даже не смог спокойно поесть. Все его сыновья стали жертвами кровной мести. В 1910 году Нури ибн Ша'лан вступил в конфликт с турецким пашой в Дамаске, поскольку руvala грабили обширные стада друзов. Он был схвачен и до 1912 года находился в заключении, но, когда его помиловали, снова взялся за оружие, возглавив руvala. Во время первой мировой войны вместе с воинами своего племени он сражался против турок на стороне англичан и 1 октября 1918 года вместе с ними вступил в Дамаск. Нури ибн Ша'лан, как сообщает А. Музиль, имел значительное состояние, в том числе земельные угодья в различных оазисах, несколько автомобилей и большой дом в Дамаске, где, покинув племя, он доживал свои годы и скончался в 40-х годах.

Иногда у арабских скотоводов и женщины пользовались большим общественным авторитетом. Примером тому служит Туркие, тетка Нури Ша'лана и вдова предшествующего вождя руvala Соттам ибн Хамада. После смерти супруга она довольно эффективно препятствовала

ла попыткам своего племянника Нури захватить власть и в течение нескольких лет руководила рувала. А. Музиль пишет об этой женщине-вожде, что ее слово было законом. Она славилась гостеприимством, в ее шатре часто бывали люди. Абта, дочь шейха шаммаров Бенейе, не хуже мужчины руководила заседаниями совета племени.

В наши дни положение бедуинских вождей сильно изменилось благодаря влиянию многих факторов современного развития. Уже в XIX веке турки, награждая титулами и высокими окладами, превращали в своих чиновников тех бедуинских вождей, с помощью которых они хотели удержать в повиновении основную массу кочевников. Например, старые вожди шаммаров Ферхан и Файсал, а также шейх рувала Соттам ибн Хамада получили титулы «пашей» (впрочем, они не стали от этого особенно дружелюбно относиться к туркам). Перевод бедуинских племен на оседлость, к чему так стремились турецкие властители, так и не удалось осуществить при помощи военной силы.

Первая мировая война завершилась на Ближнем Востоке разгромом Османской империи британско-арабскими войсками. Несмотря на то что державы-победительницы — Франция и Великобритания — обещали после войны предоставить арабам возможность самостоятельного политического развития, они готовили колониальное порабощение этих народов и скоро осуществили свои планы. На конференции в Сан-Ремо Франция получила мандат на Сирию и Ливан, в то время как Великобритания обеспечила себе господство в Трансиордании, Ираке, Египте.

Новые власти приняли энергичные меры против бедуинских племен, чтобы ослабить их и подчинить своему контролю. Они проводили более гибкую политику по отношению к вождям племен, чем турки, и им удалось использовать в своих целях некоторых влиятельных шейхов. С одной стороны, здесь не обошлось без сильных средств давления: ликвидации наследственных привилегий, например, запрещения грабительских набегов и рабовладения, а также отмены права взимания дани. С другой стороны, вождей подкупали, предлагая им заманчивые сделки. Например, шейхам была предоставлена возможность одним росчерком пера получать крупные

земельные владения: за ними записывалась часть угодий племени, если они заявляли о своей готовности выполнять требования колониального правительства. Уже тогда некоторых шейхов утверждало центральное правительство. Это означало окончательный разрыв с традицией: шейх превращался в государственного чиновника. Однако такое положение было характерно для влиятельных вождей больших племен или племенных союзов, насчитывавших десятки и даже сотни тысяч человек. Верховный вождь племенного союза, состоящего, например, из четырех племен, назывался «шейх маша'их» («вождь вождей»). Одним из них был Аджиль аль-Явер. Он вышел из семьи шейхов аль-Джерба, а верховным правителем всех шаммараев стал в 1922 году и превосходно приспособился к требованиям времени. По сообщениям М. Оппенгейма, иракское правительство поручило Аджилю аль-Яверу охранять месторождения нефти и нефтепровод в районе Мосула и поставлять рабочих на строительство железной дороги между Мосулом и Багдадом. Это, естественно, обеспечивало ему значительные доходы, и, кроме того, он получал от правительства ежемесячную субсидию в размере 150 динаров (примерно 1500 марок). Таким образом, он получал обильное вознаграждение за утерянные доходы и занимал положение, которое коренным образом отличало его от бедуинских шейхов прежних времен. Англичане столь высоко оценивали его заслуги, что пригласили в 1937 году в Лондон на торжества по случаю коронации короля. Путешествуя по Европе, он посетил и Германию, пробыв несколько недель в Берлине. После смерти Аджиля «вождем вождей» стал его сын Ахмед, родившийся в 1925 году. 14 июля 1958 года был свергнут реакционный проанглийский режим короля Фейсала II и премьер-министра Нури Саида. Тогда же была провозглашена Иракская Республика. Первым главой стал генерал-майор Абдель Керим Касем. Попытка переворота, имевшего целью свержение правительства, была сорвана армией и народом. Ахмед аль-Аджиль принимал деятельное участие в контрреволюционном путче в Мосуле в начале 1959 года, руководимом полковником Шавафом, которого арестовали и затем казнили. Шейх Ахмед аль-Аджиль и тысячи людей из его окружения бежали через сирийскую границу. Множество участников в боях шаммараев погибло.

Военный трибунал заочно приговорил вождя шаммаров к смертной казни. Это место занял его двоюродный брат Миш'ан аль-Фейсал, утвержденный правительством Багдада. Верховным шейхом племени он был до самой смерти (в 1968 году). К этому времени обстановка в стране сложилась таким образом, что впавший в немилость Ахмед аль-Аджиль смог вернуться на родину и снова стать верховным вождем всех шаммаров.

В гостях у «вождя вождей»

А теперь побываем у шейха Миш'ан аль-Фейсала, с которым я познакомился в 1962 году. Когда я приехал в Мосул, крупнейший город Северного Ирака, был как раз пост. Перед этим по дороге из Багдада я заехал в Гей-аре, где постоянно живет шейх Миш'ан. Его резиденция с большими глиняными постройками расположена среди плантаций, орошаемых водой из Тигра с помощью насосов, снабженных моторами. Мне сказали, что шейх шаммаров выехал по делам в Мосул и остановился в отеле «Рафидайн». И вот я сижу в холле отеля на мягкой кожаной софе и жду, когда важному лицу будет передано мое рекомендательное письмо. Я осмотрелся. Справа около темного цвета стойки для регистрации стеклянная дверь с косой надписью «Американский бар», затем устланная коврами лестница, ведущая наверх, возле нее вертящаяся дверь в ресторан. Однако до обоняния и слуха гостей отеля не доносятся ни запахи еды, ни стук приборов. Ведь сейчас рамадан, месяц поста: блюда и напитки будут подаваться только после захода солнца.

Стройный подвижный человек в традиционной одежде быстро спускается по лестнице. Я поднимаюсь с софы навстречу его приветствию: «Меня зовут Абдуллах Яхья, я секретарь шейха шаммаров. Он ждет вас наверху. Пожалуйста, следуйте за мной». Он ведет меня на второй этаж на террасу, залитую солнцем, куда выходят несколько комнат. Из средней двери появился шейх Миш'ан аль-Фейсал, мужчина богатырского телосложения, с окладистой черной бородой, со шрамом поперек лба. Густым басом он произносит слова традиционного приветствия. Мы усаживаемся в кресла, стоящие вокруг низкого столика. Я нахожусь между шестидесятилетним шейхом шаммаров и темнокожим бедуином, под

его бурнусом угадывается кобура пистолета. «Ага! Это — телохранитель», — подумал я. Напротив нас садится симпатичный секретарь, с которым позже у нас установились весьма дружеские отношения.

После нескольких минут вежливого молчания я передаю привет от декана факультета Багдадского университета, где учусь, и напоминаю о рекомендательном письме. Шейх Миш'ан передает письмо секретарю, и тот зачитывает его. В то время как все внимательно слушают, на террасу входят три бедуина и присоединяются к нам.

— Как я понял, ты намерен пожить с нами некоторое время в степи, — обращается Миш'ан ко мне. — Ты для нас желанный гость, и ты можешь жить среди шаммара сколько тебе захочется. Ты увидишь стада, будешь ездить на верблюдах, узнаешь и сфотографируешь все, что пожелаешь... Но... — и здесь он сделал паузу, которая притушила мою первоначальную радость по поводу полученного разрешения. — Но сейчас время неблагоприятное. Сейчас месяц поста — рамадан. Бедуинам будет очень тяжело достойно принять гостя. Мы ослаблены голоданием и жаждой и не так веселы, как обычно. Сейчас не время для гостей.

Остальные при этих словах одобрительно кивали головами. Увидев мое разочарованное лицо, шейх Миш'ан ободряюще добавил:

— Приезжай к нам на конец поста и оставайся сколько тебе заблагорассудится! Много лет назад у нас уже побывал немец. Его звали барон Макс, и он был добрым другом моего отца.

Читатель, наверное, уже догадался, что шейх Миш'ан назвал «бароном Максом» Макса фон Оппепгейма. В конце аудиенции верховный вождь шаммара диктует подробный ответ декану, вручает его мне, и я прощаюсь со всеми.

Дальше все происходит так, как предложил мне шейх: я снова являюсь в установленное время в отель, а потом на несколько недель еду в гости к шаммарам. В весенние месяцы шейх Миш'ан живет в огромном шатре в степи Джезира приблизительно в 80 километрах к западу от Тигра. Лагерь состоит из дюжины небольших шатров, неподалеку от большого шатра находится глинянобитная постройка, куда Миш'ан поселил Манифу, са-

мую молодую жену, с ребенком. Шейх привез повара и многочисленных слуг. Его первая жена живет с детьми в деревне к северу от гор Синджара, а вторая — в Гей-аре, на Тигре. Позже, уже после того как я покинул шаммаров, шейх Миш'ан женился в четвертый раз на восемнадцатилетней красавице родом из Сирии. Наверное, это не случайно.

В большом шатре шейха постоянно кого-нибудь встречаешь — в основном членов племени шаммар, но бывают и представители других иракских племен и их вожди, которые приезжают засвидетельствовать свое почтение верховному правителю шаммаров, и им всякий раз оказывается подобающий прием. Благодаря знакомству с вождями отдельных племен шаммаров мне удалось собрать ценные данные о численности и районах их расселения. Я получил также приглашения в самые различные лагеря бедуинов, рассеянные по обширной области Джезира. О том, как верховный глава шаммаров усыновил меня³⁸, я подробно описал в своей вышедшей в 1964 году книге «Абдалла у бедуинов»³⁹. А было это так.

Прошло две недели с тех пор, как я поселился в качестве гостя в черных шатрах шаммаров. Все это время они оказывали мне многочисленные почести, что было связано для моих хозяев с определенными расходами. Наконец они нашли практическое решение — приняли меня в свое племя. Несомненно, это большая честь, и еще сегодня я горжусь тем, что у меня есть имя Абдалла Миш'ан аль-Фейсал. Для бедуинов это был, очевидно, кратчайший путь, чтобы избежать тех неудобств, которые были связаны с древним этикетом кочевников. Ведь когда я входил в шатер, все поднимались с ковра в знак высокого уважения к гостю, когда я выходил, повторялась та же процедура. Стоило мне закончить еду, как все тотчас же переставали есть. Как я позже понял, все это было для многих весьма обременительно.

Разумеется, бедуины принимают в свои ряды не каждого. Предварительно он должен подвергнуться, хотя и незаметным, но очень серьезным испытаниям. Я должен был участвовать вместе с ними в скачках. На горячих скакунах, без уздачки и стремян я стрелял по мишням — жестяным банкам, расставленным в песках пустыни.

тыни. Каждое попадание вызывало ликовение, в особенности у женщин и детей, которые издали наблюдали за всем происходящим. Во время сильных песчаных бурь я помогал крепить шесты в большой палатке вождя племени. Это требовало предельного напряжения физических сил. Нередко случалось так, что при падении шеста гибли обитатели шатра. Наконец настал день, когда собравшиеся у лагерного очага старейшины пригласили меня в свой круг, и главный шейх обратился ко мне с торжественными словами: «Перед лицом собравшихся здесь лучших людей я нарекаю тебя именем Абдалла и как своего сына присоединяю тебя к моим сыновьям. В знак моего благоволения прими этого жеребца». При этих словах черный Хамуд ввел в шатер коричневого скакуна и вручил мне повод. Прежде чем я успел разглядеть коня, шейх шейхов шаммаров поднялся со своего места и трижды поцеловал меня. Нас окружили собравшиеся, некоторые в знак радости стреляли в воздух. В этот момент я не только получил звучное имя Абдалла Миш'ан аль-Фейсал ибн Ферхан ибн Сфук ибн Фарис ибн Хмейди ибн Медшрен ибн Мешалс ибн Гренис ибн Ферхан ибн Мухаммад ибн Абдалла, но одновременно приобрел и девять братьев, шестнадцать сестер, двенадцать дядей, а кроме того, бесчисленное количество двоюродных братьев и сестер. Среди прочего я получил право приобретать товары без денег; после жатвы все это списывалось со счета моего отца — бедуина.

Часто шейх покидал лагерь, направляясь в своем ярко-красном «шевроле» в сопровождении многочисленной свиты в Мосул или в Багдад для переговоров с властями или бизнесменами. Шейх Миш'ан — один из богатейших землевладельцев Ирака: ему принадлежало около 40 тысяч гектаров угодий. Разумеется, он сдавал землю в аренду. Арендаторы в соответствии с контрактом отдавали часть собранного урожая. Его состояние хранилось в банках и исчислялось миллионами. Одевался шейх просто, ходил в стоптанных туфлях на босу ногу. Но зато он был гурманом, любил вкусно и обильно поесть. Его турецкий повар — самое важное лицо из всей прислуги. В отелях, где останавливался шейх, для него готовили отдельно.

Однажды я обедал вместе с ним в лучшем отеле столицы. Взгляды присутствующих, как стрелы, летели на

Кахвачи с утварью для кофейной церемонии

наш стол. Любопытно — ведь шейх Миш'ан даже здесь не пользуется ножом, вилками и другими необходимыми для еды предметами. Результат его страсти к еде — непомерная тучность. Шейх неповоротлив, страдает тромбозом, поэтому он доволен, когда может удобно расположиться на ковре, лучше всего в полулежащем положении. Он не курит, подобно другим бедуинам, но охотно пьет кофе и всегда громогласно участвует в вечерних беседах у лагерного костра. Утром, в то же самое время, когда мы совершаляем свой скромный туалет, слуга красит шейху усы и гладко бреет голову.

Арабское искусство приготовления кофе

Шейх Миш'ан позволяет себе роскошь иметь еще одного повара, который с утра до вечера занят лишь тем, что в мужском шатре готовит кофе. Этого «церемоний-

Мейстера» зовут Маджид, бедуины именуют его «кахвачи». Он не из племени шаммар, а принадлежит к бедуинам мунтефик в Среднем Ираке. Каждый уважающий себя шейх считает для себя престижным делом угостить всякого пришедшего к нему в шатер. Многочисленная утварь, необходимая для приготовления кофе, стоит очень дорого, приобрести ее может лишь состоятельный человек. Желая особо подчеркнуть чье-либо гостеприимство, бедуины говорят: «Его кофейник всегда полон».

Кофейная церемония начинается с поджаривания зеленых зерен. Их всегда должно быть в запасе в достаточном количестве. Железный тигель с зернами помещают в очаг на угли и поджаривают до тех пор, пока зерна не приобретут темно-коричневый оттенок. Чтобы они не сгорели, кахвачи специальной железной ложкой помешивают их. Жар поддерживается ручными мехами. После того как бобы достаточно поджарятся, их пересыпают в медную ступку и пестиком измельчают в тончайший порошок. Мелодичный звон ступки, как звук колокола, доходит до самого дальнего уголка лагеря, и каждый, кому хочется отведать кофе, воспринимает этот звук как приглашение. Кофе пьют лишь мужчины, женщины довольствуются очень сладким чаем. В то время как кофе превращают в порошок, в огромном, с очень длинным носиком кувшине кипятится вода. Кахвачи всыпает в нее порошок. Над краями кувшина моментально поднимается темная пена. Немного жидкости шипя падает на раскаленные угли, и аромат кофе распространяется по всему шатру. Напиток затем переливают из одного медного кувшина в другой, причем каждый последующий меньше предыдущего. Все это делается постепенно, без спешки, потому что в каждом кувшине должен оставаться осадок. Ситечко не употребляется. Наконец, напиток переливают в маленький серебряный кувшин с удлиненной ручкой, из которого очень удобно наполнять чашки. Теперь в кувшин кладут несколько зернышек кардамона, тропического корня, который придает горькому арабскому кофе особый аромат. Наконец, кахвачи снимает пробу с готового напитка; раньше это еще доказывало и то, что кофе не отравлен. Теперь элегантным жестом кофе наливают в чашку, причем длинная тонкая струя черной как смола жидкости

На миг как бы застывает в воздухе. Первую чашку — как правило красивого тонкого фарфора, — наполненную едва ли на треть, подают самому уважаемому гостю. Он шумно прихлебывает обжигающий напиток, и ему тотчас же предлагают вторую чашку, и так далее до тех пор, пока он вращательным движением руки не возвращает ее. Затем, произнеся слова благодарности: «Ишт» («Ты должен жить»), показывает, что он вполне удовлетворен. Далее наступает очередь сидящего рядом, а потом следующего, и так до тех пор, пока все не отвечают живительной влаги. Привыкнув к этому необычайно горькому напитку, я нахожу, что он освежает даже в самую сильную жару.

Если хотят сильно наказать человека, по тем или иным причинам нарушившего неписанный закон пустыни, ему вместо кофе предлагают воду. Это означает для него неслыханный позор, и он понимает, что его присутствие в шатре более нежелательно. Когда я пил кофе у шейха Миш'ана, воду никому не предлагали, по крайней мере в моем присутствии, хотя порой дело и доходило до жарких словесных перепалок.

Правительство поручило шейху Миш'ану уговорить бежавших в 1959 году в Сирию шаммараов возвратиться на родину. Способствуя этому, иракские власти изъявили готовность выплатить в качестве вознаграждения за утерянное во время бегства имущество определенную денежную сумму каждому вернувшемуся бедуину, чтобы он мог приобрести себе шатер, необходимую утварь и животных. Дело пошло на лад; тысячи шаммараов вернулись в Ирак. Точный размер компенсации определял шейх Миш'ан. Дискуссии на эту тему длились целыми ночами, страсти накалялись до предела: кое-кто чувствовал себя обделенным. Когда темперамент горячих бедуинов перехлестывал через край, шейх громовым голосом призывал к спокойствию. Не подлежит сомнению, что, возложив на него эту функцию, правительство дало ему в руки такой инструмент власти, который не имел ни один из прежних вождей шаммараов. Приводимые каждым бедуином данные об утраченном им имуществе должны были подтверждаться свидетелями. При переговорах постоянно присутствовали судьи племени. Они взвешивали каждый факт, но последнее слово оставалось за шейхом Миш'аном. Тому, кто заявлял о своей лояль-

ности по отношению к багдадскому правительству, секретарь вручал чек, по которому тот получал в Мосуле деньги на обзаведение новым хозяйством. В связи с этим репатриантов регистрировали, и они впервые в жизни получали паспорта, становясь гражданами Иракской Республики. Правительство предоставило шаммарам некоторые привилегии и права: их не призывали в армию, а они могли вступать в нее добровольно; они имели право носить оружие; в поисках пастбищ им разрешалось без визы переходить границу.

Хотя Абу Фахд (так бедуины называли своего шейха — по имени его старшего сына Фахда) в отношениях с соплеменниками весьма охотно напускал на себя добродушный вид патриарха, дистанция между ним и простыми бедуинами была весьма заметна. Они видели в нем представителя власти, который хоть и знал хорошо их проблемы, но не защищал их коренных интересов. Мне вождь шаммаров постоянно демонстрировал одни лишь светлые стороны жизни его подчиненных. Нищета и нужда, распри и социальные трения внутри племени по возможности скрывались от меня. Я вскоре заметил, что простые бедуины чувствовали себя гораздо свободнее, когда шейх покидал лагерь, отправляясь в поездку. Меня удивляло, что они относились ко мне с доверием, хотя я был известен им под именем Абдалла Миш'ан аль-Фейсал, полученным при усыновлении. Вероятно, бедуины понимали, что, несмотря на имя, душой я был на их стороне.

Мне удалось познакомиться с шестью моими братьями (а всего их было девять), которых я приобрел автоматически, будучи принят в племя. Точное число моих бедуинских сестер я и поныне не знаю. Фахад, старший из братьев, прибыл однажды с визитом из селения Рабия, находящегося на границе с Сирией. Он был скромен, неловок и в присутствии отца весьма сдержан. Мухаммед, второй по рождению брат, учился в офицерском колледже в Багдаде, и его я видел только один раз, в Мосуле. В его поведении сквозила гордость тем, что он пошел дальше брата. Третий сын Миш'ана произвел на меня неблагоприятное впечатление. Болезнь бедра мешала ему ходить, и он все время проводил в женском отделении шатра в полном безделье, по-господски командуя слугами. Он с грехом пополам выучился читать и

писать и жил как настоящий тунеядец. Больше всего мне понравились Зари и Музахем. Зари, очень подвижный мальчик лет двенадцати, учился в школе-интернате. Он регулярно приезжал в лагерь и носился вместе с другими бедуинскими подростками, как жеребенок. Музахем — старший сын третьей жены Миш'ана, мальчуган лет шести-семи, со сверкающими черными глазами и нечесаной копной волос. Мальчик прекрасно понимал, что он признанный любимец отца, и вел себя соответственно. Самому младшему Абдель Кериму было несколько месяцев, и мать кормила его грудью.

У шейха было пятнадцать братьев, и у каждого имелось по нескольку жен и по многу детей. Читатель может себе представить хотя бы приблизительно размеры семьи шейха!

Все кровные родственники шейха шаммаров имеют право покупать товары в кредит у торговцев на окрестных рынках. Сумма записывается в долговую книгу, а расчет производится чеками ежегодно после сбора урожая. Со слугами, а также с писарем, поваром, шофером, телохранителем и т. д. шейх и его родственники расплачиваются далеко не так аккуратно, как с торговцами. Некоторые из них по многу лет не получали денег наличными. Правда, их кормили; по большим праздникам они получали в подарок что-нибудь из одежды или продуктов питания, но регулярно и точно их труд никогда не оплачивался. Часто они жаловались мне на это.

Освобождение рабов

В свите Миш'ана есть темнокожие бедуины. Это бывшие рабы, чьи предки были вывезены из Африки. С тех пор они находятся на службе у шейхов шаммаров. Так, предки Хамуда были родом из Эфиопии и проданы рабовладельцами на Аравийский полуостров. Хамуд — телохранитель шейха, хорошо тренированный мужчина лет сорока, стройный, с темно-коричневой кожей и аккуратно подстриженной клинообразной бородкой, придающей его худому лицу строгий благообразный, а порой даже мрачный вид. Он жил вместе с женой, также африканского происхождения, и с детьми в маленьком шатре, стоявшем рядом с шатром шейха. Он всегда был около

*Хамуд — бывший раб верховного шейха
шаммаров*

Абу Фахда, сопровождал его во всех поездках, постоянно имел при себе пистолет и карабин.

Рабовладение с давних пор прочно укрепилось в обществе бедуинов. В данном случае речь идет о патриархальном домашнем рабстве, которое вряд ли можно отождествлять с античным рабовладением. Рабы у бедуинов всегда составляли меньшинство по отношению к основной массе членов племени⁴⁰, они были преимущественно телохранителями вождей, сопровождая их в грабительских набегах и военных походах и прислуживая в шатрах во время трапез. Жены и дочери рабов были служанками в женском отделении шатра. М. Оппен-

гейм в описаний путешествия по Месопотамии в конце XIX века отмечал, что господа хорошо обращаются с рабами. Им дают лошадь и оружие; их верность и смелость вошли в пословицу. В литературе встречаются сообщения о том, что рабам поручали даже взимать пошлину или дань; тем самым в их руках сосредоточивалась определенная власть, которая поднимала их над простыми свободными бедуинами. Можно сказать, что могущество господ бросало отблеск и на привилегированных рабов.

Когда способные носить оружие мужчины выступали из лагеря в военный поход, рабам поручалась охрана женщин и детей.

Очень строго следили за тем, чтобы рабы никогда не женились на дочерях свободных бедуинов, и ни один бедуин не брал в жены дочерей рабов. Рабы вступали в брак только в своей среде, и их дети обычно оставались на службе у владельцев их родителей.

После первой мировой войны в некоторых арабских странах рабовладение постепенно запрещалось, но фактически еще долго сохранялось, а в отдаленных районах его, наверное, можно встретить и сегодня. Прекратилась и работорговля. Лишь очень редко можно услышать о существовании нелегальных невольничих рынков, прежде всего в Саудовской Аравии. В этой стране закон об уничтожении рабства был принят лишь в 1962 году.

У сегодняшних бедуинов потомки рабов, кроме внешнего вида, вряд ли отличаются от остальных членов племени. Они носят ту же одежду, говорят на том же языке, переняли все их нравы, обычаи и нормы поведения. Внутри племени к ним относятся как к равноправным членам, хотя еще и сохранилась эндогамия. Я смог даже установить, что у шаммаров некоторые бывшие рабы — более влиятельны и богаты, чем масса простых бедуинов. Зийаб, например, получив свободу, стал самостоятельным и вместе с братом завел транспортное дело. У них было несколько грузовиков, и они лишь изредка навещали своего бывшего господина. Несомненно, что для бизнеса им пригодились те связи, которые они установили с различными представителями администрации, торговцами и т. п. Зийаб, как мне показалось, гораздо лучше приспособливался к новым обстоятельствам, чем остальные шаммары. Он ревностно заботился о том, чтобы все его дети посещали школу. Неожиданно для

шаммаров он стал выращивать мясной скот в небольшой деревушке на Тигре. Для бедуина такая инициатива была революционной. В течение нескольких лет бывший раб стал предпринимателем, потому что он не был отягчен грузом традиционных представлений кочевников.

Похищение скота было тогда почетным делом

Другой ведущей фигурой бедуинского общества в прошлом был акид, предводитель грабительского похода, его еще именуют военным вождем. В современном арабском словоупотреблении слово «акид» обозначает «полковник». Следует сделать еще один экскурс в лингвистику. Широко распространенное слово «рацция», обозначающее неожиданное, молниеносное нападение, арабского происхождения. Оно происходит от слова «газв», что значит нападение или набег с целью захвата добычи. «Гази» — это тот, кто участвует в грабительском походе. Уже одно это обстоятельство показывает, что газв в глазах бедуинов было законным и почетным делом. Вести войну против враждебных племен, похищать их стада с помощью хитрости считалось у бедуинов неотъемлемым правом. Такое отношение к газв они воспитывали у детей. Подростков поощряли, если они искусно воровали скот, а того мальчика, которому удавалось ускользнуть от преследования, хвалили и награждали. Выходец из бедуинов Абдель Латиф Ша'алан, с которым я учился в Багдадском университете, провел свое детство в степи. Он рассказал, как вместе с другими подростками украл овцу у чужого племени. По этому поводу взрослые устроили для детей праздник, чествовали их как героев, а потом все присутствующие съели похищенную овцу.

Существовало три основных типа газв: 1) грабительские походы, в которых участвовала небольшая группа мужчин — пеших, на конях или верблюдах,— для того чтобы ограбить племя, расположившееся неподалеку от их собственного пастбища; 2) грабительские походы с участием множества всадников, во время зимних дождей, для захвата прежде всего верблюдов и мелкого скота; 3) грабительские походы, предпринимавшиеся на верблюдах, в сухой период, на большие расстояния, для захвата верблюдов.

Бедуины племени баккара в полном снаряжении

Грабительским походом командовал акид — предприимчивый мужчина, от которого требовалось хорошо знать дороги, быть смелым, справедливым при распределении добычи и иметь «легкую руку». Акида, конечно, нельзя отождествлять с шейхом. Бедуин, выполнявший функцию акида, не имел привилегированного положения в обществе. Во время грабительского похода он был облечен диктаторской властью, но после окончания предприятия у него эта власть отбиралась, и он снова становился рядовым членом племени. Иногда благодаря особо удачным грабительским походам акид приобретал такой социальный престиж, что мог даже претендовать на пост шейха. Сначала акид призывал молодых мужчин из своего окружения принять участие в походе за добычей; затем он совместно с ними обсуждал детали намеченной операции. На его призыв откликался прежде всего тот, кому нужен был социальный престиж, ибо в глазах бедуинов он был тесно связан с успешным грабительским походом. Удачный скотокрад для каждой семьи был желанным женихом, а у некоторых племен кража верблюда считалась необходимой предпосылкой

для того, чтобы девушка в брачном возрасте дала согласие жениху. Но главной движущей силой для этих далеко не безопасных предприятий было, конечно, стремление стать обладателем верблюдов и мелкого скота. После удачного похода молодые люди приобретали возможность уплачивать брачный выкуп за девушку и принимать гостей. Таким образом, в основе грабительских походов лежали экономические причины, а не любовь к приключениям или спортивным упражнениям, как уверяют многие буржуазные ученые. В «Истории арабов» Ф. Хитти называет грабительские походы прошлого «национальным спортом» бедуинов.

Предводитель определял дату и время похода и сообщал правила, по которым впоследствии производился дележ ожидаемой добычи, для того чтобы не возникло ненужных споров. В зависимости от характера грабительского похода число его участников колебалось от трех-четырех человек до нескольких сотен. Особая выносливость и смелость требовались от участников походов летнего периода. Плохо питаясь, испытывая постоянную нужду в воде, они подкрадывались к врагу, зная, что будут контратакованы превосходящими силами, что их могут преследовать, отрезать, а затем, возможно, и разбить.

Когда участники газв достигают намеченного района, вперед высылаются конные разведчики, умеющие распознавать и толковать следы, чтобы определить, где пасутся стада и насколько они удалены от лагерной стоянки. Как только эти сведения получены, весь отряд собирается поблизости от обреченного лагеря или стада и прячется в подходящем месте. Оттуда разведчики, сблюдая все меры предосторожности, подкрадываются к объекту добычи и выясняют, сколько пастухов при стаде или же сколько воинов в лагере. Для успешного нападения необходимо выманить из лагеря злых сторожевых собак.

Если акид со своими воинами решил, что все благоприятствует нападению, то его совершают ночью или на рассвете, реже днем. Каждый участник угоняет столько верблюдов, сколько в состоянии угнать. Бедуины племени атейба при этом касаются каждого захваченного верблюда копьем и восклицают: «Будьте свидетелями, этот верблюд — моя собственность!» О племени анезе сооб-

щают, что они никогда не нападают на лагерь ночью, чтобы в сумятице боя не обидеть как-нибудь женщин и детей. Пастухов враждебного племени, если им не удалось бежать, задерживают и отбирают у них одежду и оружие, чтобы они не смогли предупредить своих соплеменников о нападении. Затем похищенное стадо быстро перегоняют на свои пастбища, где и происходит дележ добычи. О различных правилах дележа мне рассказал судья шаммаров Немми ибн Гала, который в молодости неоднократно участвовал в грабительских походах.

Правило первое: «аль-кишр». Добыча равномерно распределяется между всеми участниками похода. Акид получает дополнительно от каждого по верблюду. Это называется «хакк аль-акид» (право предводителя). Например, 10 бедуинов захватили стадо в 60 голов. Тогда каждый участник получает по 5 верблюдов, а акид — 15.

Правило второе: «гара». Каждый участник грабительского похода получает столько верблюдов, сколько ему удалось захватить. Акид получает от каждого по одному верблюду в знак признания его заслуг как руководителя.

Правило третье: «рок». Каждый участник получает по два верблюда, все остальное достается акиду.

К сожалению, я не смог узнать, в какой степени принимаются во внимание возраст, пол, состояние, верховые или тягловые качества животного.

Во время больших летних грабительских походов мелкий скот не угояют, ибо с овцами и козами бегство на большие расстояния невозможно. Кратковременные зимние набеги заканчиваются похищением как верблюдов, так и овец и коз. Добычу делят так: третью часть — акиду и две трети — поровну между остальными участниками. Так же производится дележ одежды, домашней утвари, оружия и другой добычи.

Разумеется, не обходится без инцидентов. Довольно часто предприятие срывается. Если у скотокрадов появлялась уверенность, что об их замысле узнала их будущая жертва, они, как сообщает Оппенгейм, могут избежать возмездия. Для этого им нужно пойти в шатер к тому, кого они хотели грабить, открыто признаться в своем намерении и заявить, что они от газв отказываются. После чего их примут по старинному обычанию, и они отправятся с миром в обратный путь. Известие об оказанном гостеприимстве защищает их, согласно праву убе-

жища, от всех остальных членов пострадавшего племени. Но зачастую весть о планируемом грабительском набеге приводит к ожесточенным боям. Шаммар, с которым я вел доверительные беседы, рассказал мне, как проходят такие бои. Самые мужественные и хорошо вооруженные участники газв образуют «камин» (арьергард). Он должен держать возможных преследователей в отдалении и не давать им продвигаться. Сторона, которая проигрывала в бою, обращалась в бегство, стремясь избежать потерь. Если подвергшиеся ограблению имели численное превосходство, они яростно преследовали грабителей и отбирали добычу, а часто и их собственных лошадей, одежду и оружие.

Общий бой скоро распадался на локальные стычки, которые, как отмечают архивные материалы, редко сопровождались большим кровопролитием. Личность разоруженного врага была неприкосновенной; пленных не пытали и не обращали в рабство. Лишь в исключительных случаях победители руководствовались чувством личной вражды. М. Оппенгейм отмечал, что злоумышленников не убивали из опасения кровной мести, но, например, после подобающей порции побоев пленников привязывали в узкой яме и давали им так мало пищи, что у них не было сил бежать. В таких суровых условиях их держали до тех пор, пока их не вызволяли оттуда со-племенники⁴¹.

Каждое племя и даже каждая племенная группа имеют для сражений боевой клич (нахва). Это своего рода пароль, который выкрикивала и та и другая сторона для воодушевления своих рядов. С помощью нахвы во время драки опознавали союзников и устрашали врагов. Приведу несколько примеров нахвы различных групп шаммаров. Джерба: «херша ва ана ибн Миш'ан!» и «Си-яаф!»; абде: «Сена'ис!»; амуд: «Асла!»; синджар: «Бел-ха!»; аслам: «Ибн Хассан!»

Сведения о грабительских походах начала XX века говорят о четко выраженной тенденции к обострению боев между племенами. Это совпало с освоением бедуинами огнестрельного оружия. В первой половине XIX века бедуины уже применяли фитильные и кремниевые ружья, а также револьверы. Винтовки европейского образца попали к ним в руки в начале нынешнего столетия и особенно много в годы первой мировой войны.

Вооружившись современным оружием, участники грабительских походов сражались друг с другом весьма ожесточенно. В 20-х годах атейба совершили газв на шаммаров. Им удалось захватить добычу, но шаммары догнали и окружили их. Завязалась перестрелка, продолжавшаяся до тех пор, пока никого не осталось в живых.

В боях нередко участвовали женщины. А. Музиль рассказал об одном грабительском набеге шаммаров на рувала. Когда враги напали на шатры, на них обрушились женщины, вооруженные шестами. Защищая свою собственность, они убили многих шаммаров. В это же время рувала первыми начали обшивать свои личные машины листами жести и устанавливать на них пулеметы. Вскоре этому примеру последовали другие племена, и после нападений самодельных броневиков было гораздо больше убитых, чем когда-либо в прошлом. Между отдельными племенами сложилась атмосфера постоянной кровной вражды. Особенно ухудшились отношения между шаммарами и анезе — двумя самыми могущественными племенами Северной Аравии. Газв стали все больше походить на военные операции.

Упомяну об одном курьезном «грабительском походе за растениями», который совершили в середине 60-х годов аулад-али против египетской государственной фермы на Средиземноморском побережье. Мне рассказал о нем ботаник доктор С. Булус, руководитель одного из отделов Института пустыни в Каире. Чтобы заставить вновь плодоносить прибрежную полосу, которая две тысячи лет назад была житницей Римской империи, ботаники посадили на испытательном участке сотни саженцев масличных и фиговых деревьев и потом тщательно следили за их ростом. Но однажды им нечего было больше измерять: в одну ночь, все растеньца исчезли! Окрестные бедуины, по-прежнему считавшие территорию государственной испытательной фермы своей, под покровом ночи и тумана выкопали все саженцы и перенесли их на другое место.

Институту пустыни ничего не оставалось делать, как нанять для испытательного участка сторожей из числа бедуинов того же племени, после чего можно было спокойно продолжать исследовательскую работу.

«Око за око, зуб за зуб»

«Кровная вина весит тяжело», — говорят бедуины. По этому древнему закону все родственники до пятого колена за смерть члена семьи обязаны мстить всем родственникам убийцы также вплоть до пятого колена. У многих племен существует, правда, твердое правило: тот, кто становится объектом кровной мести, должен владеть оружием. Считается бесчестным убить противника из-за угла или умертвить его во сне. Почетно перед актом мести открыто заявить: «Я мщу за такого-то».

Чтобы выяснить, должен ли данный человек подвергнуться кровной мести, бедуины применяют особый способ проверки. Если мстители встречают кого-либо из рода убийцы и не знают степени его родства, то этот человек должен дать клятву. Он берет в правую руку нож и перечисляет своих родственников. При каждом имени он отгибает палец, до тех пор, пока при пятом имени нож не падает на землю. Если один палец остается не разогнутым, то мстители убивают этого человека ножом. Об этом пишет А. Музиль.

Точное же определение существа бедуинской кровной мести дает швейцарский арабист Ж.-Ж. Гесс: «Кровная месть является у бедуинов силой, которая сдерживает в определенных пределах враждебные действия, бои и войны между ними. Поскольку этот ужасный обычай принес так много несчастий целым поколениям и охватил столь широкие слои населения, сами бедуины озабочены тем, чтобы не подвергнуть себя и свои семьи кровной мести. С одной стороны, во время грабительских набегов и опустошений стараются по возможности щадить жизнь врага; с другой стороны, если дело все-таки дошло до кровопролития, предпринимаются попытки к примирению. Дело рассматривается сперва шейхом, а потом судьей, который приговаривает виновного к уплате компенсации. Если он уклоняется от этого, то вся его семья оказывает на него сильнейшее давление, потому что если он не согласится уплатить требуемое возмещение, то не только он сам, но и каждый мужчина из его семьи может стать жертвой кровной мести, а каждое новое убийство повлечет за собой новую месть и искупление»⁴².

«Между нами — кровь» — в обществе бедуинов это

означает смертельную опасность для всех членов враждующих семей, и часто те, кому грозит кровная месть, ищут спасение в бегстве.

В марте 1962 года, когда ночью я находился в лагере шаммаров близ Зомана, появился пожилой, чем-то очень напуганный мужчина. Он все время тихо сидел в темном углу шатра. Мало-помалу нам удалось выяснить, что так угнетало Ватабана Джараллу. Однажды его сын чистил винтовку, и, как он уверял, случайно выстрелил, тяжело ранив своего соплеменника, который спустя несколько часов скончался. Нам может показаться, что этот случай надо рассматривать как трагический и убившего следует судить за убийство, совершенное по халатности. Для бедуинов это было убийство в чистом виде! Пролилась кровь, и убийца сломя голову бежал в Сирию. Его братья укрылись в отдаленных местах, а отец искал убежища у шейха Миш'ана. Он провел много дней в нашем лагере и покидал шатер, лишь убедившись в том, что ему ничто не грозит. Чтобы овладеть собой, он часто и подолгу молился. В это время доверенные лица вели переговоры с семьей убитого о денежной компенсации. При участии судьи шаммаров соглашение было достигнуто: семья убийцы должна была выплатить родственникам жертвы 400 иракских динаров. Сумма, которая выплачивается лицам, не принадлежащим данному племени, составляет в Ираке обычно около 550 динаров. Таким образом, размер компенсации — «хакк аль-дамм» или «дийа» («кровные деньги») зависит от того, принадлежал ли убитый к собственному племени или нет. Ранее возмещение выплачивали скотом (в среднем 50 верблюдов); кроме того, родственники должны были отдать часть своего имущества. Обычно в какую-то часть компенсации входили огнестрельное оружие, лошадь и у некоторых племен девушка из семьи убийцы. Она должна была стать женой брата или сына убитого, причем в этом случае брачный выкуп не выплачивался.

На первый взгляд обычай отдавать девушку может показаться варварским, но идея, лежащая в основе этого обычая, имеет известную логичность. Девушка в результате брака даст в семье убитого начало новой жизни, которая заменит навсегда ушедшую жизнь, и радость, вызванная ростом семьи, заставит постепенно забыть старую вражду. Девушка, данная в «уплату», вы-

полняет, таким образом, важную роль носительницы мира. В знак мира перед шатром виновной семьи вывешивается белый платок. Но в глазах общественности компромисс между враждебными сторонами не ценился так высоко, как кровная месть. «Если вы не отомстите, а возьмете деньги и возмещение, то ходите как страусы с обрезанным ухом!» — поется в старинной бедуинской песне. «Обрезанное ухо» — здесь символ позора и унижения перед противником.

«Фаурат аль-дамм» («переселение крови») — так бедуины называют первые три дня после получения известия об убийстве. Арабский автор Б. Таур пишет, что, когда весть об убийстве приходит в семью погибшего, мужчины этой семьи немедленно устремляются на поиски убийцы, кто бы и где бы он ни был, чтобы умертвить его сразу же после совершенного им преступления. Если они его находят, то тут же убивают, причем никто не задает никаких вопросов. Затем они бросаются к его шатру и сжигают его со всеми дорогими и дешевыми вещами, перерезают его верблюдам сухожилия на задних ногах, убивают мелкий скот, уничтожают лошадей и забирают оружие. Но женщинам они приказывают бежать. Это «накопление крови», как они говорят; оно продолжается у них три дня, в течение которых мстителю дозволено делать с врагом все что заблагорассудится, чтобы освободиться от него.

Если мстителю не удается за три дня получить удовлетворение, попытки будут продолжаться и дальше. Бедуин осуществляет кровную месть «через 40 лет». Но это выражение может обозначать и более длительный период.

Угроза кровной мести влияет на все поведение бедуина. Он невероятно подозрителен и замкнут, должен постоянно опасаться, что первый, кто ему встретится на пути, может оказаться человеком, осуществляющим по отношению к нему кровную месть. Поэтому уже детям внушают, что надо скрывать свое имя и название своего племени. Этим большей частью объясняется то обстоятельство, что бедуины дают ложные сведения даже тогда, когда им приводят разнообразные факты.

Разумеется, сейчас кровная месть распространена среди бедуинов не в той степени, как несколько десятилетий назад, но она не исчезла полностью, ибо ничто не

удерживается так ^{так} прочно в сознании людей, как старинные обычаи, особенно те, что связаны с честью и достоинством.

Неписаные законы

Касаясь обычаем арабов, связанных с похищением скота, убийством людей — кровной местью, все время приходится возвращаться к нормам, которые сложились в течение столетий и держатся так прочно, что можно говорить о «бедуинском судопроизводстве». Речь идет об обычном праве, передающемся устно из поколения в поколение.

У каждого крупного бедуинского племени есть несколько судей; эта должность наследственная. Судья держит в памяти все традиционные законы пустыни и по возможности на их основе стремится вынести справедливый приговор. Он рассматривает вопросы, связанные с хищениями собственности и телесными повреждениями. За разбирательство тяжбы судья получает плату от того, кто выиграл процесс, либо от того, кто его проиграл, или же от обоих вместе — это зависит от исхода дела. Судебные издержки выплачиваются большей частью скотом. Доходы судьи весьма значительны. Они составляют от одной четверти до одной трети стоимости «спорного имущества». Таким образом, суды по размерам состояния существенно выделяются среди массы соплеменников.

Приговор судьи подлежит исполнению. На этом настаивает общественное мнение. Потерпевшая сторона расплачивается скотом; известны случаи телесных наказаний. Лишение свободы у бедуинов не применялось. Как можно держать кого-то под арестом в шатре длительное время! Из множества бедуинских правовых «норм» наиболее примечательны «дахил» (право убежища или защиты) и «вадж» (гостевое право). Оба соблюдаются арабами-кочевниками и поныне.

Дахил — это право каждого преследуемого или попавшего в затруднительное положение на защиту и содействие более сильного, в чей шатер тот входит со словами «ана дахилак» — «я вхожу к тебе», что должно означать «я становлюсь под твою личную защиту». Просителю нельзя отказывать в убежище, даже если он другого

племени. Арабский юрист С. Булус определяет дахилā как ищущего защиты от трудностей, с которыми он уже столкнулся или может столкнуться. Он отправляется к главному шейху и говорит ему: «Я твой дахил: защити меня и сжался надо мною!» Слабый ищет защиты у сильного, и тот говорит ему: «Действительно, ты получаешь мощную защиту и надежнейшее покровительство». Дахил бросается в шатер шейха и умоляет его о спасении и защите. Ночью дахил бросается на ложе, где спят дети, и упавшим, жалобным голосом восклицает: «Я у тебя, у твоего очага. Я отдаю себя под твою защиту от меча, от ограбления и от такого-то, поправшего права». Тогда хозяин шатра отвечает ему: «Радуйся силе, благополучию и доброте!» После этого обращающийся с просьбой подробно объясняет, почему он нуждается в защите, и хозяин говорит ему: «Живи у нас, добро пожаловать!». Затем он снимает с головы куфийю и одевает ее на голову дахила со словами: «Аллах и посланец Аллаха! Никто не возьмет и волоса с твоей головы...» И добавляет: «Душа моя склонилась к тебе; я понял твое дело. Оставайся у меня на ковре покоя и беззаботности до тех пор, пока господь не пошлет тебе полное благополучие». Эти благожелательные слова означают, что он принимает несчастного к себе в качестве дахила.

Однажды один мой знакомый шаммар попросил у меня защиты. Он пришел ко мне без предупреждения, торжественно завязал узлом краешек моего головного платка, серьезно посмотрел на меня и произнес «ана дахилак!»

В первое мгновение я не смог произнести и слова. Придя в себя, я попросил его обо всем мне рассказать. Оказалось, что Хидр Мухаммед через вождя своего племени получил вызов в Багдадский суд. Один крестьянин через суд предъявил ему обвинение в том, что его стадо овец паслось на принадлежащем тому поле. В результате был нанесен материальный ущерб. Когда Хидр получил официальную повестку, он сильно испугался — так он стал моим дахилом. Но чем я, иностранец, мог помочь ему в Багдадском суде?

Мы много раз во всех подробностях обсуждали случившееся, и мне удалось его немного успокоить; он понял, что его поступок не повлечет за собой драконовского наказания. Я объяснил ему, что выпас скота на чужой

территории — дело обычное и за это строго не наказывают. Он должен объяснить судье, что отнюдь не намеренно погнал свое стадо на чужое поле. Явка в суд была назначена как раз на то время, когда и мне нужно было быть в городе, поэтому я мог позаботиться о своем дахиле. Я старался смягчить ужасное впечатление, которое оказывал на него большой город, как и на всякого обитателя пустыни. Я предложил Хидру на время судебного разбирательства поселиться у меня, и мы сообща обсуждали каждый последующий шаг. Мой дахил овладел собой, а я радовался, что смог помочь ему. Дела в суде шли сравнительно гладко, и Хидр отделался незначительным денежным штрафом.

Гостевое право укоренилось в сознании бедуинов такочно, как никакое другое. Оно основано на взаимопомощи и является элементарной защитой в мире, где таится столько опасностей для жизни. Путник, странствующий по пустыне, погиб бы без поддержки чужих людей. Поэтому у бедуинов с незапамятных времен каждый путешественник имеет право войти в первый встретившийся ему шатер и рассчитывать на гостеприимство. Но бедуинское гостевое право предполагает большее: право защиты жизни и собственности гостя и после того, как он покинет шатер хозяина. Гостевое право сопровождается, как уже говорилось, традиционным ритуалом, словами приветствия, братским поцелуем или рукопожатием. Кроме того, гость должен отведать пищи в шатре хозяина. Арабский историк Салман пишет, что если гость появляется в шатре какого-либо бедуина, то хозяин заботится о том, чтобы приготовить еду и достойно угостить его, затем путник получает свою часть и отправляется дальше. Если по дороге на него нападет разбойник и отнимет у него имущество, он возвращается к хозяину шатра и говорит ему: «Смотри, о шейх имярек! Я отвел твоей соли и твоей еды. До сих пор твоя еда не смешалась с едой другого. Помоги мне утвердить мое право перед разбойником!» Тогда хозяин отвечает: «Да, действительно, он отвел моей соли; он достоин защиты».

Пища, отведенная в шатре хозяина, в особенности соль,— самая важная основа для установления гостевых отношений. Если гость выпил только воды или молока, то хозяин в дальнейшем не обязан его защищать. Неко-

торые племена право защиты называют еще «мильха» (соленое).

Многие авторы рассказывают о случаях преувеличенно понимания бедуинами гостевого права. Английский исследователь пустыни У. Тезиджер пишет, например, об одном бедуинском шейхе, которого называли «оказывающий гостеприимство волкам», потому что каждый раз, когда он слышал волчий вой близ своего шатра, он приказывал своему сыну вывести в пустыню овцу, ибо «никто не должен напрасно просить».

Чтобы все знали, что гость находится под защитой, хозяин иногда наносит особые знаки (васм) на шею, на бок верхового животного, принадлежащего гостю. По нему соплеменники хозяина узнают, что личность данного чужака неприкосновенна. Нередко эти знаки рисуют кровью убитого животного, предназначенного для угощения гостя. Каждая племенная группа имеет свой васм. В первую очередь он служит для того, чтобы метить верблюдов. Их можно встретить на колодцах; васм племени наносят на камни, окаймляющие отверстие колодца. Знаками племени помечают следы, оставляемые караваном в степи или пустыне. Васм используется и в тех случаях, когда бедуин, сопровождающий караван в пути (рафик), за определенное вознаграждение берет на себя обязанность провести постороннего человека через территорию своего племени. Он должен обезопасить его от возможных нападений соплеменников. Э. Грэф сообщает, что рафик обязан возвращать или возмещать украденных животных либо деньги, а также компенсировать любой другой ущерб, который может быть нанесен его подзащитному. Для того чтобы соплеменники по ошибке не напали на его караван, на марше и ночью на лагерной стоянке он выкрикивает опознавательный пароль (те пароли, с которыми читатель уже знаком) или оставляет, снимаясь с лагеря, на песке васм своего племени. Эти бедуинские знаки собственности примечательны во многих отношениях, не в последнюю очередь тем, что они, вероятно, отражают этапы истории развития бедуинских племен. Известный арабист Э. Литтман высказал предположение, что вусум (мн. ч. от васм) обнаруживают сходство с буквами древнего южноаравийского алфавита. К сожалению, эта очень интересная точка зрения пока еще не вышла за пределы гипотезы.

Как отмечалось, основное значение вусум лежит в сфере имущественного права. Их выжигают каленым железом на коже верблюдов, когда им исполняется два года, и они становятся достаточно сильными, чтобы без ущерба для здоровья перенести эту болезненную процедуру. Верблюда опутывают веревкой, валят на землю, и, в то время как несколько сильных мужчин удерживают сопротивляющееся животное, один ставит клеймо на бок, на шею или на голову. Каждая племенная подгруппа решает, где именно должно быть клеймо. Как правило, все члены племенной подгруппы имеют общий васм. Лишь животные, принадлежащие шейху, метятся дополнительным клеймом, свидетельствующим о том, что это его личная собственность⁴³.

Демоны и «дурной глаз»

Бедуины исповедуют ислам, преимущественно суннитского толка. Лишь отдельные племена принадлежат к религиозным сектам, например, ваххабитам в Саудовской Аравии или зейдитам в Йемене. Ислам проник в сознание бедуинов менее глубоко по сравнению с тем, как он проник в идеологию оседлого населения; исключение составляют фанатически настроенные члены сект. В общем арабы-кочевники следуют установлениям ислама довольно поверхностно. Молятся редко, мало кто в своей жизни посещал мечеть. Еще реже можно встретить среди бедуинов хаджи, человека, совершившего хаджж, паломничество в Мекку к священной Каабе. Пост во время рамадана они соблюдают нерегулярно; иначе и трудно поступать в исключительно тяжелых условиях пустыни. Они постятся, как замечает К. Расван, только когда находятся вблизи оседлых поселений, чтобы не прослыть язычниками.

«Широко распространено заблуждение,— пишет известный исследователь кочевничества Р. Герцог,— что ислам, начало которому положил в VII веке Мухаммед, является религией, коренящейся в арабском бедуинстве или по крайней мере обнаруживающей существенные черты этой жизненной формы. Скорее можно утверждать обратное, ибо Мухаммед был по происхождению, по профессии и по образу жизни горожанином, который по отношению к бедуинам держался очень замкнуто, а во

многих случаях подвергал их и резкой критике. Его приверженцы также были горожанами. Бедуины присоединились к нему лишь спустя некоторое время»⁴⁴.

Одной из причин слабого соблюдения бедуинами предписаний ислама служит то, что до сегодняшнего дня они придерживаются различных анимистических и магических представлений, берущих начало еще в доисламскую «языческую» эпоху. Среди кочевых племен распространена вера в духов и демонов; бедуины различают добрых и злых джиннов, обитающих в пустынных скалистых районах. Например, самум, вихрь пустыни, бедуины считают злым духом. Он действительно как гигантский разбушевавшийся дух проносится по степи, сея вокруг себя бедствия и разрушения, нередко срывая бедуинские шатры.

Вера в Аллаха и его пророка у верблюдоводов выражается прежде всего в том, что они механически произносят некоторые религиозные формулы во время еды, садясь на верблюда или на лошадь, при ритуальном заклании скота. К тому же бедуины весьма терпимы в вопросах веры. Верховный вождь шаммаров Миш'ан аль-Фейсал однажды сказал мне: «Религия, Абдалла, подобна колодцу в пустыне: вокруг него собираются христиане, евреи и мусульмане, его воду пьют все!»

Шли свой дождь, о дождевая туча!
Напои влагой корни дерев.

Из палестинской песни

Однажды весной 1968 года по коричнево-красному песку пустыни, что простирается к востоку от Нила, между рекой Атбара и Голубым Нилом, шел Хурр, сильный белый верблюд. Пучки выцветшей степной травы метровой высоты то там, то тут торчат из песка. Солнце сияет в ослепительно лазурном небе. Температура в тени доходит до 35 градусов, но постоянный ветерок позволяет легче переносить жару. Цель моей поездки: посещение различных лагерей кочевников. Шейх Ахмед аль-Дали, белобородый вождь племени хассани, был так любезен, что предоставил в мое распоряжение своего лучшего верхового верблюда. В провожатые он дал мне сына — подростка Юсуфа. Черные глаза маленького проказника искрятся хитростью. Юсуф проворно взбирается на моего верблюда, чтобы показать мне дорогу. Мы идем с ним от лагеря к лагерю, разделенных друг от друга многими километрами.

Сегодня до обеда мы решили посетить Бир ан-Наква, важнейший водный источник в этой местности, колодец глубиной 76 метров, пробуренный в песчанике. Сотни кочевников прибывают сюда ежедневно, чтобы напоить стада и наполнить водой кожаные бурдюки. В то время как мы словно с наблюдательной вышки рассматриваем степь, мой спутник заводит песню, ритм которой соответствует мерной, укачивающей поступи нашего верблюда. Ветер относит в сторону слова, а мне хотелось бы их услышать. Я прошу Юсуфа повторить. Тогда маленький пройдоха говорит: «Сперва дай мне десять пиастров, а потом я тебе спою». Такой гонорар при наших дружеских

отношениях показался мне чрезмерным, и дальше мы ехали молча. Но когда я под влиянием размежевенного хода сам запел какую-то мелодию, мой милый Юсуф пошел узнать смысл песни. Разумеется, я ему сказал: «Сперва дай деньги, а потом я тебе объясню!» Маленький плут тотчас же оценил комизм ситуации, и мы принялись так безудержно хохотать, что чуть не свалились с верблюда. Но внезапно наше веселье как рукой сняло...

Мы уже приблизились к колодцу. Вокруг него кишели овцы, козы, верблюды и зебу. За водой пришли около ста человек, но кожаные ведра и ремни валялись в пыли, вместо них пастухи сжимали в руках топоры и толстые дубинки, избивая ими друг друга! Кровь застыла у меня от ужаса, когда я оценил ситуацию.

Воздух был наполнен воплями ярости, глухо ударяли дубинки по гладко выбритым головам. С каждой стороны (хассания и шайгия) в стычке участвовали человек тридцать. Одни уже корчились на земле в крови. Другие пытались примирить дерущихся. Они бегали в разных направлениях, выкрикивая успокаивающие слова, но напрасно! Снова и снова бедуины обрушивались друг на друга, нанося опасные удары. Я увидел, как один бедуин, пытаясь защитить себя, поднял руку над головой. Удар топора раздробил ему руку, и она повисла как плеть; крича от боли, тот упал на землю. Я подъехал поближе к месту схватки; Юсуф, обхватив меня сзади, срывающимся голосом вопил: «Халас, халас! Харам алейкум, я бени эль-араб! Харам алейкум! (Кончайте! Прекратите, сыны арабов, позор вам!)» Но те были слепы и глухи от ярости. Лишь минут через десять возбуждение улеглось. Девять тяжело раненных бедуинов лежали, истекая кровью, на песке, и у одного была сломана рука. Позже я услышал, как он сказал: «Слава богу, только рука повреждена. Голова цела, эль-хамду-лilla!»

Я поспешил за медицинской помощью в Муссаварата. Профессор Гинтце из Университета им. Гумбольдта (Берлин) и сотрудники его экспедиции, много месяцев занимавшиеся здесь раскопками развалин древнесуданского королевства Мероэ, только что сели обедать. В нескольких словах я рассказал о случившемся. Быстро погрузив в «лендровер» медикаменты и перевязочный материал, мы помчались на машине к колодцу по без-

дорожью, рискуя сломать себе шею. Вторая машина выехала в Дженди, ближайший окружной центр, чтобы информировать суданские власти о происшествии.

Супруга профессора, сама врач, тщательно обработала йодом и перевязала кровоточащие раны. Ни у одного мужчины не дрогнул даже мускул во время болезненных процедур. Бедуин со сломанной рукой stoически терпел, когда ему накладывали шины. Однако, как только я попытался сфотографировать раненых, раздались энергичные протесты!

Когда мы прибыли, шейхи племен уже сидели в тени акаций и мирно обсуждали, как лучше уладить конфликт. К счастью, жертвы распределились более или менее поровну, и опасность возмездия в будущем, кажется, не грозила никому.

Что же вызвало это «извержение» страстей? Оказывается, разошлись мнения относительно того, кому должны принадлежать несколько пустых канистр, выброшенных в лагере экспедиции на свалку. Но это был лишь повод. Подлинная причина лежала глубже. Она заключалась в нехватке воды в колодце Бир ан-Накве. Его воду делили между собой многотысячные стада обоих племен, но водное зеркало постоянно падало из-за отсутствия дождей, и казалось, что катастрофа неминуема.

Шайгия и хассания с давних пор дружно пользовались этим колодцем, чья красно-коричневая вода несла жизнь людям и животным. Однако стада росли, а воды становилось все меньше. Оба племена с трудом договаривались о сроках водопоя. Тревога и беспокойство овладевали умами. На обоих полюсах накапливалась вражда. Столкновения, нередко с более трагическим исходом, чем тот, о котором шла речь, случаются и в других засушливых районах Судана.

Поход против жажды

Нехватка воды характерна для огромной территории на севере и на западе Судана, в стороне от благословенного «отца Нила». Эксперты по водному хозяйству определяют годовую потребность в воде для людей и животных этого района 240 миллионами кубических метров, а в наличии имеется лишь четверть этого количества! Чтобы смягчить оструту кризисного положения,

правительство Демократической Республики Судан в феврале 1970 года начало кампанию по улучшению водоснабжения в стране. Был разработан научно обоснованный 12-летний план, предусматривавший решить задачу в два этапа. Некоторые государства заявили о своей готовности участвовать в этой кампании. Есть надежда, что международная солидарность и напряжение всех сил суданского народа сделают все возможное, чтобы одержать победу в походе против жажды.

Бедуины испытывают трудности с водой не только в Судане, но и в других засушливых районах. За колодцы, соорудить которые в условиях пустыни стоит огромных усилий, с давних времен шла ожесточенная борьба, потому что вода означает жизнь. Чистая питьевая вода ценится здесь дороже, чем молоко, и человек, мучимый жаждой, не брезгает даже грязной водой. А. Музиль рассказывает, как он со своими спутниками-бедуинами ехал по безводному участку между Дамаском и Хитом на Евфрате и утолял нестерпимую жажду, высасывая по утрам влажные от росы полотнища шатров.

Чтобы правильно использовать не слишком обильные запасы воды, уже древние арабы применяли простой, но разумный способ ее экономии. В сосуд для питья опускали камень и наливали воды ровно столько, чтобы она его покрыла. Этого количества должно было хватить до следующего колодца. И скольким не удавалось проделать этот путь!

Клинописные тексты рассказывают, например, что в 641 году до н. э. ассирийский царь Ашшурбанипал вынудил враждебные арабские племена сдаться, приказав своим воинам засыпать их колодцы. Далее текст гласит: «Мои войска, находившиеся в пределах его страны (имеется в виду царь страны Ариби.—Л. Ш.), я послал против него. Жителей страны Ариби, когда они сталкивались с ними, уничтожили силой оружия. Шатры, в которых они жили, войска предавали огню. Скот, овец, ослов, верблюдов, рабов захватывали они без числа...»

По данным источников, в Северной Африке правительства отдавали распоряжения привести колодцыnomадов в негодность, чтобы сломить их сопротивление. Таким способом, например, в начале XIX столетия было полностью парализовано сообщение по древнему караванному пути между среднесуданским султанатом Бор-

ну и египетским оазисом Дахла, потому что, как сообщает Г. Рольфс, оазис Дахла часто становился объектом разбойничих набегов со стороны одного кочевого племени, приходившего с далекого юго-запада. В Египте по распоряжению правительства солдаты разрушили все колодцы на использовавшейся бедуинами дороге на расстоянии 7—8 дней пути.

У. Тезиджер, первым пересекший страшную аравийскую пустыню «Руб'-эль-Хали» (букв. «Пустая четверть»), дал одной из книг о своем путешествии название: «Волки пустыни: племя са'ар у колодца». Тезиджер хотел этим сказать, что бедуины готовы были бороться за источники воды с таким же ожесточением, как волки борются за свою добычу.

Кочевники так дорожат колодезной водой, что крайне неохотно делятся ею даже с чужестранцами. В заметках о путешествиях XVIII и XIX веков их авторы часто жалуются на то, что их заставляли очень дорого платить за питьевую воду.

Колодцы, однако, это не единственные источники воды, которыми пользуются обитатели пустыни. К ним относятся также постоянно или «эпизодически» текущие реки или ручьи и скопления дождевой воды на твердом грунте, образующиеся в период выпадения осадков. Иногда их увеличивают путем возведения искусственных дамб, и тогда возникают «хафиры» — миниатюрные озера, заполненные дождевой водой. Кроме того, дождовую воду накапливают и хранят под землей в цистернах. Особой формой накопления подземных вод являются североафриканские «фоггара» — система связанных друг с другом подземными галереями колодцев.

Когда колодец высыхает, пастухи-кочевники перемещаются к другому действующему колодцу или ручью. К. Расван описывает «марш жажды» рувала, у которых иссякли колодцы. «С урчащими от голода желудками, невероятно усталые рувала брали за своими падающими от истощения стадами. Все дальнее на север, в непосредственной близости от пастбищ своих врагов. Ежедневно погибали сотни верблюдов и множество людей. С тем большим отчаянием оставшиеся в живых стремились к цепи холмов Абу-Риджмен. Ослабевшие остались лежать на дороге.

Как только силы покидали верблюда и он начинал

Наполнение сосудов дождевой водой

качаться, грозя упасть, к нему бросались находившиеся вблизи мужчины и убивали его. В то время как караван продолжал неуклонно продвигаться вперед, оставшиеся в течение нескольких минут разделяли тушу верблюда, и на утоптанной земле оставались лишь его внутренности, голова и ноги.

Число павших верблюдов возрастало день ото дня. Если вначале их были сотни, то в последние дни падеж невероятно вырос. Ежедневно гибло до двух тысяч животных...»⁴⁵.

Какая же радость для кочевников, когда небо затягивается тяжелыми грозовыми тучами и на землю низвергаются потоки воды. Дети выбегают под ливень, прыгают, обезумев от радости, бросаются в грязные лужи и промокают насеквоздь. Женщины поспешно наполняют кожаные мешки дождевой водой и несут их в шатры. Мне ни разу не приходилось видеть, чтобы дождливая погода приводила бедуинов в дурное расположение духа. «Сладкую» дождевую воду бедуины предпочитают соло-

новатой колодезной воде. Меня вообще тошнило от сильно насыщенной минеральными солями колодезной воды, а бедуины привыкли употреблять этот рассол.

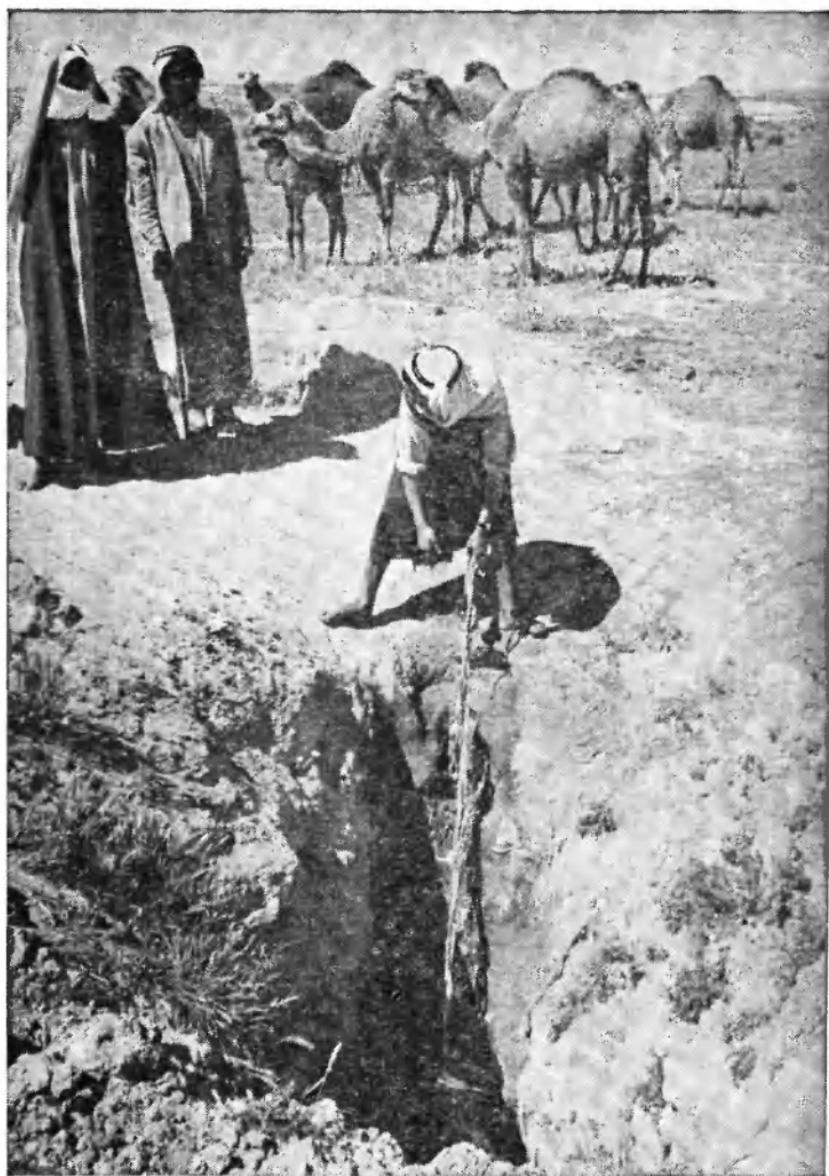
Мне рассказывали о курьезном случае, когда вернувшись из Мекки паломник дал простому бедуину отведать священной воды из колодца Земзэм, которая показалась ему очень соленой. В ужасе он воскликнул: «Аллах, спаси нас от Каусара!» (Каусар — одна из двух райских рек, воду которой, как написано в Коране, вкушают святые.)

Домашние животные кочевников, в особенности верблюды, пьют соленую воду с большим удовольствием. Для нормального развития они даже нуждаются в растворенных в ней минеральных веществах и кислотах. Г. Нахтигаль пишет, что употребление соленой воды рассматривается как весьма полезная, очищающая кровь процедура, которая вызывает у верблюдов превосходный аппетит и обеспечивает их... хорошее самочувствие и силу⁴⁶. Некоторые племена кочевников на побережье Красного моря приучили своих дромадеров пить даже морскую воду.

Колодец — жизненный центр пустыни

В засушливый период жизнь арабских кочевников концентрируется вокруг источника воды. Во время поездок к бедуинам у меня было достаточно возможностей видеть, с каким трудом пастухи добывают воду в пустыне. Как возникли колодцы? Кто заложил их и с помощью каких технических средств? Как удавалось найти места, где могла оказаться вода? Все это большей частью остается неизвестным. Гесс писал, что человек, который ищет воду, это своеобразный кладоискатель. На следующий день после дождя он ищет воду, прощупывая землю тяжелым посохом. Но, как сказал мне один этеби, этим искусством у нас владеет лишь один из сотни. Колодцы на караванных путях глубиной 50—100 метров и больше — это древние цистерны.

Мне часто приходилось слышать, что те или иные колодцы существовали еще до того, как данное племя пришло на нынешние пастбища. Эти колодцы были захвачены в боях с тем населением, которое жило тогда в этих районах.

Доставать воду из колодца — тяжелый труд

Легче всего пользоваться колодцем глубиной не более 2—5 метров. Если он очень глубок, воду поднимают ведрами, привязанными к длинным канатам. Узкие, глубокие шахты с особым видом крепления рассчитаны

именно на такой способ доставания воды. Расстояние от края колодца до водного зеркала для каждого колодца различно. В глубоких колодцах оно колеблется от 10 до 80 метров, а иногда превышает 100. Глубину колодезной шахты определить нетрудно: достаточно измерить длину каната. Абсолютная высота водного столба в колодце различна — она зависит от почвенных и климатических условий, а также от степени использования его. Однажды я наблюдал, как молодой пастух спустился в колодец на глубину 76 метров на веревках, чтобы достать упавшее ведро. Когда он поднялся на поверхность, я заметил, что он не весь намок, хотя и стоял на самом дне шахты. Колодец все время пополнялся за счет просачивавшихся грунтовых вод.

Техника доставания воды весьма сходна во всех областях, где я бывал. Везде с этой целью используют «деллу», полукруглый кожаный сосуд емкостью примерно 40 литров. К нему прикреплены деревянные ручки, к концам которых протянуты веревки. Эти четыре веревки стянуты в узел и соединены с канатом, сплетенным чаще всего из кожи; иногда используются веревки из пальмового лыка, но они быстро перетираются. Канат накидывают на железный ролик и опускают в колодец. Ролики укреплены на бревне, перекинутом через отверстие колодца. Если нет железных роликов, то канат скользит непосредственно по бревну. С течением времени на бревнах образуются глубокие борозды, придающие им весьма причудливые очертания. За несколько десятилетий канаты буквально перепиливают эти столь ценные для кочевников опорные балки.

В случае необходимости в колодец можно опустить 8—10 сосудов одновременно. Доставать воду из колодцев — это тяжелый физический труд, которым бедуины вынуждены заниматься изо дня в день. Для того чтобы напоить большое стадо верблюдов, требуется несколько дней, ибо один испытывающий жажду верблюд, как уже упоминалось, способен выпить сразу 60, а то и более литров воды! Стоит лишь поглядеть на вздувшиеся тугое, как барабаны, животы напоенных животных, чтобы получить представление об их способности поглощать воду. Но зато их можно пригонять на водопой к колодцу раз в 3—4 дня, в то время как овец, коз, коров и лошадей приходится поить ежедневно.

Я часто помогал своим друзьям-бедуинам доставать воду и таким образом на «собственной шкуре» убедился, как тяжело вытаскивать из глубокого колодца полный до краев деллу. От постоянного соприкосновения с канатом ладони вскоре дубеют и покрываются мозолями. Это заметно даже у юных девушек.

Но они охотно приходят к колодцу, потому что жизнь бьет здесь ключом, и можно время от времени обменяться взглядом с парнем. Чтобы внести разнообразие в свою монотонную работу, бедуины, доставая воду, поют песни. Вот одна из них, которую можно услышать в Центральной Аравии:

Мое сердце рвется,
Как канат в колодце,
Когда он стремительно раскручивается,
Как вращается ролик,
По которому скользит канат.
И все из-за тебя! Твой рот прекрасен и сладок.
Аллах! Как счастлив тот,
Кто касается твоих кос рукой.

В Северной Африке известна такая песня пастухов:

Запевала: «Пейте на здоровье...»
Пастухи: «... и без вреда».
Запевала: «О, приблизитесь медленно!»
Пастухи: «Вы принадлежите нам».
Запевала: «Пейте в свое удовольствие...»
Пастухи: «... И наполняйте свое брюхо».

С утра до поздней ночи у колодца царит оживление, особенно в засушливый период. В соответствии с соглашением, достигнутым шейхами, отдельные семьи приводят свои стада на водопой в установленные часы, причем время определяется по солнцу. В то время как одни черпают воду и поочередно поят животных, другие, закончив эту работу, отдыхают, сидя на краю поилок.

Женщины в развевающихся одеждах несут на головах сосуды с едой, чтобы подкрепить мужей и сыновей. В тени акаций матери кормят грудью младенцев. Подростки носятся вокруг и получают за это пинки; там белобородый старик, сидя на корточках, тщательно стрижет шелковистую шерсть козы, а неподалеку пастух доит верблюдицу, чтобы тут же утолить жажду теплым молоком. А вот матрона пытается хоть немного отстирать мокрую серо-желтую одежду своего мужа и

усердно колотят ее о каменную поилку. Девушки демонстрируют ловкость и искусство, вливая питьевую воду в узкие горловины кожаных бурдюков, свисающих по обоим бокам терпеливых ослов. Наполнив сосуды до краев, эти Ревекки гонят ослов обратно в лагерь, подбадривая их щелканьем и причмокиванием. Некоторые проворно вскаивают на спину и, сидя боком, энергично колотят их пятками, заставляя таким образом двигаться с желаемой скоростью.

Я каждый раз удивлялся тому, как споровисто и неутомимо животные выполняли указания своих погонщиков-подростков, вытаскивая с помощью каната полные ведра из колодца. Верблюды и даже взрослые быки повиновались шестилетним детям с полуслова. Перед моими глазами все еще стоит Халима, девчушка из племени шукрийя. Ее волосы заплетены в бесчисленные косички. Она работала вместе с мощным горбатым быком. Оба напоминали мне Давида и Голиафа. Закончив свою «смену» у колодца, Халима делала быку — Голиафу — серьезное внушение за то, что он не желал одинозвращаться в лагерь. Она энергично ударяла кулаками по бокам этого гиганта, пока он наконец не повиновался. Время от времени он поворачивал к своей хозяйке огромную голову и как будто говорил: «Пойдем же вместе домой!» Но Халима лишь грозила ему в ответ своей нежной ручкой. Давид победил снова.

Так перед взором наблюдателя развертывается панorama жизни кочевников у колодца во всем ее многообразии; источник воды выступает как некая ось, вокруг которой вращается все существование бедуина.

Борцы против пустыни

Сотни тысяч, даже миллионов кочевников по сей день заняты изнурительным непроизводительным трудом у старых колодцев. Но эти «бibleйские условия» постепенно стали улучшаться. Правительства многих арабских государств заботятся о том, чтобы с помощью современной техники обеспечить водой области, где живут кочевники. Артезианские колодцы дают достаточное количество безупречной в гигиеническом отношении питьевой воды. Во время разведки нефти часто в качестве «добавочного продукта» находят воду. По мере того как

осваиваются пустыни, закладываются и глубокие колодцы. Уже в течение нескольких лет в Алжире, Сирии, Иране, Судане и Египте планомерно проводятся в жизнь новые проекты освоения засушливых территорий.

Исследовательская стипендия, предоставленная египетским правительством, во главе которого стоял Гамаль Абдель Насер, дала мне возможность в 1968—1969 годах на месте ознакомиться с успехами, достигнутыми в освоении Ливийской пустыни. Я видел тогда, как целая армия инженеров, геологов, строителей колодцев, агрономов и животноводов объединила свои усилия, чтобы победить засуху в Сахаре и покрыть обширные территории зеленью. И это все в том районе, где с незапамятных времен бродили лишь лисы пустыни!

Известно, что 96% всех жителей Египта живут на территории, которая занимает лишь около 3% общей площади страны, ибо 97% всей территории Египта (1002 тысячи квадратных километров) — это необитаемая пустыня. Его население, которое ныне составляет около 40 миллионов человек, каждый год увеличивается еще на миллион. На эту серьезную проблему не раз указывал в своих выступлениях президент Насер. Вади-эль-Джадид — Новая долина — так называют египтяне новую зону заселения, противопоставляя ее Старой долине у берегов Нила. С Новой долиной египетский народ связывал большие надежды, после того как в 1959 году президент Насер объявил о решении правительства создать в малонаселенных, разбросанных оазисах Ливийской пустыни необходимые условия для переселения туда нескольких миллионов малоземельных феллахов из долины Нила.

Мое первое местопребывание в Вади-эль-Джадид — современная гостиница на окраине Харги, главного центра египетской Организации развития пустыни. С балкона моей комнаты, находящейся на четвертом этаже, открывается великолепный вид на колеблющиеся очертания песчаных дюн, которые начинаются в нескольких метрах от пальмовой рощи и тянутся до самого горизонта. Сильный ветер с севера гонит дюны на юг со скоростью 7—8 метров в год. С давних пор эти беспокойные массы песка, безжалостно засыпающие все, что встречается на пути, представляют серьезную опасность для крестьянских селений в оазисах, для колодцев и

планций. Укрощение подвижных дюн — существенный пункт исследовательской программы организации.

Часть пути в город нам пришлось проехать по песку, ибо новое асфальтированное шоссе перегородила подвижная дюна. Из мелкого, как пудра, песка торчали лишь верхушки телеграфных мачт. Бульдозер, пытавшийся отодвинуть эти нагромождения, выглядел словно кофейная ложечка, которой кто-то задумал перебросить холм. В прошлом крестьяне оазисов, чтобы защититься от опустошающих волн песчаного моря, располагали свои жилища на холмах или возле горы, защищавшей их от ветра.

Еще в Харге, когда мы сошли с трапа самолета после трехчасового полета из Каира над голой безводной пустыней, в лицо нам ударили летящий песок, кожа мучительно болела, как от уколов иглами. На террасе маленького здания аэродрома Харги нас тотчас же окружили загорелые молодые люди в одежде цвета хаки. Д-р Алейа Хасан, которая сопровождает меня в этой поездке, два года работала в Новой долине и знала многих сотрудников Организации развития пустыни. Некоторые инженеры пришли встретить нас. У Алейа много знакомых и в деревнях оазисов. Когда мы смотрели на них с борта самолета, они напоминали нам темные пятна на желтой шкуре леопарда. Дружба с ней поможет мне наладить контакты с боящимися приезжих жителями оазисов. Мне необходимо было иметь собственное впечатление о переменах, произошедших за короткое время в их культуре и образе жизни. На протяжении многих столетий одиночные деревни в пустыне были изолированы от остального мира. Жизнь протекала в однообразных, определенных традицией рамках. В последние годы жители оазисов стали постепенно соприкасаться с новым миром с его высокой культурой и техникой и день за днем вовлекаться в общественную жизнь страны.

Несколько десятков тысяч лет назад климат в Сахаре был прохладным и влажным. Ее ландшафт напоминал саванну. Здесь паслись стада антилоп, жирафов, страусов, быков и слонов, изображения которых охотники каменного века оставили в виде цветных рисунков в пещерах и нацарапали на скалах. До сегодняшнего дня орудия труда и оружие ранних обитателей Сахары — искусно обработанные наконечники стрел, зубила, скребла

и мечи из камня — находят во многих местах обезлю-
девшей пустыни. В последние тысячелетия здесь почти
не идут дожди. Если где-либо и выпадали осадки, то
спустя десятилетия люди еще вспоминали об этом чуде
природы. Под морем песка в различных слоях таится ог-
ромный резервуар воды. Он находится в массиве «нубий-
ского песчаника», имеющем толщину несколько сот мет-
ров. В его порах, как в губке, содержится 35 % воды.
В местах, благоприятно расположенных в геологическом
отношении, например в оазисе Сива, водоносный слой
выходит на поверхность земли, и вода появляется в виде
источников. В не столь хороших условиях необходимо
вмешательство человека; приходится бурить колодцы,
чтобы получить драгоценную влагу. Такое бурение наи-
более перспективно во впадинах плато Сахары. В таких
впадинах глубиной в среднем до 300 метров расположе-
ны все оазисы Ливийской пустыни: Зарга, Дахла, Фа-
рафра, Бахария и Сива. Они занимают примерно 90 ты-
сяч квадратных километров и образуют Новую долину,
где наряду с нильской долиной расположены основные
земледельческие районы страны.

Две-три тысячи лет назад в оазисах существовала
высокоразвитая культура, свидетельства которой — хра-
мы, дворцы, кладбища — погребены под песками. В то
время рабы нечеловеческим трудом прокладывали шах-
ты в массивах песчаника, чтобы облегчить доступ к во-
доносным слоям. Глубина некоторых колодцев, куда под
давлением поступали артезианские воды, достигала
120 метров. В старых поселениях такие колодцы встре-
чаются десятками, хотя влаги в них уже мало. Они час-
тично пересохли, покрылись песком, а иногда даже со-
вершенно истощились. Все меньше воды поступало в
оросительные каналы, все большей становилась нужда
крестьян. Пальмовые рощи погибали, поля не обраба-
тывались. Крестьяне грузили свой нехитрый скарб на ос-
лов и верблюдов и по неведомым, труднопроходимым
тропам двигались на восток к нильской долине, чтобы
начать там новую жизнь. Но это мало кому удавалось...

Сегодня многие из их потомков возвращаются в пустыню, на свою древнюю родину. Они едут туда в ав-
тобусах или в тяжелогруженных грузовиках по гладкому
асфальтированному шоссе длиною 600 километров, про-
ложенному в 1960 году. Путь, на который когда-то ухо-

дило 7—10 дней утомительного караванного перехода, сегодня можно проделать за столько же часов.

Свыше двух десятилетий назад пионеры из Организации развития пустыни приступили к выполнению намеченного правительством Насера плана. Главная цель его — превратить 12 500 квадратных километров пустынных земель в плодородную пашню. Они привезли с собой бульдозеры, тракторы и самые современные буровые установки. В первые годы рабочие и техники жили в палатках, преодолевая тысячи трудностей, страдая от недостатка воды. Со временем они переселились в Харгу в современные жилища. В их распоряжение были предоставлены лаборатории с необходимым оборудованием; они трудились также на опытных сельскохозяйственных станциях, животноводческих фермах, в механических мастерских, больницах и школах.

На буровых установках работа велась круглые сутки посменно. Буры вгрызались в породу на глубину до 2 тысяч метров. Радостным праздником для всех был каждый внезапно ударявший фонтан воды. В Новой долине появилось свыше 300 глубоких колодцев. Суточный дебит поступления воды некоторых из них — до 15 тысяч кубометров. Опытные специалисты бурили колодец за 4—6 недель.

Но прежде чем заселять Новую долину, ученые должны были ответить на важный вопрос: насколько хватит подземных запасов воды? Геологи и гидрологи определяют возраст и происхождение подземных вод. Идет ли речь об остатках прошлого, богатого дождями периода? Тогда ее использование было бы равносильно истощению природных ресурсов и весьма ограничено во времени. Просачивается ли она постепенно из девственных лесов Внутренней Африки? Или же из Средиземного моря? Проникает ли из нильской долины на запад?

Коренные жители оазисов клянутся, что их источники через подземные каналы поглощает «отец Нил». В связи с этим я слышал в деревне Барис на юге оазиса Харга занимательную историю. Один купец перед поездкой в пустыню наполнял свои кожаные мехи водой из Нила. В этот момент с его головы упала и исчезла в волнах красавая красная феска. Когда через неделю купец благополучно прибыл в Харгу, его досада по поводу утраты головного убора уже прошла. Тем сильнее

было удивление, когда в струях источника, из которого купец хотел освежиться, он увидел свою красную феску. Одно можно сказать — если это и не правда, то хорошо придумано. По подсчетам специалистов, воде, которая постепенно просачивается по песчанику, потребовалось бы 11 тысяч лет, чтобы добраться из Нила до Харги.

Что же это за люди, много лет работающие в «слаборазвитых» областях страны, внося свою лепту в строительство лучшего будущего? Среди пионеров Новой долины — инженер Абдель Мунейм Хасанейн. С самого начала он находился в этом районе и как никто другой ориентировался во всех вопросах, связанных с освоением целины. На столе инженера пять телефонных аппаратов, соединяющие его с самыми отдаленными уголками Новой долины. Инженер терпеливо отвечает на вопросы, дает советы и при этом находит время вставить шутку на цветистом арабском языке. Несмотря на свои пятьдесят, инженер сохранил удивительную жизненную силу; когда он смеется — а делает он это всегда охотно,— то обнажает безупречные зубы, а его черные глаза горят огнем. Посетители входят к нему в любое время. Молодые инженеры и агрономы рассказывают о работе на внешних станциях, феллахи окрестных деревень ищут совета. Абдель Мунейм всегда помогает, конечно, если это в его силах. Вот почему он так популярен во всей округе. По несколько раз в день он стремительно покидает кабинет, вскакивает в свой «лендровер», стоящий наготове у порога, направляется туда, где возникла нужда в опытном помощнике. Сегодня я сопровождаю Абдель Мунейма. Мне понятна его гордость при виде волнующихся полей зерновых и упитанных стад, среди которых величественно расхаживают белые ибисы.

— Когда четырнадцать лет назад я начал здесь работать, кроме песка и ветра ничего не было,— говорит Абдель Мунейм и показывает на лесозащитные полосы из быстрорастущих казуаринов и эвкалиптовых деревьев, которые тянутся на многие километры по обеим сторонам дороги. После того как построили колодцы, эта область стала плодородной; вырос сплошной зеленый массив, который ласкает глаз.

Изредка Абдель Мунейм останавливает машину. Он навещает больного лихорадкой инженера; а вот крестьянин кивком головы приглашает нас на свадьбу сына.

Мы заходим в шатер, и нам подают крепкий чай с хрустящими лепешками.

Шейх арабской племенной группы билли сотрудничает с организацией. Инженер поручает ему закупить на побережье по дешевой цене овечий молодняк и доставить его в Дахлу на откорм. На абрикосовой плантации вышел из строя мотонасос. Абдель Мунейм собственно-ручно устраняет поломку. Когда мы снова садимся в машину, на сиденье уже стоит корзина со свежими абрикосами. Мы пробуем сочные плоды. Но уже на следующей остановке — у маленькой деревенской школы — Абдель Мунейм смеясь раздает абрикосы детям, выбежавшим на перемену.

Немного позже мы встречаем группу сельскохозяйственных рабочих. Они издали узнали наш автомобиль и усиленно жестикулируют. Абдель Мунейм тормозит и отвечает на приветствия:

— Что там у вас, ребята?

Один из них, богатырь с длинными висячими усами, по которым тотчас же можно узнать жителя Верхнего Египта, отвечает за всех:

— Мы идем к тебе, башмукандис! («главный инженер»). Прибыл мой зять из Сохага, и нам хотелось спросить у тебя, не найдется ли для него здесь какой-нибудь работы?

— Ну, это действительно здорово! Для того чтобы я принял одного на работу, вы — двенадцать — бросили свое дело? — И громовым голосом он приказывает:

— Тотчас же возвращайтесь на свои места! Пусть новичок придет позже ко мне в контору. Работы у нас хватает. Алейкум салам!

Он дает газ, и мы снова в пути. Но то, о чем я здесь рассказал, увы, теперь уже относится к прошлому⁴⁷.

Планирование семьи наталкивается на препятствия

Вместе со своей спутницей, египтянкой д-ром Алейа, мы посетили тогда и новые поселения. Большой частью мы приезжали без предупреждения, поэтому заставали в домах только женщин. Они неизменно оказывали нам сердечный прием, почевали чаем с поджаренными земляными орехами и с гордостью водили по усадьбам, чтобы мы могли взглянуть в стойлах на скот и его многочис-

ленное потомство. Мне показалось, что у многих молодых женщин, которые еще кормят грудью, талии снова подозрительно округлились.

У египетских крестьян семьи, где насчитывается 6—10 детей, нередки. Несмотря на то что в Египте несколько лет правительство (речь идет о правительстве Насера) проводит в жизнь программу планирования семьи или регулирования рождаемости, для чего потребовалось преодолеть сопротивление исламского духовенства, достигнутый эффект пока весьма незначителен. Причину этого я понял после беседы с крестьянином Маджидом аль-Дервишем. У тридцатипятилетнего Маджида уже семеро детей. Два мальчика и девочка родились здесь, в деревне, где семья живет с 1964 года. Самые маленькие сидят у него на руках, а остальные теснятся вокруг, как трубы органа.

— Дети,— говорит он мне,— это вся радость нашей жизни и наша опора в старости. С тех пор как мы переселились сюда, я стал получать вдвое больше, чем когда работал сельскохозяйственным рабочим в нильской долине. Почему же мне не иметь большую семью, если я могу себе это позволить? Все сыты, одеты, а старшие ходят в школу. Возможно, что позже я возьму себе вторую жену. Разве тот, кто хорошо трудится, не может иметь кое-что от жизни?

Так, вероятно, думают многие. Социологи и врачи терпеливо ведут разъяснительную работу среди бедуинов, показывая им на связь между величиной каждой отдельной семьи и экономическим положением страны в целом. Бесплатно распределяются противозачаточные средства. Плакаты, расклеенные на стенах домов, призывают супружеских ограничиться двумя-тремя детьми. Ради сокращения рождаемости закон запрещает и ранние браки. Установлен минимальный возраст — 16 лет.

Как велико было мое удивление, когда, приехав к одному бедуину, мы увидели такую картину: посреди обширного двора, окруженного высокой бетонной стеной, стояли два шатра, покрытые черной козьей шерстью. В них уютно расположилась семья, а в современных, отвечающих гигиеническим требованиям жилых помещениях прыгали козлята и ягнята! Такие явления для того времени были типичными. Надо полагать, что это промежуточная ступень к окончательной оседлости. Бывшим

кочевникам нелегко сразу отказаться от привычного образа жизни, и поэтому они на первых порах крепко держатся за шатры. Через несколько лет они, очевидно, выгонят ягнят во двор, на свежий воздух, а сами переберутся в дом.

Но зато я не видел ни одного шатра, ни одного дома без транзистора. И в Новой долине повсюду можно было ощутить живой интерес к событиям международной жизни, особенно понятный в арабском мире.

«Пусть твое утро будет приятным, как сметана!»

Современное водоснабжение отнюдь не означает решения всех проблем. В этом я убедился, когда мы с женой жили некоторое время в Мерса-Матрухе летом 1969 года. Организация развития пустыни любезно предоставила в наше распоряжение квартиру в доме-новостройке на берегу Средиземного моря. Квартира, из которой мы совершали многочисленные поездки в селения бедуинов аулад-али, имела ванну и водопровод, что, конечно, в условиях пустыни могло считаться роскошью.

В разное время дня из наших водопроводных кранов текла вода двух сортов: солоноватая — из местных цистерн или пресная — поступающая из Александрии по трехсоткилометровому трубопроводу. Нет необходимости говорить, какой сорт предпочтителен, — чай или кофе на соленой воде имеет неожиданно отвратительный вкус! Доставка профильтрованной питьевой воды с Нила часто прерывается, потому что возможности трубопровода недостаточны для удовлетворения потребности всего портового города, а кроме того, бедуины самовольно тайно подключаются в пустыне к трубопроводу и пользуются пресной водой.

К нашему дому примыкал квартал, где поселились несколько десятков тысяч перешедших на оседлость аулад-али. В узких проездах между плоскими жилыми строениями теснились стада коз и овец. Их прожорливость делала излишней службу подметальщиков улиц, ибо все отбросы и даже старые газеты исчезали с невероятной быстротой. В каменных домах, которые построили для себя аулад-али, еще не было водопровода. Женщины и девушки из каждого дома должны были ежедневно ходить с канистрами к центральной колонке и, простояв в

длинной очереди, платить за воду один обол. Бывшим кочевникам было хорошо понятно, что питьевая вода стоит дорого.

Очень скоро стало известно, что мы с женой проявляем профессиональный интерес к оседлым бедуинам. А не-много погодя в нашем доме появились их первые гонцы. Пришли девушки в своих пестрых одеждах «макси» и, скромно постучавшись, устремив на нас очаровательные глазки, спросили, будут ли «мадам» или «бей» (под «бейем» они подразумевали меня!) настолько добры, чтобы разрешить им наполнить принесенные канистры питьевой водой в нашей ванной. Как можно было отказать в такой просьбе! Мы самым дружеским образом поговорили с ними, угостили их малышей шоколадом и конфетами, рассмотрели их серебряные украшения и скопировали образцы татуировки. В конце концов ведь не каждый день удается вести этнографическую полевую работу в собственной квартире. Без преувеличения могу сказать, что обе стороны остались весьма довольны друг другом. Для меня само собой разумеющимся долгом джентльмена и кавалера было помочь девушкам поднимать и ставить на голову тяжелые сосуды с водой, которые они, грациозно семеня, уносили.

Но, увы, спустя несколько дней все выглядело по-другому. Первоначальная сдержанность арабских девушек улетучилась так же быстро, как возросло их число. Теперь они стояли в очереди перед нашей квартирой и ориентировались в ней лучше, чем мы сами. Нам больше не нужен был будильник. Незадолго до восхода солнца они барабанили кулаками в нашу дверь — сигнал к побудке. Полусонный, я выходил в пижаме, поворачивал ключ в двери и покорно впускал их внутрь. «Да будет твое утро приятным, как сметана, йа, бей! — радостно приветствовали меня десятки девушек с объемистыми сосудами и заполняли мою ванную. «Да будет ваше утро светлым», — бормотал я недовольно и снова укладывался в постель, потому что я не мог ни принять душ, ни проделать другие обычные утренние процедуры в ванной. Они забирали сотни литров в час, не забывая время от времени попробовать воду, чтобы убедиться, что из крана течет не соленая вода. Моей же-не с большим трудом удавалось достать немного воды для утреннего кофе.

Поистине золотым было время, когда шла соленая вода. В эти короткие часы мы снова принадлежали самим себе. Но благодаря действию какой-то службы информации, происхождение которой так и осталось для нас тайной, бедуины тотчас же узнавали, что из крана снова течет пресная нильская вода. И вся команда мгновенно выстраивалась вновь. Со временем они оккупировали и кухню, многие приходили по десять раз на дню. Зачем им нужно было столько воды, оставалось для нас загадкой. Когда мы покидали квартиру, чтобы купить необходимое, то пускали все свое красноречие в ход, дабы выманить наружу потребительниц воды, при этом они кидали на нас косые взгляды.

Однажды вечером к нам с официальным визитом явился представитель управления домами Мерса-Матруха и осведомился о нашем самочувствии. После третьей чашки кофе он сделал замечание о том, что в нашем маленьком хозяйстве, состоящем из двух человек, расходуется непомерно много воды. Хотя мы и желанные гости в городе, сказал он, и весьма похвально, что мы установили хороший контакт с жителями бедуинского квартала, тем не менее городское управление вряд ли поймет подобную подмену централизованного водоснабжения частным.

Мы почувствовали себя, как в тисках! Счастливым подарком судьбы стало письмо, отзывающее нас в Александрию.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ПРОТИВ ВЕРБЛЮЖЬЕГО ТРАНСПОРТА

С пастухами подружусь я,
В тень оаза погружусь я,
Развозя по разным странам
Мускус, кофей с караваном.
Все пути узнаю ныне,
Что ко градам из пустыни⁴⁸

И.-В. Гете.

Пер. С. Шервинского

Поезд с грохотом несется по плоской степи на участке Мосул — Багдад. Занавески на окнах вагонов опущены, чтобы помешать проникновению пыли и яркого света. Вполголоса переговариваются пассажиры. Я клюю носом в полусне. Внезапно раздается скрежет тормозов; багаж падает в беспорядке, пассажиры в ужасе хватаются друг за друга. Кто-то стремительно открывает окно: «Что случилось?» Ничего особенного — просто стадо верблюдов в полном спокойствии переходит рельсы. На животных не производит ни малейшего впечатления ни пронзительный гудок паровоза, ни ураганная ругань машиниста. Наш поезд стоит как вкопанный до тех пор, пока последний верблюжонок неуклюжими прыжками не перебирается через колею.

Такие сцены я наблюдал не раз, когда ездил по железной дороге по странам Арабского Востока. Там привыкли к тому, что дромадеры порой преграждают путь. Нечто подобное мне довелось видеть на автострадах и даже на аэродромах. Иногда мне казалось даже, что «долотопные» одногорбые на свой лад мстят за то, что транспорт в невероятно короткий срок одержал над ними верх. Ведь раньше практически все грузовое и пассажирское сообщение между торговыми центрами Востока было караванным. На караванных путях можно было встретить десятки тысяч верховых и грузовых животных.

Грузовик за день перевозит товары на такое рас-

стояние, которое караван может преодолеть за несколько недель. Железная дорога и самолет — еще более быстрые и в конечном счете экономичные виды передвижения и связи. Транспорт, развитие которого началось в первые десятилетия нашего века, лишил бедуинов главной статьи их доходов — сбыта породистых верблюдов.

Искусные арабы вели караван по трудному и опасному пути через пустыни.

По бескрайней, лишенной дорог плоской пустыне
Ведет свой караван предводитель.
Он спокоен, уравновешен.
Он высоко подпоясан, его одежда вся в дырках и заплатах.
Он скуп на слова, угрюм, властен, волосы его вьются.
Он делит груз между верблюдицами,
Проворно бегущими после полдневной жары,
И равномерно вперед ведет караван.

Таким предстает перед нами опытный проводник каравана в стихах доисламского поэта 'Абидаль 'Абраса.

От скорости каравана дух не захватывает. Г. Нахтигаль, который долгое время путешествовал по Северной Африке, писал, что скорость их каравана по самым тщательным измерениям составляла три с половиной километра в час. Несколько большая скорость достигалась в тех районах, где существовал обычай привязывать голову каждого верблюда к хвосту впереди идущего.

Следует различать караваны, перевозящие товары, то есть чисто торговые, от караванов, доставляющих пассажиров. Достаточно вспомнить, например, караваны паломников в Мекку и другие центры мусульманства. Слово «караван» (по арабски «кафила») не арабского происхождения. Оно из санскрита через персидский проникло в европейские языки. Караван следует переводить как «верблюжий поезд» или «путевое общество», и он означает сообщество купцов или паломников, которые объединились для взаимной защиты и помощи. Размеры каравана весьма различны: от нескольких путешественников с 6—12 верблюдами до огромных обозов длиною иногда в несколько километров, насчитывающих тысячи животных и имеющих соответствующую охрану — большей частью конную. Охрана от нападений должна быть тем больше, чем больше людей в караване, — таково неписаное правило.

Названия арабских местностей, например Хадрамаут (Присутствие смерти) или Баб-эль-Мандеб (Ворота слез), свидетельствуют об опасностях, с которыми прежде были сопряжены путешествия.

Морская и сухопутная торговля арабских стран с Европой достигла особого расцвета именно в средние века. При раскопках, например, в прибалтийских советских республиках, даже в Скандинавии, в больших количествах встречаются серебряные арабские монеты. В средневековой рукописи *Мукааддаси* перечисляются товары, перевозившиеся через Среднюю Азию в Аравию из Руси: соболь, белка, горностай, куница, лисы, бобровые шкурки, янтарь, кожа, козий мех, воск, стрелы, береста, мед, бобровая струя, ястребы, мечи, броня, клен, славянские рабы, мелкий и крупный рогатый скот.

На древних торговых путях, по которым неспешно двигались караваны, были оазисы, колодцы, а также постоянные дворы (караван-сараи), где путники могли отдохнуть и пополнить запасы продовольствия и воды, накормить и напоить животных. Обычно это четырехугольные в плане строения, расположенные вокруг просторного внутреннего двора, где размещаются скот и товары. Постройки, как правило, имеют один или несколько этажей.

Если с караваном идут женщины, то в пути они находятся в просторных, занавешенных паланкинах, а в караван-сараях для них отведено особое гаремное помещение. Мне самому не раз приходилось жить в подобных постоянных дворах. Например, в Неджефе и Кербеле, иранских центрах пилигримов-шиитов, для жителей определенных городов отводятся отдельные комнаты. Плата за помещение не взимается, хозяину постоянного двора платят только за еду и напитки.

В прошлом почти все значительные города и торговые центры Востока были связаны между собой трассами. О главном назначении этих трасс можно было судить уже по названиям: «путь паломников», «путь ладана», «шелковый путь» и т. п. Примерами специализированных торговых обозов могут служить масляные караваны из Внутренней Аравии, снабжавшие Мекку и Медину столь необходимым жиром, соляные караваны Северной Аравии и Южной Сахары или же верблюжьи караваны, доставлявшие как выючных, так и высокоцен-

ных скаковых верблюдов из главных центров арабского верблюдоводства к исходным пунктам караванных путей; самыми мрачными и недостойными из них были пути караванов рабов; с древнейших времен и почти до наших дней поставлявшие «живой товар» из Внутренней Африки на побережье, в долину Нила и на Аравийский полуостров, где торговцы жертв этой охоты за людьми продавали их на невольничих рынках за звонкую монету, получая огромные прибыли.

Страусовые перья за водку

Благодаря караванному сообщению всевозможные товары транспортировались для обмена в самых различных направлениях. В одном старом справочнике о восточном товарообороте в Сахаре мы читаем: с юга доставляются зерновые, различные фрукты и масло, ма-rena, сыр, сода, сера, убойный скот, кожи, шерсть, страусовые перья, воск, золотая пыль (песок), ковры, циновки. С севера поступают: ткани из хлопка, шерсть и шелк, красные шапки, кореня и аптекарские товары, всевозможные галантерейные изделия, изделия из стекла, бисер, горшечные изделия, вино и водка, строительное дерево, часы, бижутерия, обувь, бумага и картон, табак, парфюмерия, сахар, кофе и старая медь...

Во многих оазисах перекрещивались различные караванные пути, и в узловых пунктах возникали постоянные перевалочные базы восточной торговли. Примером такого центра может служить Гадамес в Центральной Сахаре. Здесь пересекаются шесть караванных путей: 1) с северо-северо-запада от западноалжирского морского побережья (27 дней пути); 2) с севера из Малого Сирта, центра тунисского финиководства; 3) с северо-востока из ливийской столицы Триполи; 4) с юго-востока из Мурзука, Водаи, Борку, Борну; 5) с юго-юго-востока из Ката, Кано (110 дней пути); 6) с юго-запада из Гуата и Тимбукту (60 дней пути).

Большое количество подобных примеров можно привести по Восточной Сахаре, Судану и другим африканским областям. Аравийский полуостров также был покрыт сетью караванных путей, которые соединяли далекий Йемен с портами Персидского залива и Леванта.

Бедуины всегда различными способами были связа-

ны с караванами. Во-первых, они поставляли выючных верблюдов, перевозивших грузы и пассажиров; во-вторых, выступали в качестве опытных проводников, умевших прокладывать путь даже по бездорожью; в-третьих, племена, по территории которых проходили караваны, взимали с купцов дорожную пошлину, а те взамен получали охрану от нападений; в-четвертых (и это как будто находится в противоречии с только что сказанным), они сами совершали набеги на торговые караваны, когда место и обстоятельства (например, отсутствие соглашения об охране) давали возможность захватить богатую добычу. Встретившиеся в пути караваны предупреждали друг друга о своих мирных намерениях определенными сигналами или знаками. Если таких сигналов не было, то немедленно одна сторона нападала, а другая — организовывала оборону.

Наконец, благодаря караванной торговле бедуины получали продукты, в которых испытывали нужду, но сами их не производили (финики и зерновые, оружие и боеприпасы, одежда и украшения, а также кофе, табак и т. п.). Именно на примере караванной торговли становится ясно, что кочевники не могут существовать длительное время без обмена продуктами с оседлым населением.

Огромнейшее значение для судьбы караванов, продвигавшихся по малоизученным маршрутам, имела способность их вожаков выдержать нужное направление в самой трудной местности. Путешественник по Африке писал, что даже в сыпучих песках, где легкий ветерок стирает следы людей и животных, где не могут держаться путевые знаки, существуют точные признаки для определения малопосещаемых путей. Все легкие предметы, которые теряет или намеренно оставляет караван, остаются лежать на поверхности песка. Так, кусочек веревки, часть циновки и чаще всего встречающийся признак — помет верблюдов и ослов — уже на значительном расстоянии дают понять, что мы находимся на верном пути.

Заболевших верблюдов или тех, с которыми случилось в пути несчастье, немедленно убивают и съедают; их груз складывают на краю дороги, а традиционные нормы поведения на караванных трассах надежно защищают их от краж. Французский капитан Боннемэн, поч-

ти сто лет назад изучавший Сахару, сообщает, что многие караваны, которые прибывали в Гурд, лежащий примерно на полпути между Эль-Уэдом и Гадамесом, оставляют под открытым небом часть своих съестных припасов, которые понадобятся им на обратном пути; они знают, что все будет в полной сохранности. Дюверье в 1860 году видел на этом участке множество предметов, вверенных «защите Аллаха». Правда, капитан добавляет, что такая безопасность существует лишь на тех путях, где кочевники взимают пошлину за проход; другие пути ненадежны, и, передвигаясь по ним, караваны вынуждены на свой страх и риск защищаться от корсаров песчаного океана.

Каждый караван двигался по расписанию, которого придерживались со строгостью военного времени. Предводитель имел над караваном полную власть. Он определял, когда выступать в путь, когда делать привалы. Для перехода по пустыне предпочтение отдавалось прохладным утренним часам, времени после захода солнца и даже лунным ночам. В самую сильную жару караван стремился укрыться в тени, чтобы не расходовать бесполезно силы. Команду выступать все выполняли немедленно, ибо остаться означало обречь себя на гибель.

Дромадер спасает караван

Я не знаю лучшего описания перехода каравана через пустыню, чем то, которое оставил египетский исследователь Сахары Ахмед Мухаммед Хасанейн в записках, опубликованных в 1926 году в Лейпциге. Их автор пересек Сахару с севера на юг по почти не хоженым или забытым тропам. Он следующим образом излагает свои впечатления: «С каждым днем растет огромное уважение, которое я питую к мастерству вожака нашего каравана Бу Хелегаса. Это — скромный на слова человек с благородным образом мыслей и великодушным сердцем. Его возраст, седые волосы обеспечивают ему наше всеобщее уважение, которым пользуется в пустыне тот, чья мудрость опирается на огромный опыт. Поэтому Серуали и я всегда обращаемся к нему за советом. Он скромно и сдержанно высказывает свое мнение; но я достаточно сообразителен, чтобы действовать

по его указаниям. Он постоянно заботится о самочувствии своих верблюдов. Часто звучит его красивый голос, когда он говорит с людьми или с верблюдами.

Я слышал, как он сказал рабу Ибрагиму: „Белый верблюд еле плетется. Завтра мы переложим его груз на старого коричневого верблюда“.

„Поговорите с ними, люди, поговорите“, — внушиает он слугам, потому что знает, насколько лучше идут животные, когда они слышат подбадривающие голоса людей.

„Спой им, Ибрагим, что-нибудь спой!“

„Следуйте за вожаком, золотые мои“, — обращается он к животным.

„Погляди-ка, Хамад, у того седло сползло; оно настret ему спину“.

Начинает смеркаться, и он кричит: „Зажигайте фонари, это обрадует верблюдов!“»⁴⁹.

Краткого знакомства недостаточно, чтобы оценить все достоинства верблюдов. Он так же умен, как и лошадь, если не больше. Во всяком случае, он человечнее. «Терпелив, как верблюд», — гласит арабское, очень справедливое выражение. Верблюд, с которым дурно обращаются, не сопротивляется, но и никогда не забывает этого. Он ждет своего часа. Если с ним опять поступают дурно, он затаивает обиду и мстит, что очень похоже на людей. Он дожидается момента, когда никого поблизости нет. И вот вы, наконец, остаетесь с ним один на один, и он нападает на вас. Он кусает, или опрокидывает, или бьет и топчет. Однажды разозленный верблюд набросился на человека, начал его топтать, лег на него и, несмотря на пинки и удары людей, поспешивших на выручку, не тронулся с места. Он решил покончить со своим врагом, и это ему удалось.

Совершенно невозможно удержать верблюда вдали от каравана, так как он чувствует, какими опасностями грозит ему одиночество. Поэтому он всегда держится вблизи «главных сил». Щемящее чувство жалости испытываешь при виде больного верблюда, отставшего от каравана. Он напоминает раненого воина, который из последних сил ковыляет за остальными при отступлении. Никто не может его нести, а если он упадет, ему грозит смерть.

Верблюд обнаруживает сообразительность, когда из

На верблюдах перевозят все, даже шатры — правда в разобранном виде

оазиса попадает в безводную пустыню. Ночью он пытается вернуться на пастбище, даже после того как прошло уже три-четыре дня пути. В связи с этим в пустыне не раз разыгрывались трагедии. Верблюды бросали ночью свои стада, когда до цели оставалось всего несколько дней. Или по той или иной причине караван потерпел бедствие, и осталось несколько верблюдов, которые уже 10—15 лет совершают переходы по этой трассе. Тогда они доходят до цели самостоятельно.

Когда я и мои спутники во время путешествия приближались к Джалу (оазис в Ливии, расположенный в 400 километрах к югу от Бенгази) и находились в трех днях пути от лагеря бедуинов, которому принадлежали три из нанятых нами верблюдов, один из них тяжело заболел. С него сняли поклажу, чтобы распределить ее между другими животными, и оставили одного в пустыне. Напрасно я просил бедуинов пристрелить несчастное животное и избавить его от мучений медленной смерти... Они отказывались, ссылаясь на то, что это породи-

стый верблюд с хорошей родословной. Они отвечали мне: «Он только устал и потом не спеша добредет до дома». И действительно, позже я узнал, что он благополучно добрался до лагеря и начал выздоравливать.

Верблюды как будто бы знают, что у каравана есть вожак, и не обращают ни малейшего внимания на других. Когда предводитель с другими участниками перехода обсуждает предстоящий маршрут, верблюды также собираются вокруг него, и как только он трогается с места, они следуют за ним. Они идут, не обгоняя. Если же верблюд обгоняет предводителя и встает во главе каравана, то можно спокойно следовать за ним, ибо он знает, как дойти до цели. Бедуины говорят, что верблюд может даже на расстоянии многих дней пути найти дорогу в оазис, где он когда-либо пасся. У бедуинов есть басня о верблюде и о степной птице садже. Птица говорит: «Я откладываю яйца в пустыне, ухожу на большое расстояние — много дней пути,— а потом возвращаюсь, чтобы их высиживать». Верблюд отвечает: «Когда я был еще во чреве матери, она пила из колодца. Спустя много времени я могу разыскать этот колодец и напиться из него».

Я видел своими глазами верблюда, ведущего караван к колодцу, из которого его поили четыре года назад. Один верблюд на пути из Дахлы в Уэнат спас целый караван. Вожак этого каравана никогда не был в Уэнате, руководствовался только советами бедуинов и сбился с пути. Двенадцать дней караван бесцельно скитался по пустыне. Кончились запасы воды, и всякая надежда, казалось, была потеряна. Неожиданно верблюд встал впереди каравана. Все последовали за ним. Два года назад он был в Уэнате и почуял это место, когда до него оставалось два дня пути. Он благополучно привел караван к колодцу.

Некоторые истории и высказывания Хасанейна могут показаться читателю надуманными и невероятными, однако они свидетельствуют о тесной связи участников караванов со своими «кораблями пустыни».

Торговля в оазисах

О том, насколько тесно обитатели оазисов и кочевники связаны друг с другом, можно прочитать в любом

специальном исследовании. Я познакомился с этим видом симбиоза, когда в конце 60-х годов посещал различные оазисы в Ливийской пустыне и непосредственно наблюдал контакты между крестьянами оазисов и бедуинами. Так было и в Сиве.

Согласно историческим источникам, в оазис Сиву ежегодно приходило до 250 караванов из всех стран света. Сива — гавань в песчаном море Сахары. Здесь перекрещивается дюжина караванных путей. Оазис находится примерно в 300 километрах к югу от Средиземноморского побережья в огромной котловине (30 метров ниже уровня моря)⁵⁰. Караваны аулад-али идут в Сиву по пустыне 7—10 дней, чтобы запастись там финиками. Каждый, кто хоть раз побывал в Сахаре, поймет то ликовение, которое охватывает душу, когда после многодневной борьбы с жарой, песком и жаждой перед глазами вырастает во всей своей красе зеленый оазис.

Немецкий востоковед Г. Минутоли (начало XIX века) рассказывает о прибытии одного каравана к воротам Сивы, о том, как радовались арабы, когда увидели оазис с его садами и источниками. Они прыгали, кричали, пели, танцевали и стреляли из винтовок. Бедуины торжествовали, потому что им удалось избежать голода и нападения, и ничто не могло помешать их буйному веселью.

Радовались караванам и сиванцы. Г. Штейндорф, египтолог из Лейпцига, в 1900 году писал, например, что женщины и дети целыми днями с крыш своих домов высматривали, не идут ли зимние караваны. Ликуя, приветствовали они «братьев песка» — бедуинов, которые из хорошо понятной предосторожности обязаны были на все время пребывания в Сиве сдать огнестрельное оружие на склад. Когда прибывал караван, в оазисе находилось больше чужих торговцев и бедуинов, чем местных жителей.

Гавань в песчаном море

Жители Сивы — не арабы, а берberы с примесью негроидной расы из Судана. Издревле они говорят на берберском языке семито-хамитской группы, который распространен также в некоторых районах Туниса и Марокко. К ней относится и язык туарегов. Собственное

Письмо в Сиве не получило развития — здесь пользуются арабским алфавитом.

«Зилан-н-иссиван» — так называют себя жители оазиса. Их подразделяют на две большие группы: «таксиб», или восточные, «лиффайа», или западные. Они в свою очередь делятся на племена, во главе которых стоят наследственные семьи вождей. Численность населения оазиса с конца XIX века весьма постоянна и колеблется от 5 до 6 тысяч человек. Разместились они в полу-дюжине сравнительно далеко отстоящих друг от друга селений. Наиболее важные из них — Агхурми, Мараги, Зейтун, Абу Шуруф, Мушендиц и сама Сива, насчитывающая 3800 жителей. В 1962 году Сива получила статут города. По переписи 1966 года там проживали 5169 человек, в том числе 2467 женщин.

Перед первой поездкой в Сиву я очень сомневался в том, что смогу преодолеть языковой барьер, ибо не располагал ни временем, ни возможностями, чтобы изучить сивано-берберский диалект. Но практика показала, что арабский язык там наряду с берберским получил уже весьма широкое распространение, и мы вполне понимали друг друга. В школе дети учат арабский вторым языком, и взрослые бегло говорят на обиходном арабском. Еще на рубеже столетия сиванцы, ведя торговые переговоры с бедуинами, были вынуждены прибегать к услугам переводчиков.

Мы можем проследить изменчивую историю оазиса на протяжении более трех тысяч лет. Первое письменное упоминание о нем содержится в иерогlyphической надписи, относящейся к эпохе фараона Рамзеса III (примерно 1175 год до н. э.). В то время оазис назывался «Соксет-ам (и)», что, скорее всего, можно перевести как «Пальмовый лес». Подходящее название, ибо и сегодня новичок может безнадежно заблудиться в пальмовых лесах Сивы.

Оазис в древности получил мировую известность как местопребывание оракула египетского бога Амона. По данным египтологов, храм богу был сооружен примерно в 1385 году до н. э. Он притягивал к себе паломников на протяжении целого тысячелетия.

Как единодушно сообщают античные историки, в 331 году до н. э. в Сиву прибыл Александр Македонский с большим обозом. Знаменитый завоеватель находился

тогда на вершине славы, и целью его приезда было въпросить оракула о своем будущем. Благоприятный прогноз обеспечил хитрым служителям храма богатое вознаграждение. Они приветствовали молодого полководца как «сына Амона», чем снискали полное расположение высокого гостя. Голос оракула якобы звучал как «щебетание птиц». Бог Амон Ра изображался в виде тучного барана. Это давало повод современникам шутить, что ответы Амона на задаваемые ему вопросы так же извилисты, как и его рога. Древним римлянам оазис Сива был известен под названием «Амониум».

В последующие столетия сведения об оазисе были весьма скучными. В 400 году в Сиву пришло христианство; там были основаны коптские монастыри и церкви. Источники указывают и на то, что оазис служил как бы местом ссылки для впавших в немилость государственных чиновников. В 1100 году началось завоевание отдельных оазисов арабскими войсками, что впоследствии привело к обращению обитателей Сивы в ислам.

Некоторые арабские авторы средневековья называли Сиву «Сантария». Рассказы о Сантарии носят столь фантастический характер, что складывается впечатление, будто бы они возникли на основе устных преданий. Оазис якобы окружен высокой стеной с тяжелыми железными воротами, охранявшимися хищными птицами; население живет в мраморных дворцах. Посреди города находился цирк, к которому со всех сторон вело по семь рядов ступеней. Его украшал купол из лакированного дерева, который покоялся на семи прекрасных мраморных колоннах. Со всех сторон под куполом были подвешены фигуры, которые свистели и говорили на различных языках. Так рассказывал Аль-Макризи, автор, пользовавшийся репутацией серьезного человека. Он утверждает также, что там росло апельсиновое дерево, которое ежегодно приносило 14 тысяч плодов.

Покорение Сивы

О «Сивах» в Европе снова услышали в 1664 году от немецкого гуманиста и путешественника по Африке М. Ванслеба, который коснулся в своем дневнике торговли финиками между Сивой и аулад-али. Первым ев-

ропейцем, посетившим в новое время этот оазис, стал англичанин Браун. Он прибыл в Сиву с торговым караваном в марте 1792 года и провел там всего несколько дней, узнав об этой местности, ее жителях не так уж много. Пять лет спустя в оазисе побывал немецкий исследователь Сахары Ф. Хорнеман. Ему было тогда 25 лет. В своем путевом дневнике он писал о Сиве, что это маленькое независимое государство признает своим владыкой великого турецкого султана, которому оно, впрочем, не платит дань. Оно построено вокруг скалы и на самой скале. Традиция говорит, что первоначально люди жили в пещерах этого скального массива. Действительно, и сегодня их дома напоминают по виду пещеры, и при этом они расположены так близко друг от друга, что во многих переулках ничего не увидишь даже днем.

Свобода жителей Сивы от уплаты налогов была непродолжительной. Во время правления в Египте Мухаммед-Али Сива находилась под властью центрального правительства. Египетский правитель послал в Сиву своего полководца Хусейна Шамаширги с отрядом в 1200 человек и артиллерией в придачу, дабы покорить доселе независимых жителей оазиса. После трехчасового сражения плохо вооруженные сиванцы сдались правительенным войскам. Население было обложено ежегодным налогом в размере 400 египетских фунтов. Затем солдаты вернулись в долину Нила.

В дальнейшем выяснилось, что Сива неаккуратно платит налоги, и отряд под командованием Шамаширги снова появился в Сиве (1827 год). За несвоевременную уплату налогов были арестованы 20 представителей племенной аристократии. Их собственность была конфискована, а сами они в качестве заложников препровождены в Каир. Налог сиванцам увеличили на 2400 фунтов. В последующие десятилетия все повторялось: уклонения от уплаты налогов, их принудительные сборы и новые повышения. В 1857 году правительство назначило в Сиву начальника полиции и большое число налоговых чиновников, чтобы следить за порядком и своевременной уплатой налогов. Можно себе представить, как население не любило чиновников и как сами чиновники не любили порученное им дело. Оторванные от приятной жизни в большом городе, окруженные враждебно наст-

роенным населением, они воспринимали перевод в Сиву как ссылку.

В середине XIX века трения с правительством усилились, когда исламская секта сенуситов⁵¹ в Ливии нашла многочисленных приверженцев и в Сиве. Многие сиванцы перебрались в центр сенуситов — оазис Джагабуб, лежащий в 130 километрах к западу. Оттуда они подогревали недовольство растущим влиянием центральной власти. В то беспокойное время дня не обходилось без разбойнических набегов, угона скота и кровавых инцидентов. В апреле 1897 года в Сиве в столкновениях погибло около 100 местных жителей. Это дало повод правительству ввести туда постоянный гарнизон, после чего обстановка стала спокойной.

Новые бедствия Сиве принесла вторая мировая война. С января 1941 года по февраль 1943 года на Африканском континенте шла ожесточенная борьба между англо-американским блоком и державами «оси» за установление своего господства. В соответствии с переменчивым характером войны в пустыне Сиву попеременно оккупировали то одни, то другие войска. Иногда она подвергалась бомбардировкам, и тогда жители прятались в окрестных горных пещерах.

Традиционное жилище сиванцев напоминает крепость. Оно сооружалось из солончакового глинозема. Высущенный, этот материал тверд как камень, так что из него без опасения можно строить восьми-девяностажные здания. Распиленные пополам пальмовые стволы шли на опоры и балки для крыш. Маленькие окошки в форме треугольников предназначались скорее для того, чтобы препятствовать проникновению ослепительного света, нежели для того, чтобы пропускать его внутрь. Напоминающие туннель переходы соединяли отдельные постройки друг с другом. Входы в такое поселение запирались от нападения грабителей на толстые засовы из твердого дерева. Штейндорф замечал, что эти густо начиненные домами поселения на скале напоминали огромный муравейник, где часть амонийцев живет уже на протяжении столетий.

В последние десятилетия Сива утратила характер крепости. Жители покинули тесные нездоровые жилища и построили новые дома в долине на большом расстоянии друг от друга; нередко они размещены вблизи

пальмовых рощ. Все строения имеют плоские крыши и окружены заборами из пальмовых листьев, чтобы воспрепятствовать любопытным взорам: ведь ночью здесь спят под открытым небом.

Все путешественники, когда-либо посещавшие Сиву, единодушно отмечают три ее особенности: обилие воды в источниках, ее чистоту и плодородие пальмовых рощ. В Сиве плодоносят 180 тысяч финиковых и 40 тысяч масличных пальм и бесчисленное множество абрикосовых и апельсиновых деревьев; здесь зреют виноград, гранаты и всевозможные тропические овощи.

Если для бедуина главное — верблюд, то для обитателя оазиса — финиковая пальма. Здешний климат идеален для ее роста и плодоношения. Как говорят на Востоке, ногами она стоит в воде, а головой упирается в солнце. В марте производится опыление соцветий женских пальм. Под палящими лучами солнца, которые щедро льются с безоблачного неба, плоды постепенно зреют и к концу сентября становятся коричнево-золотистыми и сладкими. Тогда крестьяне снова карабкаются вверх, но на этот раз затем, чтобы специальными зубчатыми ножами отсечь тяжелые гроздья фиников. Их насчитывается около 40 сортов; различаются они по цвету, форме и вкусу. Самый лучший сорт в Сиве — это «абутавиль». Длинной с палец, сладкий, как сахар. Эти финики не экспортируются. Сиванцы — гурманы и предпочитают есть их сами.

На протяжении столетий сущеные финики служили жителям оазиса средством для всевозможных расчетов. Заработная плата, налоги, долги и штрафы — все выплачивалось финиками. Кроме плодов, финиковая пальма дает еще много полезного: из пальмовых метелок женщины и девушки плетут в часы досуга изящные корзины, сумки, маты и веревки; древесину используют для строительства домов; из молодых побегов домашние хозяйки готовят салат; из сока особенно мощных деревьев делают освежающий напиток, который путем брожения можно превратить в легкое вино.

Сложное водное право

Главное условие для успешного развития сельскохозяйственных культур — это наличие естественных водных источников. В Сиве их две сотни. Однако лишь 80

из них используются. Во всех оазисах благосостояние человека определяется не площадью земли, которую он обрабатывает, а количеством воды, находящимся в его распоряжении, для возделывания этой земли. Растения зеленеют и цветут лишь там, где человек соорудил каналы, доставив воду на участки. Во время прогулок по пальмовым рощам меня всегда приводила в восторг мирная атмосфера жизни оазиса. Юркие пестрые окуны проносятся в кристально чистой воде источника; вокруг флегматично стоят аисты, досыта наевшиеся лягушек; по временам тишину ночи нарушает щебет птиц; где-то в чаще виноградных лоз, ароматных лимонных зарослей и широколистных деревьев слышится хихиканье девушки. Они стирают у источника одежду и заодно купаются. Но все же Сива — это не рай! Вода там всегда была частной собственностью, наследственным семейным владением племенной аристократии, которая держала в зависимости основную массу обнищавших жителей оазиса, находившихся на положении арендаторов плантационных рабочих. Еще в первые десятилетия XX века в Сиве сохранялось рабство!

Ключом к пониманию экономических отношений в Сиве может стать старинное водное право, в котором непосвященный разбирается с большим трудом. Профессиональные «судьи по водным делам» день и ночь следят за распределением воды из источников в соответствии с традиционными нормами, которые закреплены в особых книгах: «Дефтер аль-айн» («Перечень источников»). Лишь после многократных попыток мне удалось получить доступ к некоторым из этих тщательно охраняемых фолиантов. Это дало мне возможность лучше разобраться в экономике оазиса, ибо в книгах тщательно зафиксированы самые разнообразные операции, связанные с передачей воды: продажа, дарение, наследование и сдача в аренду. Мне вскоре стало понятно, каким образом собственность на воду до недавнего времени помогла сохранить в Сиве отношения зависимости и эксплуатации.

Однажды в Абу-Ашгаре я познакомился со старым одноглазым бербером, который всю свою жизнь был «судьей по водным делам» у восточных сиванцев. Часами мы сидели в тени у каменной ограды источника Джуба, и я задавал ему вопрос за вопросом. Из его ответов

я мало-помалу составил себе картину сиванского водного права. Каждая «хаттия» — так называют сиванцы свои посадки — получает воду из источника, принадлежащего либо одному владельцу, либо — что бывает чаще — нескольким. Единица измерения доли каждого так называемая «ваджба», количество воды, которое дает источник между восходом и заходом солнца, то есть это относительная мера. Ваджу делают на половины (6 часов), четверти (3 часа) и восьмые (1,5 часа); восьмушки, «аджба», в свою очередь делятся на 12 «камха». Количество воды, необходимое каждому крестьянину в неделю, фиксируется в «Перечне источников», причем каждый твердо знает, когда он должен получить свою долю. В назначенный срок судья открывает шлюз оросительного канала, ведущего к насаждениям, и они орошаются водой. В те времена, когда в Сиве еще не было часов, шлюзы открывали и закрывали по положению солнца и звезд.

Не меньшую роль, чем орошение, играют постоянные работы по растворению и удалению солей. Высокое содержание соли в почве делает ее такой твердой, что крестьяне не могут пахать плугом. Им приходится разрыхлять землю тяжелыми железными мотыгами весом 10—15 килограммов.

Сбор урожая спелых фиников происходит с сентября по январь, потому что один сорт спелевается за другим. Высушенные фрукты складывают высокими пирамидами на больших огороженных площадках. Рольфс говорил, что вся земля на этом огромном складе фиников была пропитана сиропом. Там были сторожевые собаки — они питались финиками; там были голуби — их пищей были финики; часто прилетали целые тучи воробьев и лакомились сладкими плодами. У каждого жителя здесь своя куча или несколько куч фиников. Там были одни из лучших сортов — султани и рхасели, — и были такие сорта, которые идут лишь на корм скоту.

На этих «базах» — по добруму старому обычаю — каждый может есть сколько угодно фиников — оплате подлежит лишь то, что выносится за ворота.

Еще несколько десятилетий назад торговля в Сиве была по своему характеру меновой и только за небольшую часть плодов пришли торговцы расплачивались

наличными. Штейндорф сообщает, что бедуины, приходящие из других районов Египта, доставляли главным образом зерно, бобы, кожу, порох, мыло, зеркала, ножницы, спички, сахар, обычные сорта чая, кофе, шерстяную материю, носовые платки и табак, в то время как люди из Бенгази привозили лучшие сорта чая, зерно, овец, сущеное верблюжье мясо, одеяла, цветную муку, желтые туфли, украшения и меняли их на финики. Старые сообщения свидетельствуют о том, что ежегодно из Сивы экспортировалось до 30 тысяч центнеров фиников. Чтобы вывезти такое количество фиников, требовалось большое количество верблюдов, так как на одном можно было перевозить только 3 центнера.

Оливки и получаемое из них масло — тоже весьма желанный продукт торговли с оазисом Сива. Плоды оливкового дерева раздавливаются каменным валиком и затем выжимаются. Рольфс с большой похвалой отзывает о качестве сиванского пищевого растительного масла. Он считает, что в оазисе Амона масло просто превосходно. По прозрачности и сладости оно смело может выдержать сравнение с лучшими сортами Пармы и Прованса. Побочный продукт — жмых — охотно поедается домашним скотом.

Сегодня очень редко можно встретить в Сиве небольшой караван, пришедший за финиками или оливковым маслом. Уже с 30-х годов продукты урожая перевозят грузовые машины — оптовые торговцы приспособились к новым временам. Ловким предпринимателям из Александрии удалось монополизировать всю торговлю финиками с оазисом. В результате сиванские производители несут огромные убытки. Крупные оптовые торговцы скупают ожидаемый урожай фиников еще летом по смехотворно низким ценам, бессовестно используя нужду крестьян. Перепродавая затем высококачественные сиванские финики в густонаселенной долине Нила и экспортируя их за границу, скупщики получают огромные барыши, из которых крестьянам оазиса не достается ничего.

Гнев сиванцев по поводу такой эксплуатации очевиден, и они предприняли уже некоторые ответные меры. В 1964 году при поддержке правительства были созданы сельскохозяйственные товарищества, которые обеспечивали сбыт продукции на приемлемых условиях.

Правда, члены товариществ вынуждены были постоянно вести борьбу против махинаций и козней крупных торговцев, с крайней неохотой терявших власть и деньги.

С острыми социальными и экономическими противоречиями в Сиве, разумеется, нельзя покончить одним махом. Во времена президента Насера египетское правительство с помощью Арабского социалистического союза (АСС) пыталось кое-что сделать. Из нильской долины в оазис была направлена большая группа специалистов — врачей, инженеров, учителей, и т. п. Все способности, знания и опыт они стремились направить на службу народа, и отношение к ним (в отличие от королевских сборщиков налогов!) было совсем иным. В центре города, рядом с мечетью, был открыт Социальный центр, сотрудники которого начали многостороннюю работу по преобразованию традиционного племенного общества. Они помогали неимущим старикам; дети деревенской бедноты в детских садах получали питание, обеспечивались одеждой. Школы, больницы, электростанции и установки для питьевой воды и в Сиве стали символами египетской революции. Сотни сиванцев были освобождены от традиционной водной зависимости. У них появились большие возможности заработка на службе у Организации по развитию пустыни, которая развернула здесь небывалую работу по расширению обрабатываемых площадей путем лучшего использования имеющихся здесь источников воды — ведь масса ее бесполезно просачивалась в окрестные соленые болота. Десятки сиванских рабочих трудились в Национальной египетской нефтяной компании, созданной в 1968 году, — на прокладке дорог, на буровых установках, на ее предприятиях. Прямо за воротами города построен аэродром, и шум серебристых птиц окончательно пробудил спящую красавицу, какой была эта овеянная легендами часть пустыни.

Рейсовый автобус несколько раз в неделю курсирует между Сивой и Мерса-Матрухом. Трасса прошла точно по старой тропе, где веками ходили «корабли пустыни», принадлежащие аулад-али. Другая большая магистраль в песках — это «Дарб аль-Арба'ин» («Дорога 40 дней»). Она связывает среднюю часть нильской долины с плато Дарфур в Судане. Старый караванный путь был преобразован — по крайней мере на отдельных

участках -- в современную транспортную артерию. Проектируемая транссахарская магистраль открывает совершенно новые перспективы будущих связей Алжира, Туниса, Мали и Нигера. Она также пройдет по бывшим караванным тропам.

На реактивном лайнере к Каабе

В последний месяц исламского календаря зульхиджа (месяц паломничества) сотни тысяч правоверных из всех стран Востока совершают предписанное Кораном паломничество к священной Каабе в Мекке. Они толпами устремляются туда, чтобы выполнить одну из пяти главных заповедей ислама и тем самым приобрести авторитет, который пригодится им и на этом и на том свете. В прошлом караваны паломников находились в пути много недель и имели чрезвычайно разнородный состав: князья, нищие, торговцы со своими товарами, бедуины, пешие и всадники — все имели свое место, которое обычно определялось земляческим принципом, так что люди из одного города шли вместе.

Для многих паломников, особенно из Западной Африки, поездка в Мекку была предприятием, которое занимало целые годы; ведь им приходилось пересекать весь континент с запада на восток. При этом они занимались торговлей или занимались на работу. Проходило немало времени, пока им удавалось скопить достаточно средств, для того чтобы продолжить путешествие. Многим не довелось больше увидеть свою родину: они умирали в пути. Однажды в месопотамской степи мне повстречался очень старый бедуин из племени шаммар. Опираясь на посох, с котомкой, где лежали его скучные пожитки, он с трудом, но весьма уверенно двигался, держась юго-восточного направления. На мой вопрос, куда он держит путь, старик ответил: «Ай, в Мекку, сыночек, мой, к Дому Бога, если Аллаху будет угодно!» Одинокий старик вбил себе в голову, что в конце своих дней он должен поцеловать черный камень Каабы. Если ему и удастся это сделать, то он умрет там от истощения.

Пилигримы попадали в невероятно тяжелые условия, особенно им было трудно, когда кончались деньги. Швейцарский специалист по Арабскому Востоку А. Хот-

тингер рассказывает, что, когда в 1961 году король Саудовской Аравии Фейсал окончательно отменил рабство, некоторые отпущеные на свободу рабы обращались в нигерийское и другие африканские консульства в Джидде (столице Саудовской Аравии, расположенной на Красном море, откуда до Мекки 73 километра). Во время паломничества в Мекку у них вышли деньги или же бессовестный судовладелец продал их в рабство, вместо того, чтобы согласно обещанию высадить на берег в Джидде. Эти «потерпевшие крушение» пилигримы были потом отправлены домой.

Но сегодня уже далеко не все паломники из Дамаска, Каира, Багдада, Тегерана и других центров мусульманского мира движутся по пыльным караванным путям. Многие приспособились к изменившимся условиям и в священный город, где родился пророк, летают в современных комфортабельных реактивных лайнерах. Со временем паломничество стало одним из самых доходных отраслей туризма в мире. Правда, все еще крайне строго следят за тем, чтобы ни один «неверный» не проник в святыни ислама. Многочисленные полицейские посты на подъездных путях к Мекке проверяют паспорта паломников и требуют документальных подтверждений того, что въезжающий верит в Аллаха и его пророка.

Большинство паломников прибывают в Джидду. Как только они высаживаются в порту или на вновь построенным аэропорту, к ним бросаются продавцы автобусных билетов, справок о состоянии здоровья и официально предписанных белых платков. По приблизительным оценкам, паломники истратили в 1970 году в Джидде 250 миллионов риалов (4,5 риала = 1 долл.). Вполне понятно, что Саудовская Аравия не жалеет сил для того, чтобы и дальше развивать бизнес паломничества.

Вместо старого караванного пути сегодня Джидду с Меккой связывает четырехрядная автострада. Когда мусульмане видят перед собой священный город, они падают на колени и целуют землю. Благоговейно входят в Большую мечеть, где высится десятиметровая Кааба в форме куба с самой важной мусульманской святыней — черным камнем, который верующие также целуют. Затем пьют воду из священного колодца Земзем и под палящим солнцем направляются дальше к горе Арафат, чтобы исповедаться в грехах, и после совер-

Шения всех ритуальных обрядов возвращаются обратно в Мекку. В 13-й день 12-го месяца по мусульманскому календарю верующие снова собираются в Большой мечети. После того как по приказу короля Фейсала здесь были построены своеобразные амфитеатры, что обошлось в 50 миллионов риалов, в мечети после захода солнца могут одновременно молиться 300 тысяч паломников.

По вечерам на улицах вспыхивают неоновые вывески отелей, рекламы кока-колы и бензоколонок «Эссо», и Мекка превращается в туристский центр. В период сезона владельцы отелей взвинчивают цены в четыре-пять раз. Намного повышают плату за услуги автобусные компании, проводники, торговцы реликвиями и сувенирами, продавцы питьевой воды. Даже кочевники-бедуины, которые приезжают в Мекку на большой байрам, праздник жертвоприношения, требуют за своих истощенных, умирающих от жажды коз спекулятивную цену — 500 риалов и больше.

Радость паломников по поводу отпущения грехов проявляется не слишком бурно: об этом заботятся местные власти. Господствующий в Саудовской Аравии ваххабизм, самое пуританское и в то же время консервативное течение ислама, не терпит никакого алкоголя, никакихочных баров, никаких азартных игр, а также кино. На экране телевизора здесь никогда не показывают женщин без чадры.

Здоровье — это корона на голове здорового,
но видит ее только больной.

Арабская поговорка

У арабов-кочевников я всегда чувствовал себя здоровым и бодрым. Свежий, чистый степной воздух, постоянные движения в сочетании с простой, здоровой пищей — все это способствовало хорошему самочувствию. Но однажды меня все-таки «прихватило». Вот как это произошло. Бедуины, как известно, ходят босиком, причем ноги до колен — голые. Будучи принят в племя шаммар в иракской Джезире, я поступал так же. В результате постоянного трения о бока лошади на внутренней стороне икры началось воспаление, но вначале я не обратил на него внимания. Пот и конский волос усилили воспаление, образовалась ранка; однажды я почувствовал сильную боль. Правая икра распухла, стала огненно-красной, появилось жжение. Я захромал, и все это начало меня беспокоить.

Нимр Са'уд, мой товарищ по шатру, пришел в отделение для гостей, где я прикладывал влажные компрессы к больной ноге. Он ощупал ее, и на его морщинистом лице появилась недовольная гримаса. Затем он пробормотал что-то непонятное, вернулся к очагу и о чем-то посовещался с сидевшими там бедуинами. Вскоре началась оживленная деятельность. Они развели огонь и раздули его ручными мехами. Внезапно все поднялись, и один из них подошел ко мне с раскаленным докрасна железным прутом.

— Лежи спокойно, Абдалла,— сказал он мне.— Мы выжжем твою рану, это тебе поможет, а теперь стисни зубы!

Моментально ко мне возвратились жизненные силы. С поразительной быстротой я выскочил из шатра. Мои

сердебольные врачеватели, покачивая головами, смотрели мне вслед. И только когда я увидел, как Нимр неохотно бросил прут в песок, я, ковыляя, вернулся в шатер, но никто больше со мной не заговаривал. Было ясно, что это стихийное бегство подорвало мой авторитет в глазах бедуинов. «Кай» — лечение ран раскаленным железом — вошел в быт бедуинов с древнейших времен, и никто его не боится, во всяком случае этого не следует показывать. Но здесь моя готовность приспособиться к образу жизни бедуинов, очевидно, «дала осечку». На мое счастье, в тот вечер вождь шаммаров Миш'ан аль-Фейсал возвратился в лагерь на своем красном «шевроле» из очередной поездки. На следующее утро меня отправили на этой машине в медицинский пункт в селение Хатра, расположенное в 30 километрах от лагеря. Дежурный санитар сделал мне укол пенициллина, дал мне мазь и перевязочный материал, и я вылечил воспаление привычным способом.

По сравнению с другими тропическими областями среда, окружающая бедуинов, содержит немного возбудителей болезней. Условия размещения кочевников также благоприятствуют хорошему состоянию их здоровья. Очаги эпидемий в тропических странах часто возникают в местах больших скоплений людей и почти совсем не появляются в сухих, редко населенных, пустынных районах. М. Оппенгейм отмечал, что простой образ жизни и постоянное пребывание на свежем воздухе способствуют тому, что в среднем здоровье бедуинов лучше, чем оседлого населения.

И все-таки есть такие болезни, от которых страдают и бедуины. Сильные колебания температуры в различные времена года, а также между дневным и ночным временем вызывают простуду (кашель, насморк, ангину). У пожилых людей бывает ревматизм. Постоянные ветры, несущие с собой тучи пыли, едкий дым очагов вызывают воспаление глаз — они сильно слезятся и нередко заливаются кровью. Назойливые насекомые являются возбудителями кожных заболеваний и опасной трахомы, которая в запущенной стадии может привести к слепоте. Однообразное питание приводит к дистрофии и расстройствам пищеварения. Бедуины отдают дань и таким тяжелым по своим последствиям болезням, как туберкулез и сифилис. Бедуины часто не могут опреде-

лить причину заболевания. Они понимают, где у них болит, это может быть колотье в боку, желудочные спазмы, головная боль, шум в ушах, но симптомы обозначают такими, например, понятиями, как «волчья болезнь» или «болезнь газелей», а традиционное лечение лишено у них какого-либо рационального объяснения.

Народная медицина бедуинов далека от знаменитого врачебного искусства арабских медиков средневековья и большей частью опирается на магические представления.

По стариным арабским воззрениям, которые в свою очередь связаны с греческими влияниями, арабы-кочевники локализуют те или иные эмоции и душевное состояние в различных внутренних органах. Так, разум находится в мозгу, алчность — в почках, гнев — в печени, мужество — в сердце, страх — в легких, смех — в селезенке, а печаль и радость — на лице.

Младенцев, которые особенно подвержены заболеваниям из-за отсутствия в шатрах необходимых санитарных условий, стараются защитить с помощью магии. На шею ребенка и на колыбель вешают амулеты от дурного глаза. У бедуинов есть свои колдуны, якобы владеющие магией. Их приводят к роженицам и тяжелобольным, и они бормочут там свои «волшебные» заклинания. У кочевников бакара в западном Кордофане за помощью в лечении больного обращаются к «факиру» — святому племени. Он пишет на деревянной дощечке текст из Корана, затем смыает чернила и дает пациенту выпить эту воду. Если пациент выздоравливает, то факири воздают хвалу и он получает соответствующее вознаграждение, если же больной умирает, то, значит, на то была мудрая воля Аллаха и святой ни в чем не виноват. Для того, чтобы сделать чернильную жидкость приятной на вкус, в нее иногда добавляют немного меда.

Издавна существовала так называемая предупредительная магия по аналогии. Например, в оазисе Хайбар и Хиджазе, где была распространена малярия, у местных бедуинов существовал обычай громко кричать по-ослинику у ворот города, чтобы лихорадка подумала, будто там живут не люди, а ослы, и ушла: она знает, что ослы лихорадкой заболеть не могут.

Некоторые заболевания предупреждают способом та-

туировки, нанося ее на различные части тела, особенно на голову и запястья. На веках у подростков делаются маленькие надрезы, чтобы отвести «дурную кровь» и сохранить хорошее зрение. Лечение многих болезней, даже таких, как бешенство, головная боль и водянка, раскаленным железом применяется у бедуинов так широко, что врач, знакомый с этим методом по расположению рубцов от ожогов, может «прочитать» историю болезни пациента. Чтобы остановить кровь или для лучшего заживления ран и ушибов бедуины иногда используют туго свернутые полосы материи, сильно нагревают над огнем, а затем обрабатывают ими раны. Впрочем, принцип каутеризации — лечения теплом или прижиганием — есть в арсенале и у современной медицины. Ни для кого не секрет, что различные приемы народного врачевания и сегодня используются в медицинской практике. Например, широкое развитие в Восточной Азии получило иглоукалывание, повсеместно применяют лечение лекарственными травами.

Врачей и фельдшеров у бедуинов нет. Правда, некоторые из них умеют вправлять вывихнутые суставы или накладывать шины, а больных и раненых выхаживают женщины. Особенно опытны в этом отношении старые бедуинки. Они знают также, как обходиться с джиннами и ифритами — добрыми и злыми духами. Бедуины верят, что духи приносят людям пользу или вред в зависимости от желания и настроения.

Слишком большая ценность, чтобы ею мыться

Особенно большой вред злые духи наносят беременным и новорожденным, поэтому их, как было сказано выше, стремятся защитить с помощью талисманов и амулетов. Несомненно, гораздо полезнее были бы здесь лучшие санитарные условия и гигиенические меры. Из-за хронической нехватки воды и неустроенного, приспособленного лишь к условиям постоянного кочевания быта бедуинам крайне трудно, а порой даже невозможно всегда содержать в полной чистоте тело и одежду. Кочевники слишком высоко ценят воду, чтобы расходовать ее на мытье, поэтому зачастую они «моются» мелким песком.

Утром бедуины очень экономно умываются, до и после еды споласкивают руки, и больше на себя они воду не тратят. Чрезвычайно редко бедуины меняют одежду. Спать ложатся в том же самом, в чем ходят днем. Раздеваться не позволяет холодный ночной воздух, да и постель бедуинов никак нельзя назвать комфортабельной. Не удивительно поэтому, что в их пропотевшей, грязной одежде заводятся вши. Это никого не удивляет. Я чуть ли не каждый день наблюдал, как мать ищет насекомых в голове или в одежде ребенка. Женщины и девушки пытаются избавиться от своих мучителей, моя волосы верблюжьей мочой, а мужчины наголо бреют головы.

Хотя арабам пустыни совершенно неизвестна столь привычная для нас зубная щетка, зубы у них до старости остаются крепкими. Это объясняется, во-первых, здоровой пищей, а во-вторых, способом ухода за зубами. Они жуют конец ветки дикорастущего куста *Salvadora persica* (по-видимому, в нем содержится вещество, способствующее предотвращению карiesа), пока он не превратится в кисточку. Этой «деревянной кисточкой» (мисвак) они по утрам тщательно обрабатывают зубы и десны. И надо отдать должное зубам бедуинов — их блестящая белизна сделала бы честь любым зубам на рекламе пасты «Хлородонт». Впрочем, мисвак известна не только в Аравии, но и во многих районах Африки. Она распространена по всей долине Нила, и на всех рынках Восточной и Западной Африки всегда увидишь пучки мисвака. Альфред Брем писал, что в Судане мужчины и женщины постоянно пользуются этой зубной щеткой и получают от нее такое большое удовольствие, что, желая наказать свое грешное тело, отказываются употреблять ее в месяц поста.

Много опасностей для бедуинов таит в себе соприкосновение с окружающим их животным миром. Особенно нужно бояться бешеных собак, черепах, скорпионов, змей, пауков и сороконожек. А вот в окружающем их растительном мире они находят много пользы. Бедуины хорошо знают и любят природу. И у нас в Европе овцеводы и пастухи издавна славились как умелые врачи, ибо проводя большую часть своей жизни на природе, они стали присматриваться к ней, изучать жизнь растений и их лекарственные свойства. Кроме того,

оны приобрели огромный опыт в лечении животных, который в определенной степени мог быть использован и для лечения людей. Раньше овцеводов называли «овечьими докторами», а старая мекленбургская поговорка гласит: «Из овцевода можно сделать аптекаря; оба умны одинаково».

Народная медицина кочевников-верблюдоводов

Бедуины широко применяют такие лечебные травы, как ромашка и перечная мята. Известны им и другие целебные растения и... животные. Вот некоторые рецепты. Вытяжка из ядовитого кустарника хармала (*Peganum harmala*) употребляется как средство против ревматизма. В качестве слабительного применяются корень колоквinta (*Cassia dovata*), сок тамаринда, а также верблюжья моча, которую пьют либо в чистом виде, либо смешивают с молоком. Воспаление глаз лечат растением из семейства мальвовых (*Alcea giffusca*), иногда в глаза закапывают материнское молоко или не менее стерильный свежий мед. Кровоостанавливающим средством служит сок дикого растения миндар (*Teesdium scordiorodes*). От укуса скорпиона на рану накладывают помет варана (песчаного крокодила) или кладут раздавленного скорпиона, укусившего этого человека (противоядие!). На Синайском полуострове, чтобы выработать иммунитет у маленьких детей от яда скорпиона, им дают растворенный в молоке пепел сожженного скорпиона. В Северной Африке против кашля используют чай из цветущих листьев кустарника каркаде, их сушат и варят, добавляют семена акаций.

От зубной боли используют некоторые коренья. Их либо жуют, либо курят при помощи трубки; чтобы заглушить боль, в дупло зуба кладут табак. Еще в большой зуб наталкивают овечий помет, а затем разжигают его там раскаленной иглой. При воспалении желез горло полощут горячей соленой водой. Опухоли лечат уже описанным выше методом прижигания или присыпают их толчеными семенами акаций.

Все эти травы и другие лекарственные средства бедуины продают. На базаре любого арабского города

торговец этих «лекарств пустыни» всегда окружен плотным кольцом покупателей, интересующихся, как и когда применять то или иное снадобье.

Вместе с врачами в лагере бедуинов

Я давно хотел поехать к бедуинам вместе с врачом-профессионалом и с его помощью более четко представить себе, как обстоит дело со здоровьем у арабов-скотоводов. Во время одной из научных экспедиций в Египет мне удалось осуществить это мероприятие, чему способствовали весьма счастливые обстоятельства. Супруги-врачи Купфершмидт из Лейпцига, работавшие с группой граждан из ГДР в АРЕ, согласились съездить со мной и моей женой к аулад-харуф, подгруппе племени аулад-али. Пятым в нашей группе был Оливер, шестилетний сын Купфершмидтов.

Прекрасным весенним утром мы выехали из Каира на своем «вартбурге» и отправились на север по асфальтированному шоссе, которое начинается у пирамид эль-Гизы и западнее Александрии вливается в автомагистраль, по которой можно проехать вдоль всего побережья до Марокко. Okolo полудня мы уже были в Сиди-Крейр — красивом местечке на берегу моря — и решили здесь отдохнуть, поесть и искупаться. Сильный прибой гнал на берег волны высотой с дом, и когда я попытался в маске и ластах преодолеть эти волны, то попал в мощный водоворот, который жестоко крутил меня и подбрасывал, словно мячик. Когда меня выбросило на берег, я обнаружил, что моя маска стала добычей моря, плавки, к счастью, запутались в ластах.

Мы двинулись по автомагистрали дальше на запад. Холмистый ландшафт сменился местностью с ярко выраженным чередованием гор и долин. Вскоре мы миновали опорную базу египетского ездового верблюдоводства в Бург-эль-Арабе и повернули на юг. На пересечении железнодорожной линии нам пришлось выполнять и роль дежурных по переезду, ибо в этой отдаленной местности господствует принцип самообслуживания. Теперь уже оставалось всего несколько километров до лагеря аулад-харуф. С вождем племени, шейхом Джума 'Мухаммедом Али, я был дружен. Нас сердечно встретили и разместили в одном из шести шатров. Хозяйки рассте-

лили на полу цветные ковры, положили подушки, и в шатре стало уютно. Быстро разожгли очаг, и вскоре мы уже пили крепкий бедуинский чай. Дети аулад-харуф сразу же подружились с Оливером, привели ему щенков пастушеских собак, а потом катались с ним, как Хаймоновы братья, вчетвером на одном осле.

Во время чайной церемонии я объяснил бедуинам цель нашего визита, и вскоре появились первые пациенты. Сначала принесли шестимесячного младенца, и д-р Купфершмидт, детский врач, осмотрела его. Ребенок выглядел вялым, у него была сильно увеличена печень. Озабоченной матери вручили бутылочку с лекарством, посоветовали как можно быстрее отвезти ребенка в ближайшую больницу.

Затем началось обследование мужчин лагеря. Они с готовностью раздевались и ложились на ковер, заменивший стол для медицинского осмотра. Врачи прослушивали каждого и задавали вопрос, на что он жалуется. Я выполнял роль переводчика. Кроме одного острого заболевания, которое объяснялось, вероятно, неумеренным потреблением чая, мы не обнаружили никаких других, хотя многочисленные рубцы от каутеризации наглядно свидетельствовали о частом употреблении раскаленного железа.

Оба врача весьма одобрительно отзывались о чистоте бедуинов и хвалили их хорошо развитую мускулатуру. Хозяин шатра следил за всей процедурой обследования, храня достойное молчание, и, наконец, к нашему удивлению, потребовал, чтобы доктор Купфершмидт осмотрела и его. Поскольку он жаловался на почечные боли, ему наложили большой пластырь, чему он очень обрадовался.

Тем временем женщины пригласили супругу доктора Купфершмидта в махрам. Первой она осмотрела очень дряхлую старуху. Вскоре оказалось, что ей очень трудно общаться из-за незнания языка, и я последовал туда. Это была весьма деликатная миссия, потому что старый добрый обычай не разрешает женщинам и девушкам появляться перед мужчиной раздетыми. А находиться около пациента надо было достаточно близко, чтобы слышать разговор во время осмотра и переводить вопросы и ответы. Решили посадить меня за перегородкой, но там я мало что понимал, ибо вся процедура очень за-

бавляла обитательниц махрама и они непрерывно хихикали, вставляя свои замечания. Тогда я расположился просто спиной к ковру, где происходил осмотр, и взаимопонимание было достигнуто. Мне все же не хватало профессиональных терминов. Бедуины для описания симптомов многих болезней употребляют такие выражения, как «живот идет» (о расстройстве желудка) или «вода жжет» (о болезнях мочевого пузыря).

Пожилая женщина жаловалась на ломоту в суставах — и ей дали мазь от ревматизма; у нескольких девушек были воспалены глаза, но установить, трахома это или результат действия дыма от очага, не удалось. Им дали глазные капли. Застенчивая молодая бедуинка после долгих колебаний попросила дать ей средство от бесплодия и была разочарована, услышав, что такого лекарства нет. Купфершмидты пригласили ее на прием в свою больницу в Александрии. Но у нее так и не хватило мужества приехать туда.

Поскольку было уже поздно, мы прервали осмотр. Нам предложили скромный ужин: рис, свежие лепешки из ячменной муки, топленое овечье масло и сущеные финики.

Когда после ужина я спросил хозяина, нельзя ли нам послушать несколько бедуинских песен, он утвердительно кивнул, но каково же было наше разочарование, когда из сундука извлекли проигрыватель, работавший на батарейках! Сначала послышался треск, а потом зазвучала песня, как нам сказали, ливийских бедуинов. Нам так и не удалось добиться, чтобы бедуины сами что-нибудь спели, — снова техника вытеснила фольклор!

Тем временем нам приготовили постели, расстелив овечьи шкуры. Мы улеглись — все пятеро рядом — и накрылись матами ручной работы, тяжелыми, как свинец. Долгий путь утомил нас. С надеждой на глубокий освежающий сон мы пожелали друг другу спокойной ночи и закрыли глаза. Но сон так и не пришел: едва потушили лампу, как целые полчища изголодавшихся блох набросились на нас. Они измучили нас; наутро мы выглядели, как больные корью, покрытые зудящей сыпью — следами от укусов. «Импортный товар» им показался особенно аппетитным. Жидкость от насекомых, которую мы предусмотрительно захватили с собой, дала бумеранговый эффект. В темноте я опрыскал ею не блох, а соб-

ственное лицо — глаза жгло как огнем. Это была незабываемая ночь! Агрессоры отступили только на рассвете. Мы проснулись от ярких солнечных лучей, когда занавес у входа в шатер был уже откинут и около нашего ложа собралось множество подростков, желавших подвергнуться обследованию. Мы молниеносно умылись на глазах у бедуинов, экономя воду, что особенно понравилось Оливеру. После завтрака — горячее молоко, свежие хлебные лепешки и мафрука (зажаренные в масле финики без косточек) — осмотр возобновился. Пришли бедуины из других шатров — они тоже хотели, чтобы их выслушали и задали им вопросы. Оба врача пришли к единому мнению: за редким исключением, все прошедшие осмотр бедуины вполне здоровы и чисты.

В качестве гонорара шейх предложил нам чернобелого барана, которого, по его мнению, мы должны были живым доставить в Каир. Это предложение показалось нам малопривлекательным — ведь нас в машине и так пятеро. Наше контрпредложение — заколоть барана на месте и устроить совместную трапезу — было принято. После вкусного и сытного праздничного обеда мы сердечно распрощались с хозяевами и отправились в обратный путь.

«Смерть более истинна, чем жизнь»

Изредка нам попадались на глаза могилы бедуинов, расположенные большей частью на возвышенных местах и отмеченные либо кучей камней, либо потрепанными ветром флагштоками.

— А как бедуины хоронят своих покойников? — спросила доктор Купфершмидт.

Я мог рассказать ей кое-что об этом, потому что однажды мне случилось быть в лагере, когда там умирал старик. Бедуины опрыскивали его лицо водой, произнося: «Ла Иллаха ил-Аллах, смерть более истинна, чем жизнь...» После того как он испустил дух, ближайшие родственники по мужской линии раздели его, обмыли водой, заткнули все отверстия в теле овечьей шерстью и обернули труп чистым полотнищем. Все это совершилось в полном спокойствии и сопровождалось обращениями к Аллаху. В это время женщины громко оплаки-

вали умершего у входа в шатер. Его жена и дочери разорвали на себе одежду, до крови расцарапали лицо и грудь и посыпали распущенные волосы пылью и пеплом. Эти выражения скорби и отчаяния продолжались много часов кряду, причем вопли становились все громче, ибо подходили новые плакальщицы.

Мужчины привязали тело умершего к верблюду и повели его на ближайший холм, ибо, как писал М. Оппенгейм, бедуин не хочет, чтобы его хоронили в долине или котловине. Он хотел бы покойться на вершине высокого холма или горы, откуда надеется видеть своих соплеменников, если они разобьют шатры неподалеку.

Придя на место, бедуины мотыгами вырыли неглубокую яму и осторожно положили в нее покойника на правый бок лицом на восток, в сторону Мекки. Под чтение Фатихи засыпали землей, а чтобы ее не потревожил степной волк, навалили груду камней. Ружейный залп возвестил, что погребение закончено.

Участники церемонии, не торопясь, вернулись в шатер усопшего, а его сыновья пригласили всех на поминки. Было зарезано несколько баранов. Все сидели со строгими, серьезными лицами, но никто не пролил ни слезинки. Воздавали хвалу покойному, превосходным личным качествам и добрым делам его. «Он был храбрым героем, примерным гостеприимным хозяином и благородным человеком. По воле Аллаха он сегодня покинул нас...» «Пусть Аллах заменит вам ушедшего!» А родственники покойного отвечали: «Аллах воздаст вам!» Чрез 40 дней устраивают еще одну торжественную трапезу, и на этом траур для вдовы и дочерей заканчивается. Они могут снова одевать повседневное платье и посещать другие шатры.

Если умирает ребенок или женщина, то вокруг трупа хлопочут только женщины. Мужчины вообще не участвуют в церемонии. Строгое разделение полов даже после смерти! Я вспоминаю, какое удивленное лицо было у одного вдовца, когда я выразил ему соболезнование по поводу кончины его жены. Он едва выслушал мои слова и тотчас переменил тему разговора.

Современные клиники на земле бедуинов

По мере того как улучшаются условия жизни в молодых независимых государствах арабского мира, кочевники во многих районах получают все большую возможность обращаться к врачу или хотя бы к санитару. В степях и полупустынях Алжира, Ливии, Египта, Сирии, Ирака и других арабских странах создана сеть государственных поликлиник и амбулаторий. Сначала их персонал был загружен лишь наполовину. Понадобилась длительная и терпеливая просветительная работа, чтобы убедить бедуинов и феллахов в преимуществах современного медицинского обслуживания. Они цепляются за свои традиционные методы лечения и обращаются к врачу или дипломированной акушерке лишь в тех случаях, когда едва ли уже возможно оказать помощь. Ложный стыд у женщин, предрассудки, недоверие осложняют работу врачей в сельской местности. Я проводил много времени с сотрудниками таких отдаленных медицинских пунктов, которые в ожидании пациентов играли в карты или в шахматы. Однажды в Бутане (степь в Судане) меня с солнечным ударом доставили в недавно открывшуюся клинику. Врачи и медсестры наперебой проявляли служебное рвение и готовность прийти на помощь: я был единственным пациентом в этом большом медицинском учреждении! Но они терпеливо ждали, так как понимали, что время работает на них. Пример бедуинов, избавившихся от недугов с помощью современных научных методов лечения, обязательно подействует на соплеменников!

Чтобы делать прививки против оспы, тифа, холеры и других вирусных заболеваний, приходится зачастую прибегать к легкому насилию, используя авторитет вождей.

Однако в деревнях все еще недостает врачей (почти весь медицинский персонал сосредоточен в крупных городах), далеко не все бедуины и феллахи охвачены квалифицированной помощью. Если, например, в Дамаске на больничную койку приходится 421 житель, то в северо-восточном аграрном округе Хасеке — 4395, а в бедуинском районе Ракка — 5176 человек. Лечение в таких государственных больницах бесплатное в отличие от широко распространенных на Востоке частных по-

ликлиник. Лекарства и медикаменты также выдаются бесплатно.

В обнародованной в 1962 году президентом Г. А. Насером Национальной хартии Египта было записано, что каждый гражданин имеет право на медицинское обслуживание и оно должно быть в любое время легкодоступно для каждого гражданина в любом уголке страны. Уход и медикаменты не могут больше быть объектами торговли.

Трудно привести точные данные о численности бедуинов, так как они очень недоверчиво относятся к статистическим обследованиям. Может быть, они боятся, что учет их численности будет способствовать увеличению налогов, призыву на военную службу и другим государственным повинностям. Полуоседлые и оседлые бедуины поддаются учету легче. Их количество увеличивается из года в год, ибо регулярное медицинское обслуживание им более доступно, чем их соплеменникам, затерянным на бескрайних пастбищах Аравии, по которым они периодически кочуют.

Жизнь меняется. Об этом можно судить хотя бы по тому, что сейчас успешно работают врачи-бедуины, и среди них даже женщины. Одна из них — врач Олифат Абдель Кадир. Внешне она ничем не отличалась от других женщин, которых я встречал в Каире. Красивая, стройная; между глаз едва заметная голубая татуировка. Это меня особенно заинтересовало. Однажды мы пили чай на балконе, и она рассказала о своей жизни:

— Я ливийка и родилась в шатре кочевников-муджабра, которые доходили до Феццана. Маленькой девочкой я пасла вместе с братьями и сестрами стада коз моего отца. Когда мне исполнилось семь, родители отдали меня родственникам, у которых был свой дом в Бенгази. Я ходила в школу, и ученье доставляло мне радость, хотя я часто тосковала по жизни в степи. К счастью, каникулы я могла проводить с земляками. Чем старше я становилась, тем больше мне хотелось научиться чему-нибудь полезному. Со временем у меня окрепло желание помогать моему народу. Поэтому после окончания средней школы я решила изучать медицину и приехала в Каир: в Ливии тогда не было университета. Два года назад я сдала государственные экзамены и с тех пор работаю врачом-ассистентом в университетской глазной .

клинике. Если Аллаху будет угодно, после годичной подготовки в этой клинике я буду работать глазным врачом в Бенгази.

Конечно, Олифат — это исключение, но я убежден, что бедуинка намного быстрее сможет убедить своих соплеменников в преимуществах современной медицины. Хорошо понимая свою ответственность перед земляками, молодая женщина сказала: «Я бы хотела работать в больнице, которая ближе всего расположена к тому району, где живут бедуины муджабра».

Пустыня и следы не лгут.

Арабская поговорка

Идея написать эту главу возникла у меня, когда в конце 1971 года я прочитал в газетах сообщение о том, что более 36 тысяч верблюдов в пустыне Северной Африки подобно автомашинам должны получить номерные знаки. Во всяком случае такое распоряжение отдала администрация округа Мерса-Матрух, после того как много раз были обнаружены безнадзорные верблюжьи караваны, перевозившие контрабандные товары.

Читателю, может быть, это сообщение покажется немного смешным, но не египетской пограничной полиции: контрабандный провоз товаров в Ливию и обратно не дает ей покоя, держит в постоянном напряжении. Я вспоминаю многочисленные подробности, связанные с моим пребыванием в этом красивом портовом городе в 1968—1969 году. Мерса-Матрух — это действительно цитадель контрабандистов, принадлежащих в основном к племени аулад-али. Председатель городского суда в речи по этому поводу говорил, что ежегодно в среднем он рассматривает две тысячи дел, связанных с нелегальной торговлей с Ливией, и что суд узнает лишь о небольшой части контрабандных операций.

Чтобы миновать пограничный таможенный контроль, бедуинам пришла в голову идея использовать тех верблюдов, которые даже во сне способны без провожатых найти дорогу через границу. Помогут ли властям «номерные знаки»? Это весьма сомнительно. Ведь, кроме всего прочего, у каждого верблюда выжжено тавро его законного владельца.

Наказание, которое полагается для задержанного контрабандиста,— это конфискация незаконно перевозимого товара и транспортных средств, а также денежный

штраф в размере таможенной пошлины. Несмотря на эти судебные санкции, аулад-али снова и снова переправляют в Ливию стада баранов для убоя и груженные зерновыми верблюжьи караваны. Там они сбывают эти товары за твердую валюту, а на ливийских рынках приобретают предметы роскоши: японские транзисторы и кассетные магнитофоны, итальянские ткани, английское туалетное мыло и высококачественные консервы, японские наручные часы и т. п.— и все это они прибыльно сбывают в Египте. Переправив эти «горячие товары» незаметно через границу, аулад-али без особого труда при помощи перекупщиков доставляют их заинтересованным лицам. В самом Мерса-Матрухе, а также в Александрии и в Каире можно на многих перекрестках наблюдать за действиями спекулянтов, сбывающих контрабандные товары.

В оазисе Сива я наблюдал, как контрабандисты работают по системе заказов. Достаточно лишь сказать им: «Мне нужно то-то и то-то из Ливии», и через неделю вам доставят желаемый товар.

Но сегодня для транспортировки контрабандных товаров используются не только верблюжьи караваны. В век современной техники для этой цели в ход идут, само собой разумеется, и автомашины, и самолеты, и поезда! В июле 1968 года я однажды стал невольным свидетелем изощренного способа доставки контрабанды. Я возвращался по железной дороге из Мерса-Матруха в Александрию. Мои спутники уже сошли на разных станциях, и я сидел в купе один. Незадолго до Бург-эль-Араба, предпоследней станции, дверь распахнулась, и в купе зашли трое мужчин, сам вид которых внушал мало доверия. Один тотчас стал спиной к двери и охранял вход; другой сел рядом со мной, хотя все купе было свободно, и пробормотал: «Пусть господин смотрит прямо перед собой и ни в коем случае не в окно. Понятно?» Чтобы подкрепить свое требование, он на миг показал мне длинный нож, спрятанный под курткой. Третий тем временем орудовал различными инструментами в кондиционере под окном купе. Он копошился весьма усердно, пока ему не удалось удалить клапан вентиляции. С большим шумом оттуда вываливались всевозможные предметы. Мой охранник поспешил к нему на помощь и, как мне удалось заметить (взглянул краешком гла-

за), бросил в заранее приготовленный мешок около двух десятков японских транзисторных радиоприемников средней величины. Чувствительные аппараты заслуживали лучшего обращения, но парни очень спешили! Выходя, мой телохранитель сказал мне с угрожающей миной: «Никому ни слова об этом! Вы нас не видели!» Я допускаю, что «деловые друзья» контрабандистов на ливийской стороне устроили здесь тайник и регулярно пополняли его.

Записки таможенного офицера

Этот пример показывает, насколько усовершенствовалась техника контрабандной торговли. Здесь уже не нужны следопыты, которые некогда были самыми важными людьми таможенной службы в пустынных областях Востока. А. фон Думрейхер, служивший в первые десятилетия нашего века на египетской границе, уже тогда вел борьбу с процветавшей контрабандной торговлей наркотиками. Неоценимую помощь оказывали ему бедуинские следопыты. В своих мемуарах он выразительно описывает их замечательную способность «читать следы». Все, что движется по пустыне, непременно оставляет после себя следы. Они быстро развеиваются на движущихся дюнах, а также в тех местах, где песок мелкий, как порошок; но на глине или суглинке следы сохраняются долго, иногда в течение нескольких месяцев. Со временем следы изменяют свой вид: контуры отпечатка ноги слаживаются, и по этим изменениям опытный следопыт может установить «возраст» следа. Он определяет даже время дня, когда был оставлен след: если караван идет, например, ночью, то следы остаются на камнях и кустах, которые днем верблюды, конечно, обошли бы. По степени влажности верблюжьего помета можно судить о том, когда прошел караван через то или иное место.

Бедуины высоко ценят искусство чтения следов и накапливают эти навыки с детства. Они учатся различать отпечатки ног членов семьи, соседей, следы верблюдов, овец, коз, пастушеских собак и диких животных. Очень важно, например, перед тем как раскопать норку тушканчика, убедиться в том, не устроилась ли там гадюка,— об этом могут поведать следы на песке.

Мужчина, женщина, ребенок, женщина с ребенком оставляют разные следы. Женщина, которая несет ребенка, делает более короткие шаги и сильнее нажимает на пятки; бегущий мужчина оставляет отпечатки ног на расстоянии, вдвое превышающем то, которое бывает при ходьбе. Следы верблюда, идущего без ноши, явно отличаются от следов груженого верблюда. Опытный бедуин без труда распознает, двигался ли караван неспешно, с «чистой совестью», или он шел очень быстро: ведь контрабандисты зачастую очень торопятся.

О наблюдательности бедуинов у арабов существует множество рассказов. Вот один из них.

Три бедуина ехали по пустыне и повстречали крестьянина, который искал заблудившегося верблюда. Они заговорили с ним:

— Аллах знает, что ты ищешь верблюда.

Он ответил:

— Да, это так.

Тогда первый сказал:

— Я знаю, что он одноглазый.

Второй добавил:

— Очевидно, он хромал при ходьбе.

Тогда крестьянин произнес:

— Он действительно такой и есть.

Теперь третий заметил:

— Ясно, что он везет пшеницу и мед.

Крестьянин подтвердил:

— Да, все так. Значит, вы его нашли. А теперь отведите меня к нему.

Тогда они ему сказали:

— Дорогой брат, иди и ищи своего верблюда сам, потому что мы не только не видели, но и не слышали про него ни от кого, кроме тебя. Затем они поехали своим путем, но крестьянин догнал их и схватил одного. Тогда бедуины решили обратиться к судье, чтобы тот разрешил их спор. Когда они пришли в суд, крестьянин воскликнул:

— О почтенный судья арабов! Эти люди наверняка украли моего верблюда, но отказываются вернуть его мне.

Кади задал им много вопросов, но не услышал ничего такого, что говорило бы о воровстве бедуинов. Тогда судья и все присутствовавшие подивились слушаю и

единодушно решили, что эти люди волшебники. Но старший из них встал посередине и сказал:

— Мы не волшебники и не знаем, где верблюд. Мы только знаем, как он выглядит, потому что умеем читать следы. По отпечаткам какого-либо предмета можем представить себе сам предмет.

Кади спросил:

— Как это получается?

Тогда они ответили:

— По следам верблюда мы узнали, что он убежал, ибо рядом с его следами не было следов человека. По его манере щипать коренья с одной стороны дороги мы поняли, что он одноглазый. По тому, что след от одного копыта был глубже, чем от других, нам стало ясно, что он хромает. О том, какой груз верблюд везет, мы догадались просто: о меде — по роям пчел, о пшенице — по множеству муравьев, которые тащили зерна в муравейники...

Тогда судья с почетом отпустил бедуинов и велел крестьянину идти своей дорогой и самому искать верблюда.

Рассказ свидетельствует о том, что бедуины обладают такими же способностями читать следы, как и североамериканские индейцы: А. Думрейхер в своих мемуарах пишет, что двадцать произвольно выбранных бедуинов читают какой-нибудь след «средней трудности» одинаково. Но там, где он более сложен, такого единства во мнениях нет. Одни оказываются более опытными и искусными, чем другие. Несомненно, что высшего мастерства в чтении следов достигают те, для кого это занятие становится основной профессией; во всяком случае бедуинские следопыты могут опираться на сокровищницу опыта, накопленного многими поколениями. У них выработался инстинкт правильного толкования следов, оставленных на песке. Если бедуин когда-либо попытается солгать, то ничто не призовет его быстрее к порядку, чем точное, не допускающее ложного толкования свидетельство — оставленный им след. Этим объясняется и отношение бедуина к людям, не умеющим читать следы. Говорить этим людям правду о следах, с точки зрения бедуина, — совершенно напрасная трата времени. Отсюда и те трудности, с которыми связано получение от бедуинских следопытов четких данных о

значении отпечатков. Следопыт сообщает свои соображения только тому, кто сам знаком с искусством чтения следов. Нередко чиновник, расследующий какое-либо преступление, не обладает соответствующими познаниями, и поэтому его часто водят за нос. Никогда не следует пользоваться услугами следопыта из того племени, члены которого каким-либо образом причастны к расследуемому событию. Следопыт нарочно будет давать ложное толкование следам, чтобы отвести подозрение от своих соплеменников, так как родственное чувство развито у него значительно сильнее, чем чувство долга. По этой причине рекомендуется брать следопытов из того племени, которое живет за много сот миль от места, где было совершено уголовное преступление. Эти следопыты не связаны семейными узами и будут идти по следу с надежностью ищейки и обязательно обнаружат преступника.

Тот же автор рассказывает о следопыте Эргиа из племени аулад-али, которого он нанял для борьбы с контрабандой. Благодаря ему были разоблачены десятки контрабандистов. Он с какой-то сказочной уверенностью находил нарушителей по оставленным следам. Эргия особенно удачно подходил для работы в таможенном розыске, потому что раньше он сам долгие годы занимался контрабандной торговлей табаком и гашишем в пограничных районах Египта и прошел, как говорится, огонь, воду и медные трубы. Но однажды он попытался обмануть таможню. Эргия увидел, что подозрительный след, обнаруженный тогда в Ливийской пустыне, был следом его двоюродного брата, провозившего контрабанду. Он попытался отвести подозрение от родственника, утверждая, что речь идет лишь о перевозке фиников на рынок в Мариуте. Но Сулейман, коллега Эргии по таможенному розыску из верхнеегипетского бедуинского племени ма'аза, нашел на месте остановки каравана отпечаток холщового мешка на песке. В таких мешках в то время перевозили гашиш! Ма'ази опроверг ложную информацию Эргии, и преследование каравана продолжалось. На следующий день патруль настиг его, и наркотик был конфискован.

Если случаи торговли наркотиками -- это четко выраженное уголовное преступление, то история с контрабандной торговлей солью в Египте показывает, как

безобидный промысел может в течение одной ночи стать также преступлением. В начале нашего века правительство хедива Аббаса Хильми II ввело государственную монополию на соль, чтобы, повысив налоги, пополнить за счет простого народа казну. Закон запретил любую частную добычу пищевой соли и торговлю ею. Многие простые египтяне, в том числе бедуины Верхнего Египта, неожиданно оказались в роли нарушителей закона. То, что раньше считалось честным заработка, теперь рассматривалось как противозаконные действия. Как сообщает Думрейхер, в результате этих правительственных мероприятий стремительно возросла преступность. Торговцев солью, продолжавших свое занятие, нелегально бросали в переполненные тюрьмы Верхнего Египта, где против воли они вступали в тесный контакт с преступниками всех мастей: ворами, вымогателями, убийцами. После того как бывшие скромные контрабандисты, торговавшие солью, отбывали свой срок, они объединялись со своими новыми «друзьями» и вместе с ними совершали преступления, на этот раз уже тяжкие. Так тюрьмы стали настоящими школами для уголовников, а прежние безобидные контрабандисты превращались таким образом в опасных грабителей на больших дорогах.

Начальник египетского таможенного розыска говорит, что многие из арестованных торговцев солью воспринимали отбывание в тюрьме как не слишком уж суровое наказание. Один из известных контрабандистов недвусмысленно заявил, что он охотно садится в тюрьму, потому что повстречает там многих прежних друзей. После нескольких арестов он чувствует себя в «кутузке», как дома, и говорит, что по крайней мере он сможет немного отдохнуть и бесплатно поесть. Жизнь в тюрьме очень интересна, и для него это приятное развлечение после напряженной работы в солеварне.

В других областях Османской империи государственная монополия на соль была введена еще раньше. В мае 1862 года Высокая порта издала общий указ о соляной монополии в Палестине, Сирии и Иране. Вплоть до первой мировой войны контрабандная торговля солью, которой занимались бедуины, процветала у Мертвого моря в районе Эль-Ариша. Если турецкие таможенники задерживали их, то наказывали высоким денежным штрафом или заключали в тюрьму.

Поскольку контрабандисты хорошо знали местные условия, им большей частью удавалось ускользнуть от охраны. Они снабжали дешевой солью малоимущих жителей деревень Месопотамии и долины Хаурана. У крестьян зачастую не было наличных денег, поэтому бедуины выменивали соль на другие продукты.

О том, как мало контрабандисты уважали власти, свидетельствует рассказ Думрейхера о Фариге, торговце гашишем в Верхнем Египте. Он превосходно знал все горные троны на побережье Красного моря, и его приняли на службу в пограничную охрану. Когда срок службы истек, он сказал на прощание начальнику: «Мне очень понравилось служить в пограничной охране, и к тому же я заработал хорошие деньги. Во время моей службы я нашел неизвестную мне ранее горную тропу, которую смогу использовать позже, чтобы переправлять мой гашиш в долину Нила».

Опасный бизнес

«Гашиш» по-арабски «трава», но в данном случае имеется в виду совершенно особая трава, а именно индийская конопля (*Cannabis indicum*), которая возделывается в Турции, Иране, Ливане и других странах. Высущенный гашиш курят в кальяне или подмешивают в обычный папиросный табак. Гашиш вызывает состояние опьянения и бреда, унося курильщика на несколько часов в мир фантастических видений. Очнувшись, он испытывает ужасную головную боль, которую заглушает новой дозой гашиша. Его воздействие на нервную систему сходно с действием опиума и его производных — морфия и героина. Резкое повышение спроса на эти наркотики в капиталистическом мире повлекло за собой и огромное расширение контрабандной торговли ими. Она уже давно ушла из рук бедуинов, да они и не употребляют наркотиков. Давно миновали те «романтические» времена, когда кочевники перед границей подмешивали верблюдам в пищу капсулы с наркотиками, и животные после прохождения таможенного контроля «возвращали» их непереваренными.

После того как этим доходным бизнесом занялись международные гангстерские объединения, между ними ведется ожесточенная борьба, в ход идут любые

средства, чтобы завладеть этим желанным «продуктом», за который на «черных рынках» западного мира расплачиваются золотом. В книге «Облава в Бейруте» корреспондент АДН Г. Кирмес сообщает о сказочных прибылях, получаемых профессиональными торговцами наркотиками. Скупщики платят производителю за килограмм гашиша от 20 до 50 долларов. Его потребители в США и Западной Европе покупают то же количество более чем за тысячу долларов. Значительно большие доходы извлекаются из торговли производными опиума. За один килограмм необработанного опиума — его государственная закупочная цена в Турции 7 долларов — агенты потребителей наркотиков платят производителю почти тройную цену. В тайных лабораториях из 10 килограммов морфия получают около 900 граммов чистого героина. Одного фунта этого белого порошка достаточно, чтобы изготовить 20 тысяч доз, к которым часто подмешивают лактозу или обычную муку. Эти дозы желающие приобретают по цене 5 долларов за каждую. Таким образом фунт героина приносит почти 100 тысяч долларов прибыли! По данным сотрудника Ливанского бюро по борьбе с наркотиками, основными потребителями этого товара, вывезенного контрабандным путем, являются США и страны Западной Европы. Из всего, поступающего в Западную Европу количества наркотиков, около 75% сбывается в ФРГ.

Весьма неприглядную роль в этом грязном бизнесе играет Израиль, как об этом свидетельствует официальный отчет Миссии ООН по изучению проблемы наркотиков на Ближнем Востоке. В середине 1971 года стали известны новые доказательства того, что израильские власти открыто попустительствуют контрабандной торговле наркотиками на оккупированных арабских территориях, а также транзиту наркотиков через оккупированный Синайский полуостров в Египет и другие арабские страны.

В феврале 1971 года египетские пограничники конфисковали на одном из островов Красного моря — в 20 километрах от побережья — две тонны гашиша и опиума, доставленного из Израиля и предназначавшегося для контрабандного ввоза в Египет. На судебных процессах в Ливане и Ираке были вскрыты факты, свидетельствовавшие о том, что контрабандисты одновремен-

но выполняли и шпионские задания для своих израильских хозяев.

В целях борьбы с опасной контрабандной торговлей наркотиками при Лиге арабских государств (ЛАГ) несколько лет назад было создано Бюро по наркотикам, которое работает в тесном сотрудничестве с Интерполом и специальными органами ООН. Обученные собаки-ищейки могут обнаруживать наиболее тщательно замаскированные тайники контрабандистов.

Г. Кирмес приводит яркий пример, говорящий о том, что международные преступные синдикаты в случае необходимости не останавливаются даже перед применением силы. Он пишет, что зафрахтованный американскими контрабандистами самолет типа «Конвейор-240» проник в воздушное пространство Ливана. Машина на несколько минут приземлилась в долине Тиби, приняла на борт от соучастников заранее подготовленный груз — 13 тонн наркотиков — и снова поднялась в воздух. С самолета был открыт автоматный огонь по приближавшимся полицейским. Преступники, которых преследовали армейские вертолеты, вынуждены были из-за недостатка горючего совершить посадку на Крите, где и были арестованы. Одна из американских газет сообщила, что трое из задержанных гангстеров имели награды за «геройские подвиги» во вьетнамской войне.

Такой же острой стала и проблема тайной торговли оружием, правда, она не обсуждается так открыто. Современное огнестрельное оружие особенно широко стало распространяться на Ближнем Востоке в годы первой мировой войны. Бедуины использовали любую возможность, чтобы приобрести такое оружие и боеприпасы к нему. По их мнению, быть хорошо вооруженным — это и безусловная необходимость и к тому же вопрос престижа.

У многих читателей может возникнуть вопрос: почему именно бедуины проявляют столь ярко выраженную склонность к контрабанде и нелегальному переходу границ? В качестве ответа я хотел бы назвать по крайней мере две причины. Во-первых, бедуины, которые живут еще в условиях родового строя⁵², большей частью не понимают незаконности своих действий. Законы, которые издает правительство, не занимают никакого места в их мышлении, и они практически познают их силу

только во время столкновений с таможенниками и пограничниками. Во-вторых, арабские государства с современными границами — это политические образования, возникшие лишь в начале нашего столетия в ходе колониального завоевания арабского мира империалистами; они произвольно разрезали районы обитания племен и пастбища кочевников. Вот почему бедуины с самого начала не питают уважения к этим границам, рассматривая их как попрание своих исконных прав.

Спорные пограничные области

В некоторых регионах арабского мира до сих пор границы между отдельными государствами обозначены неточно даже на картах. Это приводит к возникновению напряженности в отношениях между странами. В основном речь идет о границах на юге Марокко и на севере и северо-западе Судана, о пустынных областях между Саудовской Аравией и Иорданией.

Израиль в несколько раз увеличил свою территорию военным путем за счет аннексии и незаконной оккупации соседних арабских областей.

Многие бедуины до сих пор не считают себя гражданами той страны, где они живут, и далеко не у всех у них есть паспорта. Они выбирают направления для своих кочевок, не обращая ни малейшего внимания на то, как проходит государственная граница, считаясь только с потребностями своих стад, наличием естественных пастбищ. Правительства стран, куда приходят бедуины, молчаливо признают это обычное право кочующих скотоводов и беспрепятственно пропускают их через границы. В некоторых областях Аравии, например на так называемых Нейтральных зонах, подобные действия бедуинов признаны официально — кочевые племена различного происхождения во время пастбищного сезона пользуются здесь неограниченным гостевым правом. Такие «Нейтральные зоны» отмечены на картах в Южном Ираке, между Кувейтом и Саудовской Аравией и южнее эмирата Кувейт. Последняя из названных Нейтральных зон в 1964 году была поделена между обоими прилегающими государствами, чтобы решить спор относительно прав на найденные здесь нефтяные источники.

Многие незаселенные пустынные районы, которые

раньше без особых раздумий отдавались бедуинам, теперь стали центрами ожесточенных столкновений интересов местных властителей и их соперничающих «защитников» — империалистических нефтяных монополий. И это произошло именно в то время, когда здесь были открыты источники нефти или только велась ее разведка. Ареной таких локальных конфликтов стали пограничные области между эмирятами Персидского залива и Саудовской Аравией. Оправдывая свои притязания, главы этих государств ссылались на то, что бедуинские племена на спорных территориях платят им налоги, поэтому кочевников надо рассматривать как их подданных, а следовательно, желанная нефть должна считаться их законной собственностью. Самое смешное — спорящие правители старались склонить бедуинских шейхов платить налоги, делая им подарки, стоимость которых намного превосходила сумму налогов, полученных от этих бедуинских племен. Рассказывают, что ловкие шейхи попеременно получали ценные подношения от правителей Абу-Даби, Катара и Саудовской Аравии, с невинным видом уверяя каждого, что именно он является законным «отцом страны». Из последней главы этой книги мы узнаем, что простые кочевники получали лишь ничтожную долю от того долларового дождя, который пролился после того, как в областях, где жили их племена, обосновались нефтяные монополии.

Если границы между некоторыми арабскими государствами для скотоводов-кочевников были вполне преодолимы, то непроницаемым барьером стал для них Суэцкий канал.

Когда утром 17 ноября 1869 года, спустя 10 лет после начала строительства, этот искусственный водный путь (длиной 161 километр) между Красным и Средиземным морями был открыт для международного морского сообщения, был положен конец кочевьям и грабительским нападениям бедуинов Синай на соседние североафриканские племена и наоборот, хотя строители этого канала совсем не рассматривали его как средство контроля за передвижениями кочевников.

...Арабские племена внутри материка Африки, вдали от берега, не подчинятся. Их будут долго еще «цивилизовать» штыком, пулей, веревкой, огнем, насиливанием женщин.

В. И. Ленин⁵³

Становится грустно, когда, бросая ретроспективный взгляд в историю, видишь, как часто во времена колониального захвата арабских земель империалисты лживыми посланиями принуждали бедуинов вести боевые операции, сопровождавшиеся бесчисленными потерями, хотя они действовали по существу против собственных интересов, ибо удар был направлен прямо по арабскому национально-освободительному движению. Беззаветная верность бедуинов своим вождям, их вошедшее в поговорку мужество в бою, но вместе с тем и их стремление к захвату военной добычи — все это использовалось в дурных целях. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

В годы первой мировой войны Ближний Восток был ареной ожесточенных столкновений между англо-французским блоком и германскими империалистами, выступавшими в союзе с Турцией. Речь шла при этом о завоевании стратегически важных позиций в Передней Азии и об овладении сулившими огромные барыши нефтяными источниками Аравии. До февраля 1916 года военное положение британской армии было весьма неблагоприятным: она терпела одно поражение за другим в зоне Персидского залива и в Иране. Британское верховное командование напряженно искало выхода. Известный историк Л. Ратман (ГДР) в книге «Арабы восстают» писал, что Англия, стремясь использовать арабские народы в качестве пушечного мяса в борьбе против германо-турецкого блока, решила привлечь на свою сторону арабское национально-освободительное движение, дав

ему далеко идущие обещания. Борьбу арабских патриотов за освобождение от реакционного турецкого владычества предполагалось использовать в агрессивных целях английского империализма на Ближнем и Среднем Востоке.

Большое предательство

Задача поднять бедуинские племена в годы первой мировой войны против германо-турецких войск была возложена на английского полковника Томаса Эдварда Лоуренса, которого Уинстон Черчилль с восхищением назвал «сверхчеловеком» и который впоследствии стал английским национальным героем — Лоуренсом Аравийским. На деле же Лоуренс был жестоким и коварным агентом английского империализма, хитростью и подкупом гнавшим бедуинов на беспощадную истребительную войну.

Арабскими вспомогательными войсками командовал эмир Фейсал, старший сын великого шерифа Хуссейна. Первая цель этой кампании, которой руководила британская разведка, заключалась в том, чтобы прервать сообщение по Хиджазской железной дороге, связывавшей Маан в Южной Иордании с Мединой и имевшей важное значение для переброски турецко-германских войск. Серия взрывов парализовала движение поездов по этой важной коммуникации, что ослабило боевую мощь противника. После этого Хиджазская железная дорога больше не функционировала.

В книге «Восстание в пустыне» Лоуренс с поистине садистским удовольствием описывает, как осуществлялись эти акции. Он спустился на место взрыва, чтобы посмотреть, как сработала мина. Мостовой пролет взлетел в воздух, и первый вагон, битком набитый больными, свалился вниз. Погибли все, за исключением трех-четырех человек; убитые и умирающие в разбитом конце вагона смешались в сплошную кровавую массу. Один из еще живых выкрикивал в бреду лишь одно слово — «тиф». Долина превратилась в настоящий адский котел. Арабы как сумасшедшие носились вокруг с непокрытыми головами, полуголые, рыча, стреляя вслепую, царапались и били друг друга кулаками, взламывая вагоны

и растаскивая в стороны тяжелые тюки. Верблюды стали общим достоянием. Каждый взваливал на первого же попавшегося верблюда столько, сколько тот мог увезти, и гнал его куда-то на запад, помышляя о новой добыче.

Свою отборную часть Лоуренс формировал из наиболее отчаянных бедуинов. Он набрал их из 30 различных племен и муштровал, доводя до полного изнеможения. За полчаса они были способны подготовиться к шестинедельному походу — большей нагрузки лошади выдержать не могут.

Вести с собой груженых верблюдов они считали позором. Зависимые от воли Лоуренса, они ехали день и ночь непрерывно и считали делом своей чести никогда не выказывать признаков усталости. Они дрались как черти, иногда и без приказа командира, но только с турками или теми, кто не принадлежал к корпусу. Им надо было много платить, но и муштровать их приходилось по особому. Они повсюду похвалялись и наказаниями, которым подвергались, и доходами, которые имели. Но только жестокостью можно было держать этих отчаянных парней в узде. Благодаря различию в их происхождении у Лоуренса была возможность иметь и заложников и шпионов повсюду, где он обретался,— между Бершебой и Багдадом, между Акабой и Дамаском. Шестьдесят человек погибли на службе у Лоуренса.

Победе англичан на ближневосточном театре военных действий способствовали и входившие в состав частей Лоуренса бедуины племени рувала во главе с шейхом Нури Ша'alanом.

В декабре 1917 года объединенные британские и арабские войска заняли Иерусалим, а 1 октября 1918 года победоносно вступили в Дамаск. Месяц спустя Турция была вынуждена подписать в Мудросе безоговорочную капитуляцию.

Тысячи арабов ценой своих жизней способствовали достижению победы, но эти жертвы были напрасны, ибо обещанное вознаграждение так и не последовало. Империалистические державы стремились лишь укрепить свою мощь и наложили на арабов цепи колониального господства. Один грабитель сменил другого. По тайному соглашению с Францией Англия укрепилась в Палестине, включая и созданную позже Трансиорданию, а также в Ираке; Франция получила мандат на управле-

ние Сирией и Ливаном. Началась упорная борьба арабов за национальное освобождение.

Конец Лоуренса был плачевным. Его биограф Э. Наттинг писал, что, когда кровавый туман выветрился из его головы, Лоуренс уже сознавал, что все конечно; он был предельно изношен, истощен физически и душевно. Лоуренс искал возможности как-нибудь скрыться и поэтому сперва сменил имя и фамилию на Д. Х. Росс, а затем — на Т. Е. Шоу. Удостоенный многих наград полковник поступил на службу в британский воздушный флот в качестве простого солдата и находился там до самой смерти в 1935 году. Наттинг констатирует, что тогда Лоуренса восхищало, что рычащие унтер-офицеры совершали насилие над его духом. В одном из писем матери, уже психически больной, Лоуренс писал, что нет ничего более успокаивающего, чем выполнять приказы идиотов.

Отборные войска против народа

Ведя революционную борьбу за свое национальное освобождение, арабские патриоты выступали не только против иностранных угнетателей, но и против их союзников, представителей феодальной аристократии, которые после окончания первой мировой войны по воле колонизаторов вошли в состав марионеточных правительств. Для поддержки их власти снова были использованы арабские племена. Арабский легион Иордании, например, по праву считается одной из главных опор королевского трона. Это воинское формирование было создано в 20-е годы и обучено английскими офицерами. Наиболее известным командиром легиона с 1939 по 1956 год был английский генерал Д. Глабб. Свыше 10 тысяч легионеров были завербованы среди воинственных кочевников Восточной Иордании. Своих юношей в Амман послали племена шерарат, бени захр и терабин. Служить хашимитской династии считалось честью.

Всех новобранцев-бедуинов одели в форму английского покроя цвета хаки с традиционным арабским головным убором, куфийа — хлопчатобумажным платком в бело-черную клетку, и поверх него укалем — черным двойным кольцом из козьей шерсти с кокардой королев-

ства Иордании посередине. Вначале легион передвигался на верблюдах и лошадях, но вскоре был полностью моторизован; бывшие пастухи верблюдов управляли джипами и броневиками и даже пилотировали сверхзвуковые истребители. Им платили больше и обеспечивали лучше, чем любых других арабских солдат. Военнослужащие легиона хорошо понимали преимущества своего положения и рьяно их защищали, ибо боялись лишиться всего, когда король Иордании будет свергнут. Военная муштра и превосходное вооружение сделали легион ударным воинским формированием. На протяжении пятнадцатилетней истории с помощью легиона безжалостно подавлялись народные восстания и силой оружия разгонялись демонстрации демократических сил. Так, в 1951 году легион был введен в действие, после того как в мечети Эль-Акса в Иерусалиме был застрелен первый король Иордании Абдалла ибн Хусейн. Власти объявили чрезвычайное положение. Все мосты через Иордан были немедленно заняты. Палестинцы, которые составляли две трети населения страны и подозревались в соучастии в террористическом акте, подверглись сурожевым репрессиям. В кризисные дни израильской агрессии в июне 1967 года легион не был брошен в бой, а находился в полной боевой готовности в столице, чтобы в случае необходимости воспрепятствовать возможному свержению короля Хусейна ибн Талала, вступившего в 1952 году в 17-летнем возрасте на хашимитский трон и после увольнения английского генерала Глабба принял командование легионом.

Однако внутри этого бедуинского легиона начался разлад — следствие активной деятельности революционных элементов: имелись случаи братания офицеров легиона с восставшими крестьянами горных районов, начиная с 1957 года арестована и предана суду четвертая часть его офицеров.

Власть короля Иордании базировалась на финансовой помощи Англии и США; на эти средства он содержал и армию. Таким образом, Арабский легион был важнейшим орудием правящего режима в Аммане.

Другим примером того, как вводят в заблуждение воинов племен и заставляют их служить силам реакции, является Саудовская Аравия, где послушный США королевский дом Ибн Сауда наряду с регулярной арми-

ей содержал и отборные бедуинские войска — так называемую Белую армию. (Даже по названию — параллель с белогвардейцами в России.) Они вербовались из членов тех племен, которые многоократно доказали свою верность правящей семье Ибн Сауда. Командовал этими частями член королевского дома.

Саудовская Аравия снабжает шейхов кочевых племен горных районов Северного Йемена деньгами, оружием и боеприпасами, требуя взамен действий, направленных на срыв мирного развития молодой Народной Демократической Республики Йемен. Маленькие нефтяные княжества, образовавшие государство Объединенные Арабские Эмираты, тоже уже несколько лет содержат боевое бедуинское формирование «Верные скауты Омана», задача которого подавлять в зародыше любые мероприятия, которые могли бы помешать монополиям извлекать прибыли из нефти. Вдохновители неоколониалистских интриг отлично знают слабость бедуинов к хорошему оружию и используют ее в своих политических целях, снабжая племена винтовками и боеприпасами. В Южной Аравии английские империалисты сформировали легион из воинов бедуинских племен Хадрамаута. На протяжении десятилетий этот легион защищал интересы британской короны. Командовали им английские офицеры. В период службы проявлялись определенные «сопутствующие черты цивилизации». Австрийский этнолог В. Досталь, занимавшийся исследованием Южной Аравии, писал, что солдаты-бедуины учатся владеть современным оружием и другой военной техникой, они учатся повиновению и приобретают чувство ответственности. Среди членов различных племен, прежде враждебно относившихся друг к другу, возникают новые связи, являющиеся результатом совместной воинской службы. В этом поколении солдаты-бедуины часто кладут конец традиционной вражде и бывшие враги становятся друзьями. Одновременно их политическое сознание, которое раньше было связано лишь с одним конкретным районом, благодаря обучению и несению службы связывается отныне со всей территорией государства. Хотелось бы в заключение добавить, что Южный Йемен дал достаточно примеров того, как бывшие наемники из бедуинского легиона превращались в убежденных и стойких бойцов Национального

фронта освобождения Южного Йемена, после того как они осознали, что прежде ими злоупотребляли в интересах иностранных колонизаторов и их местных марионеток.

Сопротивление иностранному господству

Какую же позицию занимали кочевники пустыни, когда вторжение враждебных сил в зону их племен угрожало существованию их общности как целого? Ливийские бедуины, например, проявили большое мужество и готовность к самопожертвованию в боях против итальянских колониальных войск, вторгшихся в количестве 80 тысяч человек в Северную Африку осенью 1911 года, чтобы удовлетворить алчность итальянской буржуазии, участвовавшей в грабеже арабских народов. К моменту итальянского вторжения Ливия находилась еще под господством Османской империи; малочисленные турецкие гарнизоны капитулировали перед итальянцами, и Высокая порта была вынуждена уже в октябре 1912 года по Лозаннскому мирному договору уступить Италии свои притязания на Ливию. Но племена кочевников в глубине средиземноморского побережья и жители оазисов в Ливийской пустыне, руководимые сенуситами, отнюдь не были согласны со сложившимся положением и на протяжении еще двух десятилетий оказывали ожесточенное сопротивление итальянским колонизаторам.

Именно к грязным методам ведения Италией войны против ливийского гражданского населения относятся гневные, обвиняющие империализм слова В. И. Ленина, предложенные этой главе в качестве эпиграфа. В. И. Ленин назвал эту войну «усовершенствованной, цивилизованной человеческой бойней, избиением арабов при помощи „новейших“ орудий»⁵⁴. Эти варварские методы напоминают нам об ужасной кровавой бане, которую устроили англичане в Судане под командованием лорда Китченера. В битве при Омдурмане 2 сентября 1898 года англичане убили с помощью только что изобретенных пулеметов более 20 тысяч суданских борцов за свободу.

Поскольку французские и испанские колониальные войска приблизительно в это же время покорили насе-

ление Марокко, а Алжир уже в первой половине XIX века был оккупирован подразделениями пресловутого Иностранного легиона, к началу первой мировой войны все население Северной Африки оказалось в ярме европейских колониальных держав. Но это отнюдь не означало, что порабощенные народы смирились со своей участью. Наоборот, повсеместно вспыхнули восстания против ненавистного иностранного владычества. Огромным стимулом в борьбе арабских народов за независимость стала победа Великой Октябрьской социалистической революции в России. Молодая Советская власть незамедлительно объявила о своей солидарности с угнетенными и борющимися народами Востока в историческом обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 года, которое было перепечатано и прокомментировано в многочисленных арабских газетах. В этом документе говорилось: «Мусульмане Востока, персы и турки, арабы и индузы, все те, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители! Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, ... разделе Персии..., Турции и отнятии у нее Армении порваны и уничтожены... Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель! Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ! Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию! Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в собственных руках!»⁵⁵.

Вернемся в Ливию, где племена бедуинов Киренаики и приверженцы сенуситов в оазисах вели героическую борьбу против итальянских оккупантов. По приказу генерала Грациани захваченных в плен борцов сопротивления сбрасывали с самолетов, а кочевников Киренаики принудительно эвакуировали и загоняли в своеобразные концлагеря. Шейх Омар аль-Мухтар, один из руководителей ливийского движения сопротивления, был в 1931 году схвачен итальянцами и казнен.

Поголовье скота у кочевников в результате военных действий резко сократилось. Об этом свидетельствуют следующие данные:

Поголовье скота, тыс. голов	1910 г.	1926 г.	1933 г.
Овцы	713	800	98
Козы	546	70	25
Верблюды	83	75	2,6
Лошади	27	14	1
Рогатый скот	23	10	8,9

Таким образом, бедуины Ливии были лишены основы своего существования и буквально тысячами умирали голодной смертью.

Но на этом страдания североафриканского населения не закончились. В начале 40-х годов в пустынных районах египетско-ливийского побережья, которое простирается вплоть до Сахары, пронеслись опустошительные баталии второй мировой войны; здесь столкнулись интересы империалистических держав — фашистской германо-итальянской коалиции, с одной стороны, и союзных вооруженных сил, находившихся под британским командованием, — с другой. Пастбища мирных скотоводов стали ареной ожесточенных танковых сражений, в небе не утихали воздушные бои. Наиболее известными событиями этих дней стали осада английской крепости Тобрук гитлеровскими войсками и разгром полчищ Роммеля фельдмаршалом Монтгомери при Эль-Аламейне, положивший конец продвижению фашистских войск на Каир. Саперные части обеих воюющих сторон заминировали огромные площади в Сахаре, они и сейчас полностью не освобождены от мин. Пустыня стала могилой не только для десятков тысяч солдат, но и для многих мирных арабов.

Во время экспедиционных поездок я неоднократно бывал в прежних районах военных действий и отметил, что пастухи бедуинского племени аулад-али всегда идут позади своих стад, когда пасут их на полях былых сражений: если они случайно набредут на заминированный участок, то первыми взлетят на воздух овцы и козы. Я видел однажды результат такого взрыва: изуродованные тела бедуинов, искалеченные трупы животных.

В шатрах кочевников часто встречаются «безобид-

ные» реликвии второй мировой войны: сахарницы из коробок противогазов, воинские награды, служащие женщиным украшениями, и т. п.

В военном музее маленького египетского прибрежного селения Аламейн, где находятся и большие солдатские кладбища, многочисленные экспонаты напоминают о военном времени: здесь длинные ряды гусениц всех видов, пушки, бронетранспортеры, разнообразное стрелковое оружие, коварные мины нажимного действия, а также десятки знамен и штандартов воинских частей. У входа в музейный зал в витрине выставлена парадная форма Геринга, далее несколько восковых фигур, изображающих Роммеля в окружении шейхов племен в оазисе Сива. В целом экспозиция представляет собой совершенно некритическое, сенсационно подобранное собрание редкостей, которое превратилось в место паломничества для многих, хранящих «героические воспоминания» о минувшей войне. Осанистый музейный служитель не мог понять, почему мне не захотелось расписаться в толстой книге для посетителей.

Едва зарубцевались раны, нанесенные второй мировой войной народам Северной Африки, как империалисты начали готовить новые военные авантюры. В Ливии в Уилус Филде, недалеко от побережья, США создали крупную воздушную базу для тренировок пилотов бомбардировщиков и реактивных истребителей. Они представили возможность и своим союзникам по агрессивному блоку НАТО овладевать здесь самой современной военной авиационной техникой. То обстоятельство, что при тренировках подвергалось опасности и гражданское население, большей частью скрывалось от общественности.

В репортаже «Прощай, Уилус», напечатанном в ливийской газете «Ас-Саура», журналисты из ГДР Хейновски и Шойман рассказывают о том, как радовалось население Ливии, когда по настоянию ее правительства происходила эвакуация американской военной базы с территории этой страны. Они пишут об одном «героическом действии» американских оккупантов. В окрестностях Уилус Филда пастушка с дочерью гнала стадо овец в 40 голов. Когда американский пилот, пролетая над Уилус Филдом на тренировку в стрельбе по выставленным мишням, заметил стадо и пастушку, ему в голову при-

Шла дьявольская мысль: а почему бы не поупражняться на живых целях? Он немедленно привел свою идею в исполнение и несколько раз пикировал на мирное стадо, как будто под ним была вражеская танковая колонна. Он вел огонь из своей бортовой пушки до тех пор, пока на песке не остались неподвижно лежать все стадо, пастушка и ее дочь.

Известно, что убийцы в американской военной форме из Уилус Филда принимали участие и в преступной войне против вьетнамского народа.

Борьба за Синай

Скрытыми от мировой общественности остались многие преступления, которые израильские оккупанты совершили по отношению к арабскому населению, в том числе и ко многим бедуинам, на оккупированных в 1967 году арабских землях. Речь идет о племенах Синайского полуострова ховейтат, музейна, суварка и алеххат (около 50 тысяч человек), которые с незапамятных времен пасли здесь своих верблюдов и овец. Они уже частично перешли на оседлость и возделывали в прибрежных средиземноморских районах цитрусовые.

Однако в результате израильской агрессии бедуины неожиданно оказались отрезанными от побережья, откуда регулярно получали продукты, медикаменты и другие жизненно важные товары. Враждебная по отношению к арабам политика правящих кругов Израиля привела к тому, что многие умерли от голода, поскольку военные власти строго запретили ввоз какого бы то ни было продовольствия из Египта. С 1968 по апрель 1969 года окруженные бедуины получали небольшое количество продовольственных посылок через Международный Красный Крест, а потом Израиль запретил и эти посылки. Последствия запрета представить себе нетрудно. Скудные запасы продуктов продавались по головокружительным ценам «черного рынка», свирепствовали голод и болезни. Израиль преследовал вполне определенную цель — «деарабизацию» богатого естественными ресурсами Синайского полуострова. Те из местных жителей, кто не хотел умирать от голода, должны были либо переселиться, либо сотрудничать с оккупантами. Министр иностранных дел Израиля Аба Эбан в начале

1970 года решительно заявил, что его правительство намеревается довести арабов до отчаяния! Немногочисленные свидетели, которым удалось вырваться из этого ада, сообщали, что население Синая решительно и стойко сражалось против захватчиков. Часть их примкнула к тайной организации «Федайн» (Готовые жертвовать собой). Они доказали свою волю к борьбе, совершая цепенаправленные действия против ненавистных оккупантов. Например, в 1970 году погиб бедуинский шейх Хасан, когда он после удачной партизанской операции на Синае прикрывал отступление своих воинов-соплеменников.

Данная книга не ставит своей целью показать все многообразие освободительной борьбы арабского народа против сионистской захватнической политики на Ближнем Востоке, которая проводится при финансовой и моральной поддержке США и ФРГ,— наша книга посвящена прежде всего бедуинам, но одно можно констатировать со всей определенностью: 1,3 миллиона арабов, вынужденных жить под израильским господством, никогда не примирятся с таким положением. Справедливое решение палестинской проблемы, уход Израиля с оккупированных территорий, как это предусмотрено известными решениями Совета Безопасности ООН, останутся на повестке дня до тех пор, пока эти требования прогрессивного человечества не будут выполнены. За это мужественно борются и прогрессивные силы в самом Израиле.

В этом отношении большой интерес представляет статья члена ЦК Коммунистической партии Израиля Г. Лебрехта, опубликованная в октябре 1979 года в ГДР в еженедельнике «Хорионт». В статье говорится, что в середине декабря 1978 года на пресс-конференции, организованной Национальным комитетом по защите арабских земель, адвокат Мухаммед Му'ари, представляющий интересы бедуинов Негева, выступил со следующим заявлением: «До 1948 года бедуины Негева пользовались признанными Османской империей и администрацией британского мандата правами на владение 1,1 миллиона гектаров земли. Эти права были закреплены в письменной форме. В соответствии с израильскими законами и распоряжениями большинство их было аннулировано. В 50-х годах во владении бедуинов

еще оставалось около 200 тысяч гектаров земли. В последующие годы в результате захватов эта площадь сократилась до 30 тысяч гектаров. Теперь власти намерены отнять у бедуинов и остальное». Адвокат указал на специфические средства и методы, с помощью которых недавно был «легализован» этот грабеж. С 1965 года проводится так называемая регистрация земель в Негеве, поскольку бедуины все более настойчиво заявляют о своих правах. Несколько лет назад правительство создало Компромиссную комиссию по земельным делам бедуинов Негева. Эта комиссия разработала проект единого договора о передаче земельных прав бедуинов государственным сельскохозяйственным органам. Согласно договору, глава племени, скрепляющий его своей подписью, от имени всех соплеменников, их наследников и потомков обменивает принадлежащие, арендуемые или населенные племенем земли на другие, предоставляемые израильским правительством, или же на те, за которые оно получает финансовое вознаграждение. В соответствии с этим договором 50% земель должны сразу перейти к государству без всякого возмещения. Кроме того, от 10 до 20% земельных угодий (в зависимости от качества земли) должны быть «компенсированы» другой площадью в пределах их поселений. Остальное — от 30 до 40% — подлежит денежной «компенсации», которая составляет едва лишь десятую часть реальной стоимости.

Адвокат Му'ари показал представителям прессы оттиск договора. Он рассказал об одном 111-летнем шейхе, которого правительственный чиновник уговорил поставить свою подпись под этим обманным документом, оформленным в виде «соглашения». Сыновьям шейха не помогли ни прошения, ни судебные процессы. Более того, как сообщил адвокат представителям прессы, им было приказано явиться в полицейский участок в Беэр Шеве. Там на сыновей оказали давление: либо они не будут противиться «договору» и подвергать сомнению подлинность подписи шейха, либо их депортируют через границу в Иорданию или на Кипр.

Нет статистических данных относительно того, сколько бедуинов лишились за истекшие три десятилетия земли и сколько из них работают сегодня в качестве неквалифицированных поденщиков в городах и в еврейских поселениях на юге. Многие из них за очень низкую

плату вынуждены теперь обрабатывать свою бывшую собственность для новых «владельцев». Нет данных и о том, сколько детей бедуинов школьного возраста вынуждены выполнять барщинный труд на еврейских фермах и в кибуцах (крупные сельскохозяйственные кооперативы, которые в Израиле именуют «социалистическими»). Время от времени общественность узнает о подобных фактах. Не так давно кибуцы, граничащие с фермой министра сельского хозяйства Шарона, обвинили последнего в том, что на своей ферме он эксплуатирует труд бедуинских детей в возрасте от 9 до 12 лет. Шарон и его окружение сделали «ответный ход» и заявили в прессе, что лучше бы кибуцы помолчали, потому что они и сами..., и т. д. и т. п. Затем об этом деле замолчали. Но факты, свидетельствующие об эксплуатации труда детей бедуинов, характерны и для сегодняшнего дня.

Арабские бедуины Негева, которых обманом или силой лишили земли, сегодня занимают такие же боевые позиции, что и их братья на севере страны. Если в 1976 году правительству и некоторым сионистским партиям удалось удержать бедуинов Негева от участия в первой акции протеста 30 марта в «День земли», то теперь бедуины посыпают своих представителей в Национальный комитет по защите арабских земель. Тем самым бедуины Негева выступают против проводимой правящими кругами Израиля политики «разделяй и властвуй».

В воззвании, подписанном десятками бедуинских шейхов и других видных деятелей бедуинов, говорится: «Мы не уступим без борьбы оставшуюся у нас землю. Мы будем защищаться от актов насилия, разрушений и принудительной эвакуации. Мы будем вести совместную борьбу с целью мобилизации общественного мнения в Израиле и во всем мире против бесчеловечности, против продолжающегося грабежа наших коренных земель, нашего имущества, против посягательств на наши традиции. Мы хотим жить рядом с еврейским населением Израиля как добрые соседи и равноправные граждане, но отныне мы будем бороться против того, чтобы с нами обращались как с обделенными гражданами второго или третьего сорта, как с рабами или батраками»⁵⁶.

ВЫМИРАЮТ ЛИ БЕДУИНЫ?

Пустыня принадлежит нам.
Но мы знаем свой долг
Превратить пустыни в сады.
Мы мечтаем, чтобы жизнь обрела новый
Облик.
Но мы не только мечтаем, но и действуем
Слишком много пустынь на нашей земле.
Возьмитесь все, как мы, и стройте с нами
Жизнь!

Л. Фюрнберг

Глубокие социально-экономические преобразования, охватившие в настоящее время многие страны земного шара, не обошли стороной и народы отдаленных районов пустынь и полупустынь. Это обстоятельство может показаться тем, кто знаком с жизнью бедуинов лишь по описаниям путешественников, заслуживающим сожаления. Им жаль своих романтических представлений. Они оплакивают исчезновение вольных, гордых хозяев пустыни, идеалами которых были рыцарство, благородство и гостеприимство.

В действительности жизнь простых кочевников-скотоводов всегда была, как известно, суровой и полной лишений. Они страдают от голода и нехватки воды, от суетерий и болезней. Иракский исследователь бедуинов Аль-Джамали писал, что никто не может утверждать, будто кочевой образ жизни делает бедуина более счастливым, чем когда он переходит на оседлость. Ведь она дает ему большое преимущество жить в мире и безопасности, быть более зажиточным, иметь лучшие гигиенические условия, свободное время, возможность для отдыха.

Тот, кто не закрывает глаза на действительность, может только приветствовать изменение образа жизни бедуинов. Правда, достойно сожаления, что в процессе пе-

рестройки исчезают многие ценные традиции. Но этнографы, лингвисты, историки, востоковеды давно уже ведут огромную исследовательскую работу, коллекционируя и описывая этнографический материал, снимая на кино- и фотопленку уходящее, собирая образцы фольклорного творчества, чтобы сохранить все это для будущих поколений.

Из черного шатра в новый дом

Для всех скотоводов-кочевников нашего времени, в том числе и для бедуинов, характерен постепенный переход на оседлый образ жизни. Этот процесс начался в прошлом столетии и усиливается с каждым годом.

Из документов древности, в большом количестве обнаруженных археологами в Передней Азии, известно, например, что уже в государстве Мары (II тысячелетие до н. э.) в широких масштабах происходили оседание кочевников и переход от пастбищного скотоводства к земледелию, причем складывались определенные переходные условия, которые весьма типичны и для современных кочевников. Г. Клингель в книге «Между шатром и дворцом», приводя литературное свидетельство об оседлости кочевников древней Месопотамии, пишет об одном герое мифа — боге Марту, которого оседлые жители оазисов наделили многими характерными чертами кочевника. Он жил в шатре, имел все недостатки, присущие человеку, ведущему кочевой образ жизни. Его изображали как истинного кочевника, хотя в действительности он был полукочевником. Оценки, которые дает литературная традиция, обычно довольно предвзятые, и поэтому им вряд ли можно доверять полностью. В упомянутом мифе речь идет о свадьбе Марту с дочерью оседлого жителя; по сути дела рассказывается о том, как мирным путем перешел на оседлость этот «дикий» бог. Он решил жениться, но не мог найти подходящей супруги и тогда обратился за советом к матери, попросив ее подыскать ему жену. Но, по мнению матери, он должен был сам выбрать себе супругу, отвечавшую его желаниям и склонностям. Однажды в одном из городов Месопотамии состоялся большой праздник, на котором присутствовал бог Нуумушда из Казаллу с женой и дочерью. Марту, отличившийся во время праздника,

снискал расположение Нумушды, который предложил ему серебро, а также ляпис-лазурь — ценный темно-голубой камень. Но Марту отклонил эти дары и вместо них попросил руки дочери Нумушды. Бог из Казаллу согласился, и его dochь тоже не возражала выйти замуж за кочевника. Но одна ее добрая подруга дала противоположный совет и обратила внимание невесты на недостатки Марту, сравнив его образ жизни с образом жизни оседлого человека. Однако dochь Нумушды из Казаллу не отказалась от своего намерения выйти за него замуж. Тогда Марту перешел на оседлость и был включен в вавилонский пантеон. Красивое, полное жизни повествование, в котором нашел свое отражение исторический процесс.

В Палестине известны случаи перехода кочевых племен к оседлости в XIV веке до н. э., которые осуществлялись в процессе «захвата земли». Этот небольшой экскурс в древнюю историю показывает, что переход кочевников к оседлости — явление, характерное не только для нашего, но и для очень отдаленного времени.

Бедуины редко переходили на оседлость по собственной инициативе, большей частью к этому их что-то побуждало. Чаще всего правительство той или иной страны путем каких-то мероприятий стремилось перевести кочевников на оседлость, чтобы поставить под свой контроль эти подвижные и воинственные племена. История показала, что в переводе кочевников на оседлость насилие всегда давало мало эффекта.

Неудача турок

В середине XIX века турецкое правительство предприняло попытку превратить бедуинов Месопотамии, в том числе племена анезе и шаммар, в оседлых крестьян-земледельцев. На основе личных наблюдений Э. Захау писал, что повсюду создавались деревни с домами из глины и камня; арабов вынуждали покидать шатры и переселяться в эти дома. Арслан-паша, турецкий наместник в Месопотамии, двинул свои войска против бедуинов. Леди Энн Блант, объезжавшая тогда вместе с мужем североаравийские степи и ставшая свидетельницей этой кампании, в путевых записках рассказывает о том, как паша приказал солдатам окружить большой

лагерь анезе в долине Евфрата и объявил ошеломленным бедуинам, что по приказу турецкого султана они должны отказаться от кочевого образа жизни и вместо этого заняться мирным крестьянским трудом. Бедуины, которым это наглое требование показалось чрезвычайно отвратительным и оскорбительным, сперва выражали свое недовольство, но потом были вынуждены подчиниться и под надзором солдат начали возводить в различных местах долины длинные ряды глиняных домов. В них бедуины прожили, выражая сильное недовольство, почти три месяца. Но как только паша отвел свои войска, которые понадобились ему где-то в другом месте, кочевники немедленно вернулись в пустыню.

После этой явной неудачи турецкое правительство снова попыталось достичь поставленной цели, на этот раз путем «оказания влияния» на вождей племен (подкуп), присваивая им титулы, награждая их почетными одеждами и крупными денежными суммами. Среди них был и Ферхан-паша — мой приемный прадедушка. Правда, он взял деньги и кое-что обещал султану, но и не подумал сдержать обещания, да и не мог этого сделать. Шаммары продолжали кочевать, и Э. Захау, который в 1879—1880 годах проводил географические исследования в Междуречье, писал, что турецкий план перевода кочевников на оседлость полностью провалился. Арабы снова живут в своих шатрах, а от домов, строительство которых обошлось недешево, теперь остались только развалины.

Более глубокой причиной краха усилий султана было скорее всего то, что тогда еще не было экономических предпосылок для перехода на оседлость и не было еще достаточно сильных толчков, угрожавших существованию кочевых форм хозяйства. Эти предпосылки сложились постепенно в первые десятилетия нашего века.

Уже после первой мировой войны верблюд стал утрачивать преобладающее значение как средство передвижения благодаря развитию различных видов транспорта. А это означало, что главный источник доходов бедуинов вот-вот иссякнет. Примерно в это же время арабские страны подверглись колонизации, а это означало еще большее укрепление центральной власти по сравнению с предшествующим периодом турецкого владычества. Моторизованные подразделения полиции го-

раздо быстрее приводили бедуинов к повиновению, чем плохо вооруженные и сравнительно медленно передвигавшиеся войска султана. Так, к началу 20-х годов новым властителям удалось осуществить некоторые мероприятия, которые прежде всего чувствительно затронули и ослабили верхний социальный слой бедуинского общества.

Социальные противоречия внутри бедуинского общества

На примере судеб вождей шаммаров Аджиль аль-Джавера и Миш'ан и аль-Фейсала мы видели, как представители племенной верхушки благодаря благосклонному отношению иракской монархии превращались в состоятельных землевладельцев, в то время как массы рядовых соплеменников, ничего не получая при разделе общинных земель, обрекались на прогрессирующее обнищание. То же самое было в Иордании и в Сирии.

Назрело время для перехода бедуинов на оседлость. Но этот процесс проходил не гармонично и привел к острому классовому размежеванию кочевого общества на богатых и неимущих. Основная масса бедуинской бедноты вынуждена была либо продолжать вести кочевой образ жизни, либо заниматься на работу к новым землевладельцам. Типичным для этого времени становится и массовое переселение кочевников в города в поисках новых источников существования.

Следствием такой эволюции было сокращение пастбищ, ибо лучшие пастбищные угодья превращались в пахотные земли, а кочевникам достались засоленные, бедные водой территории. И сегодня происходят постоянные столкновения между владельцами огромных участков и скотоводами-кочевниками, стада которых проникают на поля и наносят большой ущерб посевам. Жалобы на это мне приходилось слышать во многих местах. Правительство вынуждено вмешиваться и выступать в роли посредника.

В некоторых арабских странах, добившихся к тому времени национальной независимости, сложилось мнение, что только путем государственных мероприятий можно решить проблему перехода бедуинов на оседлость, проблему, обострившуюся в результате беспла-

нового принудительного перевода кочевых народов на оседлый образ жизни. На многочисленных совещаниях ученые и политические деятели обсуждали пути достижения этой цели. Международные организации неоднократно созывали конференции по данному вопросу. Принятые законодательные положения направлены на реализацию необходимых мероприятий. Например, статья 158 вступившей в силу в 1950 году Конституции Сирийской Арабской Республики гласит:

1) Правительство стремится перевести всех кочевников на оседлость. 2) Будет разработан особый закон, в соответствии с которым будут регулироваться все проблемы кочевников, вплоть до полного перевода их на оседлость. 3) Будет составлен план постепенного перевода кочевников на оседлость, который в дальнейшем примет силу специального закона. Будет утвержден бюджет, необходимый для его реализации. 4) Избирательное право должно учитывать особые условия жизни бедуинов с тем, чтобы последние имели возможность посыпать в парламент своих представителей.

Хотя эти положения были сформулированы слишком общо, за ними видны намерения правительства. В 1953 году был принят «специальный закон», о котором упоминалось выше, и при сирийском министерстве внутренних дел учрежден отдел по делам бедуинов. Спустя некоторое время отдел принял и провел в жизнь решение о земельной реформе, после чего большинство бедуинских племен на территории Сирийской Арабской Республики перешло на оседлый или полуоседлый образ жизни.

Будучи у шаммаров в Ираке, я убедился в том, что одними законами нельзя изменить жизни кочевников. Земельная реформа 1959 года ограничила частное землевладение 250 гектарами орошаемых земель или 500 гектарами неорошаемых на одного человека. Излишки полезных площадей предполагалось изъять и поделить между безземельными крестьянами. Однако обследование имущественных отношений у иракских шаммаров, проведенное еще в 1962 году, показало, что 250 тысяч гектаров земли находилось в руках 52 членов правящих семей. Это означало, что на одного помещика приходилось в среднем 5 тысяч гектаров, что представляет десятикратное превышение установленного по земельной реформе лимита! В других областях Иракской Республики положение было аналогичным. Племенная аристократия, пользуясь тем, что учреждения, занимавшиеся

проблемами бедуинов, в своей деятельности были непоследовательны, обогащалась за счет рядовых членов племени. Складывалась благоприятная обстановка для развития капиталистических отношений в формирующемся сельском хозяйстве шаммаров. В этих условиях для большинства бедуинов переход к земледелию был невозможен хотя бы потому, что у них не было земли, и 80 процентов иракских шаммаров продолжали кочевать по Джезире. Когда в мае 1969 года Совет революционного командования Иракской Республики решил изменить несправедливые имущественные отношения, оказалось, что затронуть могущество богатых землевладельцев — дело чрезвычайно сложное: они не желали идти ни на какие компромиссы. Следовательно, в вопросе о переходе бедуинов на оседлость главную роль играет позиция правительства, без его активного влияния нельзя добиться нужного результата.

Проблема бедуинов осложняется тем, что на огромном ареале, где они живут, сегодня прослеживается множество отличных друг от друга переходных ступеней от кочевничества к оседлости. Если принять во внимание что бедуины могут использовать почти три четверти всех территорий арабских государств (сюда включены и необитаемые районы пустынь) и что кочевники находятся на самых различных стадиях перехода к оседлости, становится понятно, какую важную задачу должны решить специальные компетентные органы. Чем дальше зона кочевания того или иного племени отстоит от центральных транспортных коммуникаций и административных центров, тем сложнее решить эту задачу. Требуются значительные средства для строительства новых оросительных колодцев, жилых домов, школ и больниц, для обеспечения бывших кочевников семенами, удобрениями и сельскохозяйственными машинами, а также для найма специалистов-консультантов, в чьих советах нуждаются новые крестьяне. Чем современнее с самого начала станет их сельское хозяйство, тем оно будет более конкурентоспособным. Но само по себе материально-техническое обеспечение еще ничего не значит, оно не может гарантировать того, что затраченные усилия дадут хорошие результаты. Необходима огромная идеологическая, просветительная работа, чтобы преодолеть старые представления и привычки, чтобы

дать бедуинам возможность поверить в преимущества нового образа жизни. Эту работу необходимо проводить с большим терпением, тактом и чувством уважения к нравам и обычаям кочевников.

Интермеццо баккара

Я понял все это после моей последней поездки в Кордофана, в район, где располагаются племена баккара, арабские пастухи-кочевники, переселившиеся в Судан пять или шесть столетий назад. Происхождение их пока неизвестно. Поскольку относительно влажный климат саванны не подходил для их верблюжьих стад, они обменяли своих дромадеров на «баккар» (крупный рогатый скот). Поэтому баккара не означает ничего другого, как «пастухи крупного рогатого скота». Они насчитывают полмиллиона человек, свыше дюжины племен, из которых самые крупные — мессиря (130 тысяч), ризегат (90 тысяч), хаббания (80 тысяч), бени хельба (65 тысяч) и та'иша (32 тысячи). Они пасут свои стада на обширных пространствах саванн Кордофана и Дарфура (общая площадь — примерно 875 тысяч квадратных километров) и придерживаются при этом связанного с временами года кочевого цикла Север — Юг. В обильные дождями летние месяцы они направляются в средний пояс саванны с ее буйной растительностью; сухой сезон зимы и лета они проводят в более влажных южных районах, доходя до самого побережья Бахр-эль-Араб. Здесь уже начинаются нильские болота и скотоводство сильно затруднено из-за обилия вредных насекомых, среди которых встречается и муха цеце.

Баккара принимали активное участие в восстании Махди (1881—1898); последователь Махди Суданского Мухаммед-Ахмеда Абдулла аль Та'иши принадлежал к баккара. Эти кочевые племена владели огромными, насчитывающими миллионы голов стадами крупного рогатого скота, овец и коз. Кроме скотоводства, они занимались сбором дикорастущего гуммиарабика, в небольших количествах выращивали просо и сезам (кунжут), удовлетворяя лишь собственные потребности в растительных продуктах. Отказавшись от верблюдоводства в пользу крупного рогатого скота, они существенно ограничили зону передвижений, ибо эти животные несравненно бо-

лее разборчивы в корме, чем верблюды, и, кроме того, их нужно ежедневно поить. Поэтому баккара в этнографической литературе относят к полукочевникам.

Чтобы использовать огромные народнохозяйственные резервы, заключенные в стадах баккара, суданское правительство решило построить молокозавод в Бабанусе (юго-западная часть Кордофана). Он строился с помощью советских специалистов четыре года и в 1968 году был закончен. Завод должен был по новейшей технологии производить масло, сыр и молочный порошок. Баккара, в частности мессирия, обязывались обеспечить предприятие молоком. Проектный дневной выпуск готовой продукции — 50 тонн. В торжественный день открытия заводские автоцистерны выехали на места, чтобы закупить у мессирия молоко. Но кочевники дали лишь кувшин молока! Мессирия не привыкли продавать посторонним молоко — скорее они его просто подарили бы. Денежные дела им были незнакомы. К тому же, по их представлениям, телята могут подохнуть, если не будут выпивать ежедневно большую часть молока. Вот тут-то и понадобилась серьезная разъяснительная работа! Приходилось убеждать бедуинов в том, что сотрудничество с молокозаводом принесет им пользу: они заработают деньги, да и рост Бабанусы будет им выгоден. А чтобы бедуины подольше находились в окрестностях города, там соорудили новые колодцы. Но при этом была совершена ошибка: колодцы расположили так, что они скорее способствовали традиционному передвижению на юг, чем затрудняли его. Мессирия боялись, что находящиеся на юге племя динка может погнать свои стада на пастища баккара, если последние туда своевременно не вернутся, а это, как им казалось, было несомненно с их престижем. Короче говоря, необходимо было преодолеть барьер трудностей из предрассудков и традиций. Чего же удалось добиться?

Осенью 1972 года я вместе с суданским социологом Хасаном Исмаилом, который готовил исследование о возможностях перевода баккара на оседлость, после многодневной поездки на автомашине по размягченным дорогам прибыл в Бабанусу. По дороге нам нередко попадались участки, напоминавшие мне Мекленбург с его сочными лугами, холмами, зелеными лесами и сверкающими озерами, правда, здесь последние представляли

собой большие плоские лужи дождевой воды, которые в начале предстоящего сухого сезона быстро высохнут. Из Эль-Обейда (Невеста песка), главного города провинции Кордофан, мы в «лендровере» через Абу Забад направились в Эн-Нахуд, встречая на пути многочисленные группы бакара, двигавшиеся на юг. Все их имущество было навьючено на сильных быках, высоко на поклаже расположились женщины с малыми детьми. Подростки ехали верхом на неоседланных бычках, а мужчины важно восседали на разукрашенных быках, размахивая длинными копьями с металлическим опрением. Мы сделали остановку, чтобы остудить перегревшийся мотор. Бедуины по-дружески угостили нас молоком и чаем и пригласили на «асиду», политую расплавленным маслом просяную кашу, которую подают в больших деревянных мисках и кладут в рот обязательно правой рукой.

Затем мы покинули эту местность, где на холмах росли раскидистые баобабы, и оказались в травянистой саванне с рощами «бабануса» (эбенового дерева). В Бабанусу мы приехали почти в полночь при свете полной луны. После долгих поисков мы наконец разыскали сторожа и подняли его на ноги. Невероятно утомленные, мы быстро уснули и проснулись с первыми лучами солнца.

Утром нам удалось побеседовать с директором молокозавода доктором Ибрагимом Мухамедом. Он жаловался на то, что завод работает лишь вполовину своей мощности. В тот же день у него была назначена встреча с вождями племени мессиря, с которыми он предполагал обсудить вопрос, как увеличить поставки молока. Это давало нам возможность быстро ознакомиться с существом проблемы.

Директор предложил нам участвовать в этой встрече, и мы согласились. Полчаса езды по местности, поросшей метровой травой с изредка встречавшимися деревьями, — и мы у цели. В Хангобаданге, на берегу большого дождевого озера, куда подходили на водопой коровы и горбатые быки бакара, уже собирались главы племен со свитой. Их было около 40 человек, все в длинных одеяниях и в вышитых тюрбанах на головах. Когда мы подошли, они поднялись со своих циновок нам на встречу и пожали каждому из нас руки. Недалеко лежали их копья и мечи. Директору, самому почетному гос-

ти, в центре круга поставили складной стул, на который он и сел. Я включил свой магнитофон. Вот слегка сокращенный текст выступлений участников встречи, состоявшейся 24 сентября 1972 года вблизи Бабанусы.

Директор д-р Ибрагим: Во-первых, дорогие братья, я благодарю вас за то, что вы так охотно откликнулись на приглашение и вас собралось так много. Вы знаете, о чем пойдет речь. Мы хотим говорить о том, как улучшить наше сотрудничество. Молокозаводу в Бабанусе ежедневно нужно 50 тонн сырья, которое вы нам поставляете. Мы привозим молоко в цистернах с известных вам сборных пунктов и производим оплату на месте. К сожалению, за последнее время поставки все более снижаются. Если в начале сентября мы еще получили 26 тонн, то 15 сентября — только 18, а теперь — лишь 11 тонн. Если так будет продолжаться и дальше, то мы будем вынуждены остановить производство. Причина этого спада, на мой взгляд, заключается в том, что мессирия уже сейчас в массовом порядке отправляются на юг, хотя в окрестностях Бабанусы еще хватает воды и корма. Я обращаюсь к вам с настоятельной просьбой: уходите не все сразу, а постепенно, небольшими группами. Каждый из вас стремится первым прийти в Баэр-эль-Араб, чтобы занять лучший участок пастбища. Но эта конкуренция бессмысленна, ибо пастбища велики и места хватят на всех. Если вы будете отправляться постепенно, небольшими группами, то наши цистерны смогут сопровождать вас и закупать молоко. Вы знаете, что мы принимаем меры и к улучшению пастбищ, уничтожая сорняки и высевая лучшие кормовые сорта. Мне очень хотелось бы услышать ваши предложения, в каких местах это лучше всего делать. Вы знаете также, что мы пробурили много новых колодцев, которые дают достаточное количество воды в течение всего года. За небольшую плату они доступны каждому, и ваш скот может пить вволю. У каждого колодца есть смотритель, и вы должны выполнять его указания, чтобы не повредить сооружений. Это в ваших собственных интересах!

Хочется, чтобы вы поняли еще одну необходимость: тщательно гасить лагерные костры, перед тем как отправиться в путь. Поднимется ветер, и в одно мгновение вспыхнет опустошительный пожар — сгорят трава и кустарник. Ежегодно на огромной площади пожары уничтожают пастбища лишь потому, что некоторые из вас неосторожно обращаются с огнем и даже не считают нужным сообщать о замеченных очагах пожара, лишая нас возможности немедленно принять необходимые меры. Вы слышали по радио, что принят закон против поджигателей. Двести фунтов штрафа или два года тюрьмы — такое наказание ждет каждого, кто обдуманно или по небрежности способствует возникновению пожара. Пожалуйста, расскажите об этом вашим людям! Пастбищные условия ухудшаются из-за пожаров. Начиная с октября засуха усиливается с каждым днем, поэтому опасность пожаров возрастает...

В прошлом октябре наш завод останавливал производство. Для многих это означало безработицу, а государству приносило большие убытки. В этом году мы хотим попробовать не прекращать выпуска продукции, а в следующем году увеличить его на 40—50 тонн. Вы должны нам помочь, иначе завод придется закрыть как недостаточно рентабельный. Его перенесут на другое место, а что

это значит, вам и так ясно. Разве завод не приносит выгоды? Раньше вы тратили дни на поездку в город за фунтом сахара или унцией чая. А сейчас здесь открыты лавки, где вы можете приобрести все, что душе угодно. Мы готовы даже поставлять вам необходимые товары прямо в лагерь. Сделать это нетрудно.

В Бабанусе открылась современная больница, имеются большая ветеринарная клиника и несколько школ для ваших детей. Разве раньше было что-либо подобное? Итак, если мы объединимся, мы получим взаимные выгоды. Мы должны лучше организовать сбор молока и открыть больше наших приемных пунктов на путях, ведущих на юг. А теперь свободно говорите о том, кто что думает обо всем этом!

Шейх Хамид: У вас слишком мало молоковозов. Часто бывает так, что молоко собрано, а машина не приходит. Тогда оно портится, а мы терпим убытки!

Директор: Это нужно урегулировать, улучшив организацию дела. Автоцистерн у нас достаточно. Мы можем установить холодильники в тех местах, где вы сдаете молоко. Но что толку, если вы уходите так далеко на юг?

Омда Юсиф Адам: Твоя речь, яй мудир, правдива и правильна, и мы благодарны тебе за такие откровенные слова.

Сперва мне хотелось бы кое-что сказать о пожарах травы: если огонь пожрет наши пастбища на севере, то нам придется продвигаться на юг до области динка, а это приведет к осложнениям. Поэтому мы хотим обещать правительству, что будем заботиться о безопасности пастбищ так же, как о сохранности наших стад. А теперь пару слов о молоке: твой предшественник никогда не приходил к нам и ничего не объяснял. Он не выходил из своей конторы. Как можно было сотрудничать? Теперь стало лучше. На заводе работает много нашей молодежи. Они хорошо зарабатывают и находятся недалеко от нас. Если же их переведут далеко, например в Эль-Обейд или в Хартум, то они перейдут там дурные нравы, будут напиваться, шляться по публичным домам и в конце концов построят себе жилье из глины и никогда не вернутся к своим семьям. Поэтому для нас гораздо лучше, если они будут работать в Бабанусе, рядом с нами. Чем была Бабануса еще несколько лет назад? Жалкое селение, окруженное бушами и дикими зверями. А сейчас она стала настоящим городом благодаря прежде всего молокозаводу. Поэтому мы сами должны заботиться о том, чтобы все оставалось так, как оно есть, и стало еще лучше. Спасибо еще раз за то, что ты пришел, и даю тебе слово, что сделаю все возможное, чтобы сдавать побольше молока.

Назир Махмуд Хамди: Когда был построен завод, правительство потребовало, чтобы мы переселились в район Бабанусы. Но мы решили, что это невозможно, потому что там было слишком мало воды и не хватало пастбищ, а кроме того, многое казалось непривычным. Потом там произошли перемены к лучшему, и мы сами стали думать о том, как сделать так, чтобы стало еще лучше. Поджидая вас, мы как раз об этом и говорили.

Закон о наказании поджигателей мы считаем справедливым, потому что пожары приносят много вреда, а некоторые бедуины делают это намеренно, ибо они думают только о себе, варят, так сказать, свою похлебку. Они полагают, что если сожгут окружающие

пастбища, то тем самым они защищают от других кочевников собственные. Такие люди должны не только платить штрафы, но их следует изрядно поколотить палками. Это бы помогло куда лучше!

Когда мы проходим через выжженные места, наш скот тощает, коровы телятся во время длительных переходов, мы теряем очень много скота. Вот почему мы сами должны бороться с пожарами.

Чтобы улучшить сдачу молока, правительство должно издать закон, который регулировал бы смену пастбищ и предусматривал бы такие же меры наказания, как и закон о борьбе с пожарами. Мы еще в августе договорились, что на этот раз мы дольше останемся в своем районе и только в октябре или ноябре отправимся на юг. Но все ли мы следовали этой договоренности? Многие стали нервничать и сломя голову бросились на юг, боясь там что-то упустить. А теперь мы удивляемся, что заводу не хватает молока! В результате приходят «другие племена сверху» (кочевники-верблюдоводы — кабабиш из Северного Кордофана.— Л. Ш.), и их верблюды съедают нашу хорошую траву, которую мы им оставляем. Поэтому я предлагаю создать комитет, который будет регулировать смену пастбищ; только так можно будет обеспечить равномерную сдачу молока. Я все время говорю своим людям: «Оставайтесь как можно дольше в окрестностях Бабанусы».

Шейх Мустафа Авадалла: «Недели, которые мы проводим на юге, всегда очень тяжелы для нас из-за ядовитых растений, растущих в болотистом районе, от которых гибнет скот, а также из-за вредных насекомых. К тому же часто бывают столкновения с динка, пытающимися угонять наши стада. Здесь, на севере, мы получаем много денег за молоко, а там, внизу, ничего нет. Среди нас немало людей, которые не могут поставлять молоко, потому что у них мало коров. Ты должен это понять, брат директор.

Директор: Я сердечно благодарю вас за высказанные суждения и предложения и обещаю, что каждое из них будет изучено и передано вышестоящим властям. Мы должны еще чаще встречаться, чтобы добиться лучшей организации и обеспечить транспортировку молока. Так, шаг за шагом мы будем продвигаться вперед. А теперь вам хочет сказать несколько слов ветеринар.

Ветеринарный инспектор доктор Абдель Мунейм: Я не раз был у вас на юге и знаю обо всех трудностях, которые вы испытываете из-за насекомых. С ветеринарной точки зрения также будет гораздо лучше, если вы останетесь в северных районах до середины ноября и максимально используете хорошие пастбища. Тогда потери будут невелики. И если потом вы будете медленно спускаться на юг, то наша передвижная клиника сможет вас сопровождать и лечить заболевших животных. Насекомые с наступлением засухи улетают на юг, и вы должны отправляться в путь, когда их уже не будет. Как ветеринар, советую вам двигаться на юг не спеша.

Шейх Юнис Бадри: Хорошо было бы уже сейчас сделать нашим животным прививки от укусов насекомых.

Ветеринарный инспектор: К сожалению, у нас еще нет профилактической сыворотки против укусов. Лечение проводится лишь после того, как внесена инфекция.

Шейх Хамид: Братья! Вы тут говорите об укусах и о прививках, но разве в этом дело? Главное — чтобы мы были верны своему слову! Как часто все хорошие слова, которые говорят на собраниях,

забываются сразу же, как только мы возвращаемся в свой шатер. Надо требовать, чтобы правительство создало комиссию, которая бы регулировала кочевки всех племенных групп. Я предлагаю назначить вождей Юсифа Адама и Махмуда Хамди ответственными контролерами. Иначе пусть каждый делает все, что ему заблагорассудится!

Назир Махмуд Хамди: Да поможет мне Аллах! Я сразу же отвергаю это предложение. Мы — мессирия — свободный народ и кощем согласно нашим традициям. Как я могу взять на себя ответственность?

Шейх Хамид: Раз ты так считаешь, то все останется по-старому, и завод будет закрыт...

Назир Махмуд Хамди: Ты неправ! Если издастут закон, о котором я говорил, то все будет по-другому. Давайте создадим племенной комитет, и пусть каждая группа пошлет в него своего представителя, и он будет нас контролировать. А что скажет директор?

Директор: У меня нет полномочий ни назначать контролеров, ни создавать племенной комитет, который бы регулировал передвижения племен. Это может сделать только администрация провинции. Но я передам ей эти предложения. Я не могу сказать вам, будет ли принят такой закон, хотя он, я думаю, был бы полезен. Еще раз спасибо за предложения и на этом закончим нашу беседу. Салам алейкум!

Вожди племен с достоинством попрощались, сели на своих верблюдов и группами удалились на все четыре стороны, чтобы рассказать остальным бедуинам, о чем порешили на собрании.

Мой суданский друг и я были приглашены шейхом Хамидом в его «ферик», лагерную стоянку группы, где большим полукругом расположилась дюжина шатров, имеющих форму полушарий. Нас угостили сладким молоком и крепким чаем, и скоро меня попросили прокрутить пленку с записью совещания. Все слушали не шевелясь, как прикованные, изредка вставляя замечания. Неожиданно вперед вышел шейх Бешри, дядя Хамида. Он был стар, но отличался живостью ума. Ему не терпелось сказать несколько слов в микрофон: впервые в жизни он видел такое волшебное приспособление, которое может передавать голос. Он сказал:

— Мы, мессирия, очень рады тому, что теперь благодаря помощи правительства живем в мире и безопасности. Раньше наша жизнь была намного тяжелей, чем сегодня. Нас теснил враг, с нами постоянно были борьба и нужда.

— И кто же был этим врагом? — захотелось мне узнат.

— Об этом я как раз и хотел сказать. Осенью сюда,

в Дар Мессирия, законную область нашего племени, как саранча налетают со своими стадами другие племена. Кабабиш идут с севера, бороро — с запада из района озера Чад. Они теснят нас так, что мы вынуждены уходить на юг; вот почему нам приходится поджигать траву; так ведется с давних пор.

Теперь я понял, почему они не взяли старика на совещание: слишком уже откровенно он высказывался!

— Иа тавиль аль-'Умр,— обратился я к нему еще раз.— Вы многое повидали в жизни. Скажите, есть ли изменения к лучшему в жизни племен?

— Да, конечно, я думаю, они существуют,— отвечает он, немного подумав.— Раньше между племенами постоянно происходили столкновения из-за источников воды и пастбищ. Теперь воды хватает. Мы продаем молоко и зарабатываем деньги. Правда, нам досадно, когда машина не приходит и молоко скидает, но это поправимо, как говорит директор. Он хорошо сказал, да пребудет с ним мир!

У нас не было времени оставаться в лагере и ждать, пока приготовят еду, и шейх Хамид подарил мне на прощание симпатичную коричневую козу, которая, как маркиантка, сопровождала нас во всех поездках по Кордофанду.

Полукочевники

Промежуточная форма перехода от кочевничества (иногда говорят о «полных» кочевниках, или «чистых» кочевниках) к оседлости — это полукочевой или, если хотите, полуоседлый образ жизни, в котором сочетаются элементы обеих хозяйственных форм — скотоводства и земледелия. В зависимости от того, какая форма преобладает, для характеристики населения применяют тот или иной из упомянутых выше терминов. Такая переходная экономическая форма может существовать десятилетия или даже, как показывает пример бакара, столетия. Развитие происходит в следующем направлении: полные кочевники → полукочевники → полуоседлые → оседлые.

Население на промежуточной ступени имеет большое преимущество, так как оно лучше защищено от экономических потрясений и голода, ибо, образно выражаясь,

В деревне полукочевников

катится по двум рельсам: тяжелые последствия неурожайного года могут быть компенсированы продукцией животноводства; скот может пастьись на тех полях, с которых нет смысла снимать урожай, поскольку злаки высохли, прежде чем налилось зерно. И наоборот, данная община в случае падежа скота может питаться продуктами земледелия. Полукочевники строго придерживаются сезонных циклов, которые в разных районах различны. В Месопотамии, например, годовой цикл полукочевников выглядит следующим образом: в ноябре — декабре проводят вспашку полей так, чтобы засевать их сразу же после начала зимних дождей. После сева вся племенная группа покидает деревню и отправляется на пастбища, где она, как и раньше, живет в шатрах и занимается в основном скотоводством. В это время у животных появляется приплод; избыточное молоко перерабатывается на консервы. Это хорошее время, заполненное интенсивной работой по уходу за стадами. По возможности группа собирает трюфели и другие дикие растения и охотится на газелей. Однако охота постепен-

но теряет свое былое значение: звери либо ушли в другие места, либо истреблены. В начале сухого сезона, то есть в конце апреля — начале мая, идет обратное переселение в деревни, где тем временем созрел урожай. Сейчас передвижение на пастбища и обратно осуществляется частично на грузовых автомашинах.

В жаркие, засушливые летние месяцы на «сэкономленном» пастбище пасутся стада, в то время как сами полукочевники «сидят» в деревне. Такое постоянное летнее поселение невозможно без хорошего колодца, дающего в жаркие месяцы изобилие воды.

Деревни полукочевников, где бы они ни находились, очень похожи друг на друга. Между низкими каменными или кирпичными домами все еще стоят черные шатры, и в зависимости от погоды можно жить либо на воздухе — в шатре, либо в постоянном доме, который по внешнему облику напоминает шатер. Они и состоят из двух помещений с отдельными входами. Один для женщин и детей, другой — для мужчин и гостей. Узкие отверстия в боковых стенах пропускают внутрь свет и воздух и одновременно служат дымоходами. Посреди отделения для гостей полыхает пламя очага для кофейной церемонии, так что стены плотно покрыты копотью и у обитателей дома сильно слезятся глаза. Счастье, что печи и плиты находятся во дворе! Потолков нет, а есть балочные перекрытия, на них кладут соломенные маты, и они хранятся там, пока хозяева не отправляются на весеннюю кочевку. Всякий раз, когда я попадал в покинутые деревни, у меня появлялось щемящее чувство: казалось, будто нечто странное побудило людей сняться с насиженных мест.

Кроме верблюдов, овец и коз (а их количество сократилось), у полукочевников имеется много ослов, которых используют для вспашки полей, они держат также птицу и немного крупного рогатого скота. Именно наличие последнего говорит о том, что переход на оседлость идет быстрыми темпами, ибо этих животных не берут с собой на весеннюю кочевку. Для ухода за ними часть общины остается в деревне. Мало-помалу из временных поселений полукочевников образуются деревни с постоянными жителями. Здесь оседают торговцы, открывая лавки и предлагая бывшим кочевникам ранее неизвестные им товары. Это ведет к возникновению но-

Торговцы в лагере бедуинов

вых потребностей и, следовательно, вызывает стремление зарабатывать деньги. Государство, строя в деревнях школы, больницы и другие учреждения, способствует тем самым переходу на оседлость. В Северном Ираке после революции правительство построило образцовую деревню для шаммаров, в которой имеются электричество, гигиеническая установка для питьевой воды, многоклассная школа, больница, ветеринарная станция и центр социального обслуживания жителей деревни. Она

Традиционная бедуинская одежда постепенно сменяется европейской

служит примером для подражания — в 1962 году в Джезире насчитывалось уже 64 деревни, в которых постоянно проживали шаммары. Разумеется, не все эти деревни так хорошо оснащены, как образцовая.

В социальном отношении в подобных деревнях продолжает сохраняться племенная организация, а прежние вожди становятся старостами.

Быстрее переходят на оседлость те бедуины, которые не удаляются от транспортных коммуникаций. Например, через область племени аулад-али проходит египетская государственная железная дорога, и каждая ее станция служит центром оседания кочевников. Там регулярно устраиваются большие базары, а поезда обеспечивают их необходимыми товарами. Некоторые кочевники перестают заниматься скотоводством и специализируются на торговле. Они закупают скот или зерно в одном месте и прибыльно сбывают их в другом.

Связь с современной цивилизацией больших городов Востока меняет и материальную культуру бывших ко-

чевников. Посуда из алюминия и пластмассы вытесняет деревянные и кожаные сосуды; пустые канистры из-под бензина приходят на смену кожаным ведрам и мехам; большие бочки используются для хранения воды в шатрах. Канаты из нейлона, сандалии из старых автопокрышек или губчатой резины, консервные банки, kleenка, солнцезащитные очки и тому подобные предметы часто встречаются в шатрах и домах бедуинов. Доводилось мне видеть велосипеды и магнитофоны.

Аналогичное положение и с одеждой. Женщины все чаще и чаще выбирают для своих платьев яркие, блестящие, под золото синтетические ткани из Гонконга или Индии. Мужчины длинным одеянием, сотканным вручную из верблюжьей шерсти, предпочитают плащи с большими карманами, пулloverы, вязаные куртки, длинные брюки — все эти вещи, зачастую сильно поношенные, они приобретают па толкучке. Нередко их носят вместе с традиционными восточными нарядами. Украшения женщин и девушек пополнились пестрыми пластмассовыми браслетами, дешевой бижутерией под золото, что мало гармонирует с традиционными изделиями ручной работы, но женщин это, очевидно, не шокирует, даже наоборот!

Самым сильным влияниям и изменениям подвергаются бедуинские юноши, когда они уезжают на заработки за пределы своей общины. Молодых мужчин очень привлекает военная служба, ибо там они имеют дело с оружием, да и занятие это кажется им престижным. Быстрорастущая нефтедобывающая промышленность требует большого количества рабочей силы, а бедуины оказались очень способными к этой работе. За короткое время они блестяще осваивают специальности, связанные с добывкой нефти. Освоение пустынь, разработка полезных ископаемых, строительство транспортных коммуникаций не могут осуществляться успешно без широкого привлечения рабочих. Для бывших кочевников открываются широкие перспективы владения новыми профессиями.

Бывая в арабских странах, в частности, работая на раскопках, я удивлялся трудолюбию и способностям кочевников. Каждое полученное на раскопках задание они выполняли очень аккуратно и старательно. Однажды в Ираке мне довелось услышать, как бывшие военные пес-

Учитель в лагере бедуинов

ни приобрели новую функцию — бедуины пели их во время работы.

Многие молодые люди, отправившиеся в поисках заработка на чужбину, возвращаются домой с суммой денег, достаточной, чтобы внести выкуп за невесту. А приобретенный опыт сильно меняет их взгляды на многие стороны жизни. Они поняли, что возврата к прошлому быть не может. Молодежь приобретает новые привычки, которые вынуждают стариков говорить об «упадке добрых нравов». Но вообще они больше интересуются внешним миром, и сами более доступны его влиянию.

Огромное значение для перевода кочевников на оседлость имеет школьное образование. У тех, кто умеет читать, писать и считать, больше возможностей овладеть той или иной профессией и получить работу, чем у неграмотных. Школа оказывает решающее влияние на образ мыслей детей. Понимая это, турецкий султан Абдул Хамид еще в 1892 году приказал открыть в Константинополе школу-интернат, которая должна была давать образование исключительно сыновьям влиятельных шейхов и бедуинов. М. Оппенгейм, который неоднократно

бывал в этом учебном заведении, писал, что в первый год существования школа уже насчитывала 61 ученика. Все в школе свидетельствовало о чистоте и порядке. Учителя, как и учащиеся, производили хорошее впечатление. Школа несла все расходы на учеников, включая даже их поездку домой на каникулы. Основная цель ее заключалась в том, чтобы воспитать молодых людей верными подданными султана, приучить их к благонравию и порядку с тем, чтобы, вернувшись на родину, они смогли принять участие в приобщении своих соплеменников к цивилизации.

Здесь мы снова встречаемся со стремлением турецких властителей привлечь на свою сторону верхушку бедуинов. Между тем в арабском мире уже давно поняли, что народное образование, направленное на развитие науки в целом, пойдет на пользу всему обществу.

Сегодня в большинстве арабских стран введено обязательное обучение в начальной школе; но в отношении кочевников оно все еще остается благим намерением. Правда, правительства проводят смелые эксперименты. Например, кочующая племенная группа получает учителей, которые передвигаются с бедуинами от пастбища к пастбищу и учат их мальчиков и девочек грамоте в «школьном шатре». Но обнадеживающих результатов пока не видно. Может быть, потому, что один учитель преподаёт в разных классах. К тому же в одной кочевой группе часто не так уж много детей школьного возраста, чтобы было целесообразно давать им учителя, который пригодился бы в другой группе, где детей во много раз больше. Более разумно создавать для детей интернаты и содержать их за счет государства. Только переведя всех бедуинов на оседлость, представляется возможным обеспечить школьным образованием всех детей.

Сейчас промежуточное решение проблемы, вероятно, таково: арабы-кочевники отдают своих детей перешедшим на оседлость родственникам, и в деревне они ходят в школу вместе с детьми оседлых. К сожалению, далеко не все родители осознали необходимость школьного образования. Даже в тех местах, где уже были школы, родители заставляли детей пасти скот, не позволяя учиться. Зная традиционные взгляды бедуинов на женщину, не удивляешься тому, что девочек посыпают в

школу в последнюю очередь: ведь женщины должны прежде всего вести домашнее хозяйство, ткать ковры и производить на свет многочисленное потомство. Надо ли для этого учиться в школе?

Но время от времени встречаются исключения из этого правила, а перелом в этом отношении — равноправное обучение для всех,— надо думать, наступит лишь в следующем поколении.

Родители кочуют, дети живут оседло

Многочисленные мелкие перемены в повседневной жизни бедуинов приводят к появлению нового качества, которое особенно заметно у молодежи. Живя вместе с бедуинами, я снова и снова убеждался в этом. Водораздел между кочевым и оседлым образом жизни часто проходит внутри одной и той же семьи. Старики, всю жизнь кочевавшим со стадами, особенно тяжело расставаться с шатрами.

Шейх Омар аль-Бахри стоит во главе группы арабов билли, многие поколения которых пасут стада верблюдов в обширном оазисе Дахла и водят груженные товарами караваны в долину Нила. Основная масса билли живет на Аравийском полуострове, откуда часть их переправилась в Египет и обосновалась в Дахле.

В Эль-Касре, большом поселении, расположенному в северо-западной части Дахлы, я жил у коптского врача, возглавлявшего местную клинику. Там же работает и акушерка Халима, женщина лет 30, дочь шейха билли. Она очень изящно выглядит в голубом форменном платье. Закончив специальную медицинскую школу, Халима «кочует» на свой лад: она разъезжает в «передвижной амбулатории» по деревням и поселкам оазиса и помогает появляться на свет гражданам Новой долины. Халима рассказывала мне об отце, и, хотя она говорила о старике весьма почтительно, я понял, что он довольно упрям и своенравен и не намерен продавать своих верблюдов и перебираться на жительство к детям. Было очень любопытно поближе познакомиться с этим патриархом, и я наконец приехал в Хиндав, феллахское поселение на севере оазиса.

Шатер семидесятилетнего шейха стоял довольно далеко от деревни, а его небольшое стадо верблюдов пас-

лось на стерне пшеничного поля. Стариk удобно устроился на покрытом ковром верблюжьем седле. Несмотря на свои седые бакенбарды, он имел весьма бодрый вид. Он усадил меня на лохматую овечью шкуру, а его жена Умм Джумма, морщинистая и полуслепая старушка, приготовила нам крепкий чай. Она вырастила шестерых детей, но, кроме сорокалетней вдовы Худы и ее двух дочерей, никто с родителями не жил.

Пока мы пили горячий чай, я рассказал, что встретил акушерку Халиму, и передал от нее привет. Лицо старика ничего, кроме безразличия, не выражало. Он смотрел на меня глубоко запавшими глазами, словно спрашивая: что, собственно говоря, привело сюда этого человека? Но мне очень хотелось побольше разузнать о его жизни, и поэтому я пытался сломить его недоверие, заговорив с ним о других бедуинских племенах, которые встречал раньше. Затем я завел речь о верблюдах и попросил его показать мне своих. Стоило старику понять, что я разбираюсь в бедуинских терминах, обозначающих верблюдов, и лед тронулся, а, когда мы вернулись затем в шатер, я уже мог прямо подойти к нужной мне теме:

— Разве не достойно сожаления, шейх Омар, что численность настоящих бедуинов, которые выращивают верблюдов и круглый год кочуют, год от года сокращается? — задал я ему осторожный вопрос.

Он как раз налил себе третий стакан чая и испытующе разглядывал его на свет: имеет ли напиток должный красно-кирпичный цвет. Затем, тщательно подумав, шейх ответил:

— Хаваджа, жизнь человека в руках Аллаха. Если он изменяет мир, значит, на то его воля. Я хотел бы до последнего часа оставаться со своими верблюдами, а у молодых уже своя жизнь. С тех пор как здесь появилась *Му'ассаса* (он имел в виду египетскую Организацию по развитию пустыни. — Л. Ш.), жить стало лучше. У нас достаточно воды, есть дороги, школы и электропосвещение, почти у каждого сегодня свой радиоприемник, и никто больше не голодает. Дети кое-чему учатся и становятся на ноги, шатер им уже тесен. Халима работает в больнице, и люди отзываются о ней с большим уважением. Мой самый младший — Юнис — в будущем году кончает среднюю школу, он живет в интернате Эль-

Мут. Учение дает ему радость, и он хочет стать ветеринаром. За ним уже закреплено место в университете в Асьюте, отсюда около десяти часов езды на автобусе. Как часто я ходил с караваном в Асьют, чтобы доставить на рынок финики и привезти оттуда товары для лавочников в Дахле. Тогда здесь еще не было ни одной машины и ни одного шоссе. Нам надо было семь или восемь дней добираться до Нила — через горы и песчаные дюны. Восемь дней в один конец! А сегодня садись в автобус и завтра спокойно вернешься обратно!

Его рассказ был прерван тараканием приближавшегося трактора, который остановился у входа в шатер. С него спрыгнул Акрам, старший сын шейха, — высокий, одетый в полосатую галабию феллахов. Акрам поставил перед нами миску с рисом, мясным соусом и молодым луком.

— Ешь, отец, и пусть твой гость тоже отведает это блюдо, — сказал он дружелюбно.

Пока мы ели, он вытащил из кармана письмо и объяснил:

— Муса пишет. Вам с матерью передает привет. В следующем месяце, к празднику убоя овец, приедет.

Акрам пояснил мне, что Муса — его младший брат — служит в египетской армии.

Акрам сказал, что сам он начал работать водителем, когда осваивалась целина, а позже вступил в сельскохозяйственное товарищество:

— От правительства Насера я получил пять гектаров орошаемой пахотной земли за наличный расчет. Земля не очень хорошая, но помидоры растут неплохо. Я посадил сейчас совсем новый сорт — японский, сладкие, как сахар!

В его словах сквозила гордость. У Акрама есть и коровы. Через товарищество он продает молоко государственной молочной ферме. Его дети учатся в школе в Хиндаве и часто приезжают к дедушке с бабушкой, чтобы поиграть в шатре или прокатиться на верблюде. Для внуков старого бедуина это уже развлечение, аттракцион, а не повседневное занятие. В школе они учат песни и стихи, которые воспитывают в них чувство патриотизма и сознание того, что бедуины в первую очередь — граждане египетского государства, а уж потом рабы билли.

— К сожалению, в доме отец бывает редко и чувствует себя там неловко. Он живет в шатре возле своих верблюдов. И его брат тоже. Не желаете ли запить верблюжьим молоком? — обратился он ко мне.

Когда минуту спустя миска с молоком идет по кругу, шейх с удовлетворением произносит:

— Да, это не то что твое коровье молоко!

Акрам только улыбается в ответ на этот укол и бормочет, что молочная ферма ничего не платит за верблюжье молоко, потому что из него нельзя изготавливать масло,— стало быть, он мыслит уже экономическими категориями.

Следующая цель кочевья старика — оазис Харга, лежащий в 200 километрах к востоку. Там живет его четвертый сын Ахмед. Он работает механиком в фирме по сооружению колодцев. Так старший шейх билли, как кочующий памятник, перемещается от оазиса к оазису, которые с помощью современных технических средств превращены в плодородные сады. Его дети активно участвуют в этом превращении, но сам он новый образ жизни не приемлет.

Товарищества действительно много сделали для того, чтобы познакомить бывших верблюдолов с сельскохозяйственным трудом. Это скорее торговые, а не производительные товарищества, в том смысле, как они понимаются в социалистических странах. На хороших условиях они продают новым крестьянам зерно, удобрения и племенной скот. Сбыт сельскохозяйственной продукции на рынках осуществляется через товарищества, которые приобретают ее у крестьян по твердым государственным ценам.

Все эти целенаправленные мероприятия привели к тому, что в Египте проблема бедуинов была почти разрешена. Правда, в этой стране кочевники даже в количественном отношении никогда не играли первостепенной роли.

В Сирии и Алжире правительства также создают товарищества, что позволяет успешно преодолеть многие трудности переходного периода, а они возникают лишь в том случае, если все дело пускается на самотек, как, например, в Ираке.

Представление обо всех преимуществах планомерной политики в этом вопросе дает интервью министра юсти-

ции ГДР Г. И. Хойзингера, опубликованное в декабре 1977 года в журнале «Хорицоит», где говорится, что посреди пустыни вблизи Кваргла алжирские друзья поселили кочевников, которые на протяжении поколений жили в пустыне. Построена современная деревня, открыт обильный источник воды. Из глубины 1200 метров бьет чистая вода и орошают поля, возделанные в пустыне. Во время нашего посещения там жила 1000 человек, а через несколько лет их будет 3000. Дети, а также взрослые ходят во вновь построенную школу. Работает новый культурный центр. Государство обеспечивает крестьян семенами и удобрениями. Народ, который раньше никогда и не думал о сельском хозяйстве, сегодня обрабатывает поля, выращивая спаржу, помидоры и другие культуры.

У бедуинов очень развит дух коллективизма. При хорошем руководстве они без особого труда могут приспособиться к оседлому образу жизни и добиться больших хозяйственных успехов. Сильно выраженные вначале племенные связи постепенно слабеют и затем исчезают вовсе. Такое впечатление сложилось у меня при посещении вновь созданной деревни Эль-Саура в Новой долине. Ее населяли многочисленные семьи бывших кочевников, представителей трех племен, живших в тесном соседстве с феллахами, которые переехали из нильской долины на целинные земли. Они были членами кооператива, и им были созданы все условия для хорошего старта. Сразу же после переезда в светлые, полностью меблированные жилые блоки, они смогли приступить к уборке урожая. Организация развития подготовила это в психологическом отношении весьма искусно. Обработка полей была механизирована и производилась под руководством специалистов по сельскому хозяйству. Были созданы экспериментально-показательные поля. Организованные товариществом вечерние курсы вооружали феллахов специальными знаниями, возмечая отсутствие необходимого опыта. Таким образом их жизнь была обеспечена гораздо лучше, чем прежде. Им были гарантированы обучение детей в школах и бесплатное медицинское наблюдение. Изменение политического курса руководства повлекло за собой ухудшение жизненных условий бедуинов, переходивших на оседлость. Во время поездки в Египет и Судан в 1976—1978 годах я уз-

нал, что большинство этих полукочевников переселились в Ливию, в особенности это касается молодежи.

Переход бедуинов к новой жизни и к новому образу мышления происходит не так безболезненно и гладко как в приведенном выше примере, когда бывшие кочевники составляют меньшинство населения. В тех областях, где бедуины живут более крупными группами, ситуация совсем иная. Здесь племенные чувства и трибализм развиты несравненно сильнее, и консервативный образ мыслей кочевников изменится не скоро.

Депутат в бурнусе

О политическом воспитании бедуинов я беседовал с Мтеиrom Абдель Керимом, вождем аулад-али, живущих в области западнее Александрии. Я случайно познакомился с ним в январе 1969 года в Каире, где он в качестве депутата аулад-али присутствовал на открытии заседания Народного собрания Египта. В традиционной одежде своего племени, он резко выделялся среди других депутатов. Я сказал ему, что очень хотел бы побывать в его родных местах. Он пригласил меня в Бург эль-Араб. Полгода спустя я сидел в скромном доме этого депутата в бурнусе, 36-летнего человека, излучавшего энергию и волю. Дорогу к нему найти было нетрудно: его знал каждый. Весьма красноречиво и убежденно, что изобличало в нем опытного парламентария, он рассказал о своей политической деятельности. Когда я вначале осведомился, к каким именно аулад-али он принадлежит (ведь они делятся более чем на 90 групп), он живо ответил.

— Хотя я принадлежу к аулад-харуф из «белой фракции» аулад-али и унаследовал от своего отца функции шейха, я ничего не хочу об этом знать. Мы должны преодолеть этот партикуляризм. Я прежде всего выборный государственный депутат от области аулад-али,— сказал он подчеркнуто веско.

Мне было известно, что от «красной фракции» этого бедуинского племени также был избран один представитель в Народное собрание, хотя по норме представительства один депутат избирался от 100 тысяч жителей. Я спросил своего хозяина, чем это можно объяснить.

— Это была уступка, сделанная избирательной ко-

миссией,— гласил ответ, и Мтеир Абдель Керим добавил:

— Иначе «красные» аулад-али саботировали бы выборы, потому что им нет никакого дела до египетской нации в целом. Они вообще не видят смысла в государственной политике. Племенной эгоизм делает их просто слепыми. Не прошло и требование синнан (третья крупная фракция аулад-али.— Л. Ш.) выставить своего кандидата. Тогда они, посчитав себя глубоко оскорблёнными, в ярости разгромили избирательные участки в Эс-Саллуме и Сиди-Баррани, но это им не помогло. Я сказал тогда, что нельзя смешивать Народное собрание в Каире с живым «музеем» племенных вождей. Да, это была бурная перепалка!

Мой собеседник буквально зажегся, когда вспомнил перипетии избирательной кампании. А я был поражен, встретив в среде бедуинов такого горячего борца против племенных предрассудков.

Основная причина его политической зрелости, как выяснилось во время беседы, заключалась в том, что он уже в юности вступил в политическую организацию и активно участвовал в национально-освободительной борьбе. Когда в 1952 году Египет был провозглашен республикой, Мтеир Абдель Кериму исполнилось 19 лет. Он работал подсобным рабочим на одном из строительных объектов американской нефтяной компании и был членом организации «Египетское освободительное движение», из которого позднее образовался Арабский социалистический союз (АСС). Его имя было занесено в списки кандидатов как депутата этой партии от области проживания аулад-али. Таким образом он занял свое место в высшем органе народного представительства Египта.

Находясь еще под воздействием нашего недавнего разговора с депутатом, я думал об одном эпизоде, который произошел на большом базаре в Аль-Хаммаме. Каждую среду туда приезжают аулад-али распродавать скот. Я спросил у одного бедуина, знает ли он человека, который только что пробежал по базарной площади, и вот что он ответил: «Это не наш, это — египтянин». Оказывается, бедуин, к которому я обратился, еще не вполне ясно себе представлял, что он сам жил в Египте и был рожден египтянином. Племенная принадлежность имела в его глазах бесспорное преимущество. Такой об-

раз мыслей, несомненно, мешает прогрессивному развитию государства. Абдель Керим как раз и стремится изменить этот образ мыслей у своих соплеменников. И для такой разъяснительной работы нужны именно люди, подобные ему, ибо они пользуются признанием своих земляков.

Пока мы беседовали, в дом входили все новые и новые люди. При виде нашего автомобиля бедуинов разбирало любопытство — им не терпелось узнать, кто и зачем приехал. Хозяин кивнул в сторону одного пожилого человека с морщинистым лицом и седой колючей бородой:

— Это Фараджи аль-Акари. Он удостоился личной похвалы и подарка от Гамаль Абдель Насера. — Обратившись к старику, он попросил: — Расскажи, пожалуйста, нашему гостю, за что тебе выпала такая честь.

Старый Фараджи откашлялся и задумчиво начал:

— Я работал тогда сторожем на опытной ферме за прибрежными дюнами. Я должен был наблюдать за тем, чтобы никто не повредил молодые миндальные деревья и фисташковые кусты, с которыми проводили опыты ботаники Института пустыни. Одним прекрасным утром — а с тех пор минуло два года — пришел какой-то человек и сказал, что хочет прогуляться по плантации. «Стой», — сказал я, — сюда никому входить нельзя. Это государственная ферма, и там стоит запретительный знак». «Хорошо», — ответил неизвестный, — но я думаю, что мне можно пройти. Ведь я президент республики, и поэтому мне можно». — «Все это бесполезно, не имеет значения, кто ты такой. Я здесь сторож и не должен никого пускать». Тогда незнакомец рассмеялся и сказал мне: «Ты мне нравишься, отец. Правила должны соблюдать все». Он похлопал меня по плечу и снял свои часы: «На, держи!»

Это был действительно незабвенный Гамаль Абдель Насер, который часто проводил выходные дни в сельском доме в Бург-эль-Арабе. Бедуины слушали Фараджи с видимым удовольствием, хотя наверняка он десятки раз повторял им этот трогательный рассказ.

Современные задачи изучения бедуинов

Все, что мы знаем сегодня о переменах в жизни бедуинов, дает нам право говорить о необходимости реше-

ния по крайней мере двух проблем, стоящих перед наукой: во-первых, глубже изучать еще сохранившуюся традиционную культуру кочевников с тем, чтобы все, что обречено на гибель в ходе современного развития, было бы сохранено для будущих поколений; во-вторых, ученые разных областей науки должны сотрудничать друг с другом, решая вопрос перевода бедуинов на оседлость, чтобы переход к новому образу жизни протекал как можно более гармонично. Цели современного бедуиноведения существенно отличаются от целей его «классического» периода. Главное — это завоевать доверие жителей пустыни, быть понятым ими, а для этого необходимо говорить с ними на их родном языке. Поэтому прикладной стороной бедуиноведения должны заниматься арабские ученые. К такому выводу пришел и известный этнолог Р. Герцог, который пишет, что было бы безнадежно полагать, будто можно перевести кочевников на оседлый, крестьянский образ жизни только при помощи влияния европейцев или американцев, если будет отсутствовать подлинное желание со стороны самих кочевников. Для предварительной психологической подготовки совершенно необходима помочь местной интеллигенции. Их поддержкой надо заручиться с самого начала. Непосредственный толчок к отказу от старых форм жизни должен исходить от дальновидных иуважаемых людей одной с ними расы, языка и религии.

Уже несколько десятилетий способные арабские ученые, такие, например, как египтяне Мухаммед Авад и Ахмед Абу Зейд, иракцы Ахмед Абдель Джалил Тахир и Али Варди, суданцы Сунни Банага и Хасан Исмаил и многие другие, занимаются проблемами бедуиноведения; результаты их исследований опубликованы в многочисленных книгах и статьях. Научные институты в Алжире, Александрии и Каире, в Дамаске, Багдаде и Эль-Кувейте готовят специалистов по проблеме перевода арабов пустыни на оседлость. Прежде всего они изучают социологические методы. На международных конференциях ученые обсуждают накопленный опыт и намечают дальнейшие мероприятия.

Арабские и европейские этнографы, историки и исследователи фольклора уже давно собирают находящиеся под угрозой уничтожения сокровища духовной и материальной культуры бедуинов и сохраняют их в архи-

вах институтов и в музеях. Во многих арабских странах сегодня собраны богатые коллекции таких материалов, хотя они еще не экспонируются должным образом. Для изучения культуры бедуинов — их быта, нравов, устного творчества — в полевых условиях необходим большой такт, тонкое чутье, а иногда даже и ловкость.

Чтобы установить контакт с бедуинами аулад-али, летом 1969 года я при поддержке египетского министерства культуры и Культурного центра ГДР подготовил доклад с демонстрацией диапозитивов об истории и культуре арабов-кочевников, с которым выступил в Мерса-Матрухе. Для меня это был, пожалуй, самый важный доклад из многих, с которыми я когда-либо выступал. Пришло около 400 слушателей, которые с трудом разместились в зале городского клуба. Там были и многочисленные вожди племен. После того как мусульманские священнослужители обратились к Аллаху с просьбой благословить это мероприятие, я наконец смог начать. Слушатели с явным интересом следили за моим рассказом о возникновении бедуинства, об исторических перемещениях арабов и широко раскрытыми глазами смотрели на цветные диапозитивы, проектировавшиеся на большой экран.

Я намеренно показывал больше фотографий, относящихся к восточноарабскому региону, и меньше внимания уделил североафриканским племенам. Желаемый результат не замедлил сказаться: как только я кончил говорить, посыпались приглашения побывать в различных племенных группах аулад-али. Некоторые стали се-товать на то, что в докладе не нашли должного места аулад-али. Их честолюбие было задето: «Пожалуйста, приезжай к нам и фотографируй, что тебе будет угодно!» Складывалась весьма благоприятная обстановка для дальнейших исследований, о чем только может мечтать этнограф.

Собирательскую работу для музейных целей, то есть приобретение предметов материальной культуры бедуинов, часто затрудняет незаменимость вещей, находящихся в шатре. Все они служат практическим целям, и владелец зачастую, даже если он очень добр, не может с ними расстаться. Это относится, например, к кожаной колыбели. Всякий раз, когда мне приходилось видеть в шатре такую «хабабу», она бывала занята. У кого по-

зрнется язык требовать от матери, чтобы она вынула
своего младенца из люльки и продала ее музею?

То же самое относится и к прекрасным стариинным
женским украшениям из серебра и золота. Эти сокро-
зища ревностно хранятся и передаются от матерей к до-
щерям, и никто из них не может с легким сердцем рас-
статься с ними.

Трудности при деловых переговорах с бедуинами
объясняются тем, что они уже знают цену золоту вооб-
ще, но тем не менее еще не могут определить, сколько
стоит каждая изготовленная ими вещь, потому что неиз-
вестна их рыночная стоимость. Иногда за какой-нибудь
предмет они требовали с меня астрономические суммы,
так что я был вынужден с благодарностью отказаться
от покупки, а в соседнем лагере за тот же предмет мне
предлагали вдвое меньше.

Кроме предметов материальной культуры, ученые
систематически коллекционируют памятники духовной
культуры бедуинов: рассказы, касыды, образцы музы-
кального и танцевального искусства. Как в этнографи-
ческом музее посетителей радует бедуинский шатер с
его интерьером и предметами быта, так и в концертном
зале зрителей привлекает арабский фольклорный ан-
самбль темпераментных хороводных бедуинских тан-
цев.

Взгляд в будущее

Рассмотрев экономические, социальные и культурные
проблемы современного бедуинства, отважимся бросить
згляд в его будущее. Не нужно быть пророком, а дос-
таточно быть просто трезвым наблюдателем, чтобы по-
нять, что современные тенденции социально-экономиче-
ского развития арабского мира направлены на постепен-
ное отмирание бедуинства. Правительства многих араб-
ских стран ставят своей целью в будущем перевести на
оседлость те племенные группы, которые сегодня еще
кочуют по пустыне, и проводят в связи с этим соответст-
вующие мероприятия. На пути к полной оседлости на-
ходится стадия полукочевничества, и действительно чис-
ло полукочевников из года в год увеличивается, в то
время как число полных кочевников соответственно со-
кращается. Коль скоро первый шаг в направлении пе-

рехода на оседлый образ жизни уже сделан, окончательное решение этой задачи — вопрос времени. И этот период будет тем короче, чем больше внимания то или иное правительство будет уделять бедуинской проблеме

Трибализм и связанное с ним эгоцентрическое племенное мышление тормозят политическое развитие молодых национальных государств. Преодолеть их — одна из задач, стоящих перед многими правительствами арабских стран. Такую задачу, разумеется, нельзя решить сразу путем декретов. Это длительный процесс успех которого будет зависеть от уровня народного образования и активности прогрессивных политических организаций. Давно известно, что традиционная идеология и стереотипы поведения обладают большой цепкостью и упорством; они продолжают существовать и в изменившейся внешней среде. Арабские специалисты установили, что в настоящее время свыше половины сельского населения Северной Африки и Передней Азии еще сохраняют так или иначе выраженные племенные связи. В развивающихся странах это проявляется в слу чаях непотизма, кумовства, семейственности. Государственные деятели, занимающие влиятельные посты, оказываются покровительством своим соплеменникам, предста вляя им «тепленые местечки». Консервативная роль племенного сознания проявляется даже чисто внешне, в тех городских кварталах, где селятся бывшие кочевники. Переселяясь в город, они стараются сохранить свою племенную принадлежность. Традиционный принцип родства здесь согласуется с новым территориальным принципом. Обычай заключать браки внутри одного рода сохраняется. Для оказания моральной и экономической помощи в случаях заболевания или смерти в той или иной семье или нарушения закона членом общины создаются частные организации. Эти организации собирают денежные средства, заботятся об осиротевших детях и т. п.

Таким образом, «асабия», племенная солидарность сохраняется. Как показывают приведенные выше примеры, она имеет ряд весьма позитивных аспектов, но в целом тормозит развитие национального самосознания а без него невозможно и развитие современного государства.

Но самый сильный аргумент против сохранения тра

диционного бедуинства — экономический. Экстенсивное кочевое скотоводство приносит ничтожную пользу народному хозяйству страны, потому что собственники стад заботятся прежде всего об увеличении поголовья животных, ибо, согласно традиционным представлениям, размеры поголовья являются показателем благосостояния и социального положения, а в конечном счете — мерилом счастья. В книге «Переход кочевников на оседлость» Р. Герцог подчеркивает, что продажа животных, особенно здоровых, наносит удар гордости владельца. Поэтому до сих пор предложение скота на рынках, как в количественном, так и в качественном отношениях, значительно ниже того, что можно было бы ожидать, особенно учитывая большое поголовье различных его видов.

История суданского молокозавода в Бабанусе показала приблизительно такое же отношение кочевников к продаже продуктов скотоводства, но вместе с тем она обнаружила определенные изменения в этом отношении.

При постоянном росте народонаселения в развивающихся странах возникает необходимость использовать огромные засушливые районы нашей планеты. На практике это означает освоение новых земель в бывших степных и пустынных районах. Специалисты по проблеме продовольствия подсчитали, что пустынные районы при условии необходимых изменений могут стать новой родиной для миллиарда людей! Но для этого требуются дальнейшее мирное развитие и мобилизация всех человеческих и технических резервов для великого наступления на пустыню.

Примером в этой борьбе за преобразование природы служит Советский Союз, где разработаны крупномасштабные проекты освоения пустынь в Туркмении, Узбекистане и Казахстане посредством строительства каналов, эксплуатации подземных вод и даже изменения русел рек. Основываясь на подобном опыте, ряд стран Ближнего Востока и Северной Африки взялись за проблему освоения пустынь — мы уже познакомились с примером создания Новой долины. Подобные мероприятия осуществляются, в частности, в Сирии и Ираке, где особенно важную роль играет сооружение плотин. В связи с этим появляются новые народнохозяйственные возможности: рыбоводство в новых водохранилищах, ис-

пользование водной энергии для электрификации деревень и т. д.

В этой связи следует со всей определенностью подчеркнуть, что в будущем сохранятся обширные районы, где единственной экономически эффективной формой хозяйства будет скотоводство. Причин тому немало: большая засоленность почв, нехватка запасов грунтовых вод и т. д. Все это создает плохие условия для земледелия. Образцом такого хозяйства могут служить советские среднеазиатские республики с их бесчисленными стадами овец и верблюдов⁵⁷. Но в этих, большей частью гористых районах скотоводством занимаются не племена кочевников, для которых характерно по сути дела натуральное хозяйство, а колхозы и государственные хозяйства — совхозы, созданные в результате социалистических преобразований. Здесь работают бригады скотоводов, которые обслуживаются огромные стада, используя современное техническое и ветеринарное оборудование. Основная масса населения живет в поселках, где имеются все возможности для социального и культурного развития. С успехом идет по тому же пути народ Монгольской Народной Республики⁵⁸.

Хочется думать, что эти страны послужат в перспективе примером и для народов Арабского Востока. Бедуинство, с которым читатель познакомился в первых главах этой книги, в ходе постепенного развития исчезает; кочевники приспосабливаются к современным условиям. Материалы демографической статистики даже показывают, что численность бедуинов в условиях успешного перехода на оседлость растет значительно быстрее, чем в условиях кочевничества, потому что уходят в прошлое высокая детская смертность, беспомощность перед болезнями и постоянные межплеменные распри. К счастью, бедуины не разделили трагической судьбы таких аборигенных народов Африки и Америки, как пигмеи в джунглях Конго или индейцы в бассейне Амазонки, которым грозит вымирание. Они продолжают жить в изменившихся условиях.

Тенденция развития бедуинства направлена в сторону оседания основной массы населения и перехода его к земледелию при частичном сохранении животноводства. Кочевки станут менее протяженными, со стадами будет передвигаться не вся племенная группа, а бригады пас-

тухов, оснащенные вспомогательными средствами — грузовиками, вертолетами, радиоустановками, что даст возможность поддерживать постоянную связь с поселениями. Скотоводы будут руководствоваться не эгоцентристскими соображениями, а расчетами, связанными с рыночной конъюнктурой, исходящими из интересов всей нации.

Все это сейчас может еще показаться фантастикой или даже утопией, но я верю, что лишь на этом пути возможно решение проблемы бедуинов. В будущем необходимо также улучшать породные качества скота, расширять и удобрять пастбищные угодья, выращивать кормовые травы, создавать запасы дополнительного корма для скота в период засухи, увеличивать количество пунктов водопоя, число передвижных ветеринарных клиник. Но самое главное — перейти от частного владения скотом к общественным формам собственности, устранить любые отношения эксплуатации, поощрять образование взрослых, создать обеспеченные рынки сбыта и снабжения. Это основные требования, которые должны быть реализованы, чтобы изменить изжившие себя социально-экономические отношения арабских скотоводов-кочевников, коль скоро поставлена цель добиться ощутимого улучшения условий их жизни.

Пусть в настоящее время многие из этих преобразований кажутся несбыточной мечтой — пока еще кочуют более пяти миллионов бедуинов, — однако их осуществление в ходе дальнейшего развития неизбежно. К этой цели предстоит еще долгий путь, но бедуины ведь привыкли к дальним передвижениям, с того самого времени, когда три-четыре тысячи лет назад стали приручать первых верблюдов. Конечно, промахи и ошибки в таком сложном процессе, как переход кочевников на оседлость, могут быть, но ведь любое поступательное движение человеческого общества сопровождается борьбой противоречий.

Вспоминаю один случай, о котором мне хотелось бы рассказать. В Институте ООН по проектам развития Сахары работал эксперт по проблемам оседлости. В середине 60-х годов он был направлен к североафриканским бедуинам, чтобы убеждать их переходить на оседлость. Я знал этого человека, и он сам поведал мне историю своей жизни. Он приехал к кочевникам и влю-

бился в бедуинскую красавицу. Они поженились, у них появились хорошие дети. Вместе со своими верблюдами и овцами супруги кочевали в северных районах Сахары. «Это чудесно — быть бедуином и жить в шатре. Ведь они — замечательные люди» — так он объяснил свое необычное решение.

ЛИТЕРАТУРА

- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.—Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 21. с. 64.
- Ленин В. И. Конец войны Италии с Турцией.—Полное собрание сочинений. Т. 22.
- Albright W. F. Zur Zähmung des Kamels.—«Zeitschrift für d. alt-testamentliche Wissenschaft». 62, 1949/50.
- Bebel A. Die Mohamedanisch-Arabische Kulturperiode. Stuttgart, 1884.
- Breidenbach B. von. Peregrinatio in terram sanctam. Mainz, 1486.
- Brentjes B. Wildtier und Haustier im Alten Orient. In: Lebendiges Altertum. II, B., 1962.
- Brentjes B. Die Söhne Ismaels. Lpz., 1971.
- Caskel W. Die Bedeutung der Beduinen in der Geschichte der Araber. Köln u. Opladen, 1953.
- Dostal W. Die Beduinen in Südarabien. Wien, 1967.
- Dumreicher A. von. Fahrten, Pfadfinder und Beduinen in den Wüsten Ägyptens. München, 1931.
- Faber F. Die Pilgerfahrt des Bruders Felix Faber ins Heilige Land. B., 1964.
- Flade J. E. Das Araberpferd. Wittenberg, 1962.
- Gardi R. Sahara. Bern, 1970.
- Gräf E. Das Rechtswesen der heutigen Beduinen. Walldorf, 1952.
- Grunebaum G. von. Die Wirklichkeitsweite der früharabischen Dichtung. Wien, 1937.
- Hassanein Bey A. M. Rätsel der Wüste. Lpz., 1926.
- Herzog R. Sephaftwerden von Nomaden. Köln u. Opladen, 1963.
- Hess J.-J. Von den Beduinen des inneren Arabiens. Lpz. u. Zurich, 1963.
- Klengel H. Zwischen Zelt und Palast. Lpz., 1972.
- Krafft U. Reisen und Gefangenschaft Hans Ulrich Kraffts. Stuttgart, 1861.
- Krumbiegel I. Kamele.—Die Neue Brehm—Bücherei. H. 50. Lpz., 1952.
- Lawrence Th. E. Aufstand in der Wüste. Lpz., o. J.
- Löpelmann M. Das Gesetz der Wüste. Vormohammedanische Kampf- und Liebeslieder. Wien, 1950.
- Murray G. W. Sons of Ismael. L., 1935.
- Oppenheim M. von. Vom Mittelmeer zum Persischen Golf. 2 Bde. B., Bd 1, 1899; Bd 2, 1900.
- Oppenheim M. von. Die Beduinen. 4 Bde. Bd 1, Lpz., 1939; Bd 2,

- Lpz., 1943; Bd 3, Wiesbaden, 1952; Bd 4. T. 1, Wiesbaden, 1967.
T. 2, Wiesbaden, 1968.
- R a s s l a n W. Mohammed und die Medizin. B., 1934.
- R a s w a n C. Im Lande der schwarzen Zelte. B., 1934.
- R a t h m a n n L. Araber stehen auf. B., 1960.
- R a u w o l f L. Aigentliche beschreibung der Rais/so er vor diser zeit
gegen Aufgang inn die Morgenländer/fürnemlich Syriam, Iudae-
am, Mesopotamiam, Babyloniam, Assyriam, Armeniam ec. nicht
ohne egringe Mühe und grosse gefahr selbs volbracht... Frank-
furt/M., 1582.
- S a c h a u E. Reisen in Syrien und Mesopotamien. Lpz., 1883.
- S c h i n k e l H.-G. Haltung, Zucht und Pflege des Viehs bei den No-
maden Ost- und Nordostafrikas. B., 1970.
- S c h w a r z l o s e F. W. Die Waffen der alten Araber. Lpz., 1886.
- S t e i n L. Abdallah bei den Beduinen. Lpz., 1964.
- S t e i n L. Die Sammar-Gebra. Beduinen im Übergang van Noma-
dismus zur Sehaftigkeit. B., 1967.
- S t e i n d o r f f G. Durch die Libysche Wüste zur Ammonoase. Biele-
feld, 1904.
- U 11 m a n n M. Die hebräischen Patriarchen und die modernen Ent-
deckungen. Lpz., 1959.
- W i r t h E. Agrargeographie des Irak. Hamburg, 1962.
- W ü s t e n f e l d F. Geschichte der arabischen Ärzte und Naturfor-
scher. Göttingen, 1840.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Мараги — небольшое египетское селение вблизи ливийской границы.

² «Лендровер» — марка английского легкового автомобиля, специально предназначенного для пустынных и степных районов.

³ A. Bebel. Die Mohamedanisch-Arabische Kulturperiode. Stuttgart, 1884, с. 8.

⁴ В современной литературе к бедуинам нередко относят только кочевников-верблюдоловов Аравийского полуострова и Северной Африки, отличая их тем самым не только от оседлого арабского населения, но и от полукочевников овцеводов и козоводов. Однако, как показали этнографические исследования, в особенности последнего столетия, почти нет бедуинов, которые бы вообще не имели овец и коз. Они есть почти в каждой семье бедуинов, но с ними не кочуют. По договоренности с оседлым населением бедуины оставляют их в оазисах перед откочевкой в пустыню. После возвращения в район оазиса бедуины используют этот скот (мясо, шерсть и т. п.) для своих нужд. В связи с сокращением числа верблюдов небольшие перекочевки все чаще совершаются с овцами и козами.

⁵ L. Rauwolf. Aigentliche beschreibung der Rais (so er von diser zeit gegen Aufgang inn die Morgenländer) fürnemlich Syriam, Iudeam, Arabiam, Mesopotamiam, Babyloniam, Assyriam, Armeniam ec. nicht ohne geringe Mühe und grosse gefahr selbst volbracht... Frankfurt/M. 1582, с. 324.

⁶ Автор, несомненно, прав, что кочевой образ жизни не обусловлен якобы присущим человеку стремлению к странствиям. Однако длительное существование кочевничества нельзя объяснить лишь влиянием внешней среды. В формировании кочевничества как своеобразного феномена хозяйства, культуры и быта решающее значение имели как природные, так и социально-экономические и этно-культурные факторы. Проблеме возникновения и специфике кочевничества посвящена обширная, в том числе советская, научная литература. См., например: Г. Е. Марков. Кочевники Азии. М., 1976; С. И. Вайнштейн. Проблема происхождения и формирования хозяйствственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. М., 1973.

⁷ Это не относится к некоторым ядовитым растениям пустыни, которых скот не употребляет, например *Peganum harmala*. Однако и оно используется в быту: им бедуины лечат ревматизм.

⁸ I. Klemmiegel. Kamel.—«Die Neue Brehm Bücherei». Н. 50. Lpz., 1952, с. 35. См. также: С. И. Богоубский. Происхождение верблюдов. М., 1956.

⁹ H. Klengel. Zwischen Zelt und Palast. Lpz., 1972.

¹⁰ Главным образом из-за крайне слабой археологической изученности внутренних областей Аравийского полуострова здесь пока известно очень мало свидетельств древнейших этапов развития кочевого скотоводства. Однако в других районах древнего расселения кочевников, в частности в Причерноморье, Центральной и Средней Азии, в Южной Сибири и Казахстане, обнаружено значительное число памятников, принадлежавших обитавшим здесьnomадам, начиная от эпохи формирования кочевничества. Причем следует отметить, что среди многочисленных находок образцов культуры ранних кочевников евразийских степей имеется много замечательных памятников искусства, в числе которых особенно интересны выдающиеся произведения, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. А в курганах Алтая, сооруженных около двух с половиной тысяч лет назад, обнаружены уникальные находки художественных изделий из кожи, дерева, кости, тканей, которые сохранились в погребальных камерах благодаря образовавшейся в них вечной мерзлоте. См., например: С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.

¹¹ Наскальные рисунки кочевников известны также в степях и полупустынях Центральной и Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири. Здесь найдено большое количество разнообразных рисунков, выполненных древними и средневековыми кочевниками, преимущественно в виде петроглифов — изображений, выбитых и выгравированных на камне, и отражающих различные этапы развития кочевых народов, начиная от эпохи формирования кочевого скотоводства. См., например: Я. А. Шер. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

¹² W. Caskel. Die Bedeutung der Beduinen in der Geschichte der Araber. Köln und Opladen, 1953, с. 26—27.

¹³ Подобные семейные, или как их нередко называют, семейно-родственные группы характерны для всех кочевых скотоводческих народов, в том числе и для бывших кочевых народов нашей страны — киргизов, тувинцев и др. По всей вероятности, такие группы совместно кочующих семей возникли вместе с формированием кочевого скотоводческого хозяйства.

¹⁴ Возникновение частносемейной собственности на скот восходит, вероятно, ко времени возникновения кочевого скотоводства. Она была присуща кочевникам уже в древности и привела к значительно му имущественному неравенству в среде кочевых скотоводов и развитию специфических патриархальных форм эксплуатации.

¹⁵ M. Oppenheim. Die Beduinen. Bd 1. Lpz., 1939, с. 5.

¹⁶ Одной из основных причин относительной социально-экономической застойности таких обществ была невозможность отделения ремесла от сельского хозяйства в условиях кочевого скотоводства. См.: С. И. Вайнштейн. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972, с. 263—286.

¹⁷ С подробным анализом социально-экономических отношений у бедуинов читатель может познакомиться в книгах: А. И. Першиц. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1961; Г. Е. Марков. Кочевники Азии. М., 1976.

¹⁸ См.: B. Vreidenbach. Peregrinatio in terram sanctam. Meinz, 1486.

¹⁹ См.: F. Faber. Die Pilgerfahrt des Bruders Felix Faber ins Heilige Land. B., 1964.

²⁰ См.: C. Raswan. Im Lande der schwarzen Zelte. B., 1934.

²¹ См.: M. Oppenheim. Die Beduinen. Bd 1, c. 4.

²² См.: M. Oppenheim. Die Beduinen. Bd 1. Lpz., 1939; Bd 2, Lpz., 1943; Bd 3, Wiesbaden, 1952; Bd 4. T. 1, Wiesbaden, 1967. T. 2, Wiesbaden 1968.

²³ A. Bebel. Die Mohamedanisch-Arabische Kulturperiode, c. 18—12.

²⁴ Описываемый Л. Штайном так называемый подсосный метод доения верблюдиц (в присутствии верблюжонка) был распространен у многих кочевых скотоводческих народов, причем применялся он и для доения других видов крупного и мелкого рогатого скота, а также лошадей (см., например: С. И Вайнштейн. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972, с. 24, 28, 41). Однако бедуины не использовали этот способ доения овец и коз, а лошадей вообще не доили и кобылье молоко в пищу не употребляли, что было несвойственно другимnomадам. У кочевых народов Центральной Азии верблюдов и лошадей в отличие от коров, овец и коз также доили мужчины, но могли доить и женщины. Некоторые этнографы объясняют это тем, что верблюдов и лошадей доить труднее, чем других животных.

²⁵ Сушеный помет домашних животных в качестве топлива используется всеми кочевыми скотоводческими народами, населяющими безлесные районы.

²⁶ Рувала со своими стадами, включающими знаменитых черных верблюдов, кочуют зимой в северной части Аравийского полуострова. С наступлением летнего засушливого периода они переходят в более обводненные районы Иордании и Сирии, где находятся в контакте с оседлым крестьянским населением. То же характерно и для племен оба, федан, амарат, которые совместно образуют федерацию кочевых племен анезе.

²⁷ Отдельная пастьба самок мелкого рогатого скота от их детьми распределена у многих кочевых скотоводческих народов от туарегов на западе до монголов на востоке.

²⁸ Способ изготовления бедуинами сухого соленого сыра, удачно названного автором молочными консервами, очень схож с древним способом получения сухого кислого твердого сыра многими другими кочевыми скотоводческими народами Евразии вплоть до тюркоязычных народов Южной Сибири и монголов на востоке «кочевого мира». Такой сыр был найден, например, при раскопках курганов ранних кочевников Алтая (V век до н. э.).

²⁹ Свободный выпас лошадей был известен всем кочевым народам Евразии.

³⁰ Сообщение Л. Штайна о том, что бедуины ездят на лошадях, не пользуясь стременами, представляет большой интерес. Стремена были изобретены в IV веке и к середине I тысячелетия н. э. распространялись очень широко. До этого на лошадях ездили без стремян, не знали их и ранние кочевники, в частности скифы. Как пояснил мне Л. Штайн, бедуины знают стремена, но предпочитают не пользоваться ими, считая, что с ними ездят лишь плохие наездники.

³¹ Интересные сведения в русской литературе об арабских лошадях см.: А. Г. Щербатов, С. А. Строганов. Книга об арабской лошади. СПб., 1900.

³² См.: E. Sachau. Reisen in Syrien und Mesopotamien. Lpz., 1883.

³³ По использованию основных типов жилищ все кочевые скотоводы, обитающие на огромной территории степей, полупустынь и пустынь от Северной Африки на западе до Центральной Азии на востоке, могут быть в самом общем виде разделены на жителей черных шатров (Северная Африка, Передняя Азия, часть Центральной Азии) и жителей юрт (Средняя Азия, часть Центральной Азии, Южная Сибирь). О генезисе и типах жилищ кочевников см.: G. G. Feilberg. La tente poigne. København. 1944; С. И. Вайнштейн. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии.—«Советская этнография», 1976, № 4.

³⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 21, с. 64.

³⁵ Аналогичные традиции длительного кормления ребенка, нередко до трехлетнего возраста, существовали не только у бедуинов, но и у кочевых народов Евразии.

³⁶ У многих народов наступление половой зрелости отмечалось особого рода традиционными обрядами-инициациями, после которых девушки переходили в женскую, а юноши — в мужскую группу своего рода, становясь полноправными членами племени. Обычай обрезания у девочек, известный в литературе под названием эксцизии (от лат. excisio — вырезание), был известен не только бедуинам, но и другим народам, в том числе африканским. Так, этот обряд отмечает Пьер-Доминик Гэсо у коренных жителей Гвинеи. См.: П.-Д. Гэсо. Священный лес. М., 1979, с. 121 и сл. Очень ранние обрезания у мальчиков и девочек бедуинов также, по-видимому, восходят к древним традициям инициации, совершившихся в более позднем возрасте.

³⁷ Любопытны замечания русского востоковеда-арабиста О. И. Сенковского о поэзии арабских кочевников. Побывав в 20-е годы XIX века на Арабском Востоке и изучая жизнь местных племен, он писал: «Можно ли передавать на другом языке древнюю арабскую поэзию, поэзию пустыни, никогда не видав ни пустыни арабской, ни образа жизни ее жителей? Ориенталисты, которые никогда не выезжали из Европы, судят о них весьма странно... Первое и совершенно ложное понятие всякого европейца о кочевых племенах заставляет вообразить эти народы дикими... Между тем большая часть кочевых племен грамотна, имеет книги, литературу и не чужда даже искусство... и теперь при всем унижении бедуинов встречаются у них... маленькие оборванные или совсем голые гении, которые на всякий вопрос ваш отвечают двустишием» (О. И. Сенковский. Поэзия пустыни или поэзия аравитян до Магомета. Сочинения. Т. 7. СПб., 1859, с. 166—168).

³⁸ Адаптация известна у многих народов. Бедуины усыновляли сирот, военнопленных, а также других людей, которые должны были жить в племени и пользоваться расположением его членов. Усыновлялись только мальчики и неженатые молодые мужчины. Адаптированный член семьи становился тем самым членом племени и получал все права ее члена, в том числе был защищаем, как и любой другой член племени и семьи.

³⁹ L. Stein. Abdallah bei den Beduinen. Lpz., 1964.

⁴⁰ Автор, несомненно, прав, характеризуя рабовладение у беду-

нов как одну из форм патриархального рабства. Однако следует подчеркнуть, что его отличает от классических форм античного рабства отнюдь не то обстоятельство, что рабы составляли меньшинство по отношению к основной массе населения, так как и в античных обществах рабы также нередко были меньшинством по отношению ко всему населению. В отличие от кочевников, в том числе ранних (например, скифов), у которых рабы использовались в очень ограниченной сфере домашнего хозяйства, в античном обществе труд рабов был важнейшей составной частью господствовавшего рабовладельческого способа производства. О рабовладении в Аравии см.: А. И. Першиц. Хозяйство и общественно-политический строй.

⁴¹ M. Oppenheim. Die Beduinen. Bd 1, с. 49—51.

⁴² J.-J. Hess. Von den Beduinen des inneren Arabiens. Lpz. u. Zurich, 1963.

⁴³ Эти сведения могут привести к выводу, что тамги использовались для обозначения племенной принадлежности скота, а не служили знаками семейной собственности. Лишь шейхи имели свои особые тамги (они отличались от племенных небольшими изменениями основного знака). Отсутствие знаков собственности для выявления принадлежности скота отдельной семьи объясняется отнюдь не коллективной собственностью на скот в прошлом, как полагали некоторые авторы, а необходимостью его общеплеменной защиты. Свой скот внутри племени каждый его владелец мог без труда отличить, не пользуясь для этого специальными знаками. Следует отметить, что бедуины употребляли тамги лишь для клеймения верблюдов и обозначения принадлежности колодцев, но тамгами не метили лошадей, зебу и мелкий рогатый скот. Для пометок на лошадях, ослах и мелком рогатом скоте использовались другие знаки собственности, в частности надрезы на ушах. Любопытно, что у ранних кочевников Алтая, судя по находкам в курганах, в отличие от современных степных кочевников лошади имели не тамги, а надрезы на ушах. Этот обычай (надрезы на ушах) сохранялся в XIX — начале XX века у степных кочевников лишь при обозначении знаков собственности на мелком рогатом скоте.

⁴⁴ См.: R. Hergott. Seßhaftwerden von Nomaden. Köln. u. Opladen, 1963. Сохранение домусульманских верований широко распространено у многих народов, господствующей религией которых является ислам, в том числе у народов Средней Азии.

⁴⁵ См.: C. Raswan. Im Lande der schwarzen Zelte.

⁴⁶ C. Nachtigal. Sahava und Sudan. Bd 1. B., 1879, с. 536.

⁴⁷ Египетская администрация в начале 70-х годов ликвидировала созданную президентом Насером специальную организацию по развитию пустынных районов.

⁴⁸ И.-В. Гёте. Западно-восточный диван. Избранная лирика. М.—Л., 1933, с. 220.

⁴⁹ См.: Hassanein Bey. Rätsel der Wüste. Lpz., 1926, с. 118—119.

⁵⁰ Подробнее об оазисе Сива см.: L. Stein, W. Rusch. Die Oase Siwa. Lpz., 1978.

⁵¹ Сенуситы — члены мусульманского религиозно-политического ордена, возникшего в середине XIX века в Ливии. Орден возглавлялся феодально-племенной знатью, стремившейся использовать его как орудие своей власти над племенами. В XIX — начале XX века

сенуситы возглавляли освободительное движение народов Ливии, но пытались повести его под панисламистскими лозунгами. Современные сенуситы превратились в агентуру английского империализма.

⁵² Мнение автора, что бедуины живут еще в условиях родового строя, представляется спорным. Материалы, приводимые в этой книге Л. Штайном и в других его работах, посвященных социальным отношениям в бедуинском обществе, свидетельствуют о давно идущем процессе разложения его традиционной родо-племенной организации и сохранении лишь пережиточных форм родового строя. См. послесловие.

⁵³ В. И. Ленин. Конец войны Италии с Турцией.— Полное собрание сочинений. Т. 22, с. 114.

⁵⁴ В. И. Ленин. Конец войны Италии с Турцией.— Полное собрание сочинений. Т. 22, с. 113.

⁵⁵ «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока».— «Документы внешней политики СССР». Т. 1. М., 1957, с. 35.

⁵⁶ «Horizont». X. 1979, № 43.

⁵⁷ Автор имеет в виду лишь те пустынные и высокогорные районы Средней Азии, где возможности для земледелия из-за природных условий крайне ограничены или даже невозможны. В остальных районах Средней Азии ныне господствует высокоразвитое комплексное сельское хозяйство с преобладающей ролью земледелия, в том числе ирригационного.

⁵⁸ Подробнее о процессе перехода к оседлости кочевых скотоводов Монгольской Народной Республики и особенностях этого процесса в МНР см. В. В. Грайворонский. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 1979.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Лотар Штайн — автор этой книги — не только этнограф-востоковед, путешественник и писатель, но и музейный работник — много лет он трудится в Лейпцигском этнографическом музее.

Коллектив его сотрудников ведет большую культурно-просветительную и серьезную научную работу. Она посвящена актуальным проблемам исторической и современной этнографии внеевропейских народов, причем одной из главных исследовательских тем является изучениеnomадов, судеб кочевников в современном мире. Одно из первых впечатлений о Лейпцигском музее, в котором мне посчастливилось не раз бывать и длительное время изучать его коллекции, связано с Л. Штайном. Помню, впервые проходя через зал, посвященный Передней Азии, я увидел группу студентов, оживленно беседовавших с высоким, крепко сложенным, широкоплечим мужчиной средних лет. Это был Л. Штайн, проводивший экскурсию для студентов Лейпцигского университета. Группа стояла около большой черной с высокими бортами лодки непривычных круглых очертаний. Подобных удивительных лодок я раньше никогда не видел и, заинтересовавшись, подошел поближе. Л. Штайн рассказывал присутствующим, что эту уникальную лодку он недавно приобрел в Ираке. Она сплетена из веток и обмазана смолой, обработанной особым образом. Такие круглые лодки широко использовались древнейшими жителями Двуречья, но в науке считалось, что они давно исчезли из быта местного населения.

— Когда я совершенно неожиданно увидел лодку у рыбака на берегу Тигра, — рассказывал Л. Штайн, — то решил, что обязательно приобрету ее для музея. Но рыбак не желал расставаться с ней. Наши переговоры длились... полгода. Наконец мне удалось купить лодку, и я сразу же пустился на ней в плавание по Тигру. Проплыл в страшную жару не один десяток километров, я потом вез ее по пустыне. Из Бейрута она была доставлена в Гамбург пароходом, а оттуда поездом в Лейпциг.

Это был, возможно, последний, чудом сохранившийся уникальный экземпляр древней лодки. Рядом с ней на стене я увидел де-

тальное ее изображение на... копии древнеассирийского памятника II тысячелетия до н. э.

У Л. Штайна интереснейшая биография. Он родился в 1935 году в сельской местности вблизи Лейпцига, здесь же окончил школу. В Университете им. Карла Маркса изучал этнографию, специализируясь по народам Ближнего Востока и Северной Африки. После успешного окончания университета в 1957 году был принят в штат Лейпцигского этнографического музея — в то время он восстанавливавшийся. Бомбардировка Лейпцига американской авиацией в декабре 1943 года привела к гибели в огне пожаров свыше тридцати тысяч экспонатов этого музея; среди них — почти вся ближневосточная коллекция. И когда встал вопрос о восстановлении этой коллекции, Л. Штайн был направлен правительством ГДР на Ближний Восток, чтобы новыми приобретениями заменить сгоревшие ценности. С конца 1957 года до середины 1958 года он совершил сопряженную с большими трудностями экспедиционную поездку по Судану и Египту. Домой Л. Штайн вернулся с ценной коллекцией по этнографии народов, населявших эти страны. А вскоре он опять выехал на Ближний Восток — на этот раз в Ирак, чтобы вновь стать студентом, теперь уже Багдадского университета. Л. Штайн хотел во что бы то ни стало совершенствовать свои знания арабского языка и культуры арабских стран. Его учителями были лучшие профессора в области арабской филологии. За два года Л. Штайн успешно завершил сложный университетский курс. На следующий день после получения диплома он направился в пустыню к кочевникам и прожил у них почти полгода, кочуя в черных шатрах бедуинов от Северного Ирака до Юго-Восточной Сирии. Он вел такой же образ жизни, что и гостеприимно принявшие его бедуины. Он получил возможность собрать не только исключительно важные этнографические сведения о различных сторонах жизни кочевников пустыни, но и большую чрезвычайно ценную коллекцию, характеризующую их традиционную культуру. На основе этих материалов он написал фундаментальную монографию о бедуинском племени шаммар¹, уделив особое внимание в ней переходу бедуинов к оседлости и подробно описав сложный процесс развития форм хозяйства, социальной структуры и племенной организации. Занимаясь и в дальнейшем проблемами этнографии кочевых народов и их взаимодействия с оседлым населением Передней Азии и Северной Африки, Л. Штайн исследовал также этнографические особенности населения оазисов Ливийской пустыни. Причем он не только вел полевые исследования, но и привлекал для разработки этнографических проблем письменные источники и архивные материалы. Очень любопытна в этом отношении одна из его статей, посвященная наиболее ранним свид-

дательствам о бедуинах в немецкоязычных источниках, которые позволили по-новому осветить историографию бедуинов в немецкой исторической литературе². Ценны и интересны и другие его научные изыскания по бедуинской проблематике³.

Что же касается собранной им обширнейшей этнографической коллекции, то она легла в основу новой экспозиции музея, посвященной бедуинам⁴, которая пользовалась необычайным успехом у посетителей: ее с восхищением осмотрели свыше миллиона человек, в числе которых был и автор этих строк.

Л. Штайн, помимо своей основной работы, руководит научной подготовкой аспирантов, вышедших из среды арабов-кочевников. Это молодые люди, пожелавшие получить научную подготовку под руководством этнографа-марксиста — прекрасного знатока культуры кочевников. Они приехали в ГДР из Судана, Ирака, Сирии, Южного Йемена и других арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки.

В 1964 году в Лейпциге вышла книга Л. Штайна «Абдалла среди бедуинов»⁵. В ней он увлекательно рассказал о своей этнографической работе и жизни в племени шаммар, о том, как он был усыновлен этим племенем и вместе с именем Абдалла, которое он получил при усыновлении, неожиданно приобрел многих близких родственников — 9 братьев, 17 внуков, большое число племянников. Книга дает уникальное описание быта и культуры его друзей-бедуинов.

Через несколько лет после поездки в Ирак Л. Штайн вновь выехал на Арабский Восток. Египетское правительство президента Насера предоставило ему специальную стипендию для изучения условий оседания бедуинов. Проработав два года в Ливийской пустыне, Л. Штайн получил почетное предложение от правительства Судана занять пост директора Центрального этнографического музея в столице страны Хартуме. Здесь он трудился три года. Ему приходилось жить не только в Хартуме — много времени он проводил в поездках и экспедициях по разным районам Судана, этой огромной, самой большой в Африке, страны. Судан можно без колебаний назвать рабем для этнографа — полевого исследователя. Его населяют приблизительно 450 различных племен, говорящих почти на 250 языках.

В 1976 году Л. Штайн с большим успехом провел третью экспедицию в легендарный оазис Сива в Египте и вскоре (в 1978 году) опубликовал в ГДР написанную совместно с В. Рушем прекрасно иллюстрированную книгу «Оазис Сива»⁶.

Книга Л. Штайна «В черных шатрах бедуинов» на родине ученого — востоковеда и путешественника — была опубликована под названием «Кочевой народ пустыни»⁷. Первое издание этой книги вышло почти семь лет назад, и речь в ней идет о событиях тех лет,

когда Египет, возглавляемый президентом Гамаль Абдель Насером, поддерживал искреннюю дружбу с Советским Союзом и странами социалистического содружества. За истекшее с тех пор время, как подчеркивает в своем предисловии автор книги, в Египте произошли отход от прогрессивной политики прежнего президента и ряд других изменений в общей обстановке на Ближнем Востоке, хорошо известных советскому читателю. И хотя уже многое изменилось в этом регионе мира, читателю будет интересно узнать правду о жизни бедуинов в те годы, услышать искренний и яркий рассказ ученого и писателя о мужественных людях суровых пустынь и степей.

Автор и герои его книги — жители черных шатров — были подлинными друзьями. Л. Штайн не чувствовал себя среди них чужеземцем. Бедуины видели в нем друга, хорошо знающего их родной язык, их культуру, нравы и обычаи, поэтому они часто советовались с ним, доверяли ему и помогали в его этнографических исследованиях.

Книга, как читатель сам убедился, содержит серию очерков, посвященных различным сторонам жизни бедуинов, причем нередко тем ее сторонам, которые обычно были скрыты от наблюдателя. Добрый и вдумчивый, не лишенный юмора взгляд ученого и путешественника невольно заставляет и читателя проникнуться чувством симпатии к людям, живущим в необычайно тяжелых условиях необозримых пространств степей и пустынь. Автор книги органично с большим мастерством художника и великолепного популяризатора сочетает в ней подчас сложный исторический материал и цитирование источников, необходимые научные сведения о природной среде, биологии домашних животных, происхождении кочевничества, традиционной культуре бедуинов с яркими, выразительными описаниями отдельных эпизодов из своих путешествий и очень живыми картинами быта номадов пустыни, великолепными образцами их поэзии. Чтобы лучше подготовить читателя к восприятию нового и, быть может, совершенно незнакомого ранее материала, Л. Штайн сосредоточивает необходимые вводные сведения о культуре бедуинов и их происхождении в первых главах книги. Надо полагать, что ценность ее состоит в том, что автору удалось открыть перед читателем неведомый и экзотический мир кочевников пустыни и в то же время познакомить его с важными в научном отношении наблюдениями их быта; раскрыть существенные перемены, происходящие в обществе бедуинов; показать сложно протекающие изменения, связанные с борьбой прогрессивных сил за социальные преобразования. Существенное место в книге занимает одна из важных и новых в нашей литературе тем — тема перехода бедуинов на оседлость. Автор дал возможность советскому читателю еще раз убедиться в огромных преимуществах пол-

ного перехода кочевников на оседлость, который успешно осуществлен в нашей стране. Следует сказать, что проблемы перехода бедуинов на оседлый образ жизни привлекают внимание не только государственных и научных учреждений отдельных стран, но и многих всемирных организаций. К их числу относится созданная в 1977 году в рамках Международного союза антропологических и этнологических наук, одним из руководителей которого является академик Ю. В. Бромлей, Комиссия по проблемам кочевников. В комиссию входят ученые 18 стран, членом ее является и Л. Штайн. Одна из целей комиссии — изучение современного положения кочевников и облегчение их дальнейших жизненных условий.

Книга глубоко гуманистична. Способность человека выстоять в труднейших, как теперь говорят, экологических условиях — главная тема, лежащая в основе подхода автора к наблюдаемым фактам. Автор не только дарит нам неповторимые ароматы пустыни, ее почти всегда голубое небо, суровую красоту своеобразной природы, знакомит нас с мужественными и сильными людьми и их экзотическим бытом, но и не скрывает от нас всей сложности жизни бедуинов, их подчас очень суровых, не всегда оправданных с наших позиций обычаяв, корни которых уходят в далекое прошлое. Но как этнограф, знающий происхождение этих обычаяв, он старается быть деликатным в описании тех из них, которые присущи современным кочевникам, но наверняка уйдут из их жизни вместе с переходом на оседлость. В связи с этим хочется еще раз подчеркнуть, что художественное писательское мастерство автора сочетается в книге с глубокой научной эрудицией этнографа-марксиста.

Обращение к сложным научным проблемам не делает книгу о жителях пустынь менее интересной, наоборот — изложенные доступно и просто научные и практические проблемы делают ее еще более увлекательной, обогащающей знаниями, которые вряд ли можно почерпнуть в другой популярно написанной книге о бедуинах.

Однако не все научные выводы Л. Штайна общеприняты. Так, Л. Штайн несколько раз в своей книге говорит о родовом строе у бедуинов. Действительно, у арабов-кочевников до последнего времени сохранялась отчетливо выраженная рода-племенная организация. На Аравийском полуострове и в Северной Африке и сейчас существуют несколько десятков кочевых бедуинских племен. Каждое племя имело свою определенную территорию, специфические черты быта и культуры. Различались детали одежды (расцветка мужских плащей, головных платков и т. п.), татуировка, украшения, прически, расположение шатров на лагерных стоянках. Имелись свои племенные особенности в культуре, характерные тамги, боевые кличи. Все члены племени осознавали кровное родство друг с другом. Внутренняя

структуре племен также восходит, по-видимому, к эпохе рода-племенного строя. Все это читатель может найти в книге Л. Штайна. Но автор не совсем четко показал, что у бедуинов уже давно идет процесс разложения традиционной социальной структуры и теперь можно, пожалуй, говорить лишь о больших или меньших пережитках патриархально-родового строя. Они сохранились и в структуре родоплеменной организации, и в особенностях социально-экономического уклада с присущими ему формами патриархальной эксплуатации, и во многих обычаях. Вместе с тем в среду бедуинов, находившихся в постоянных контактах с соседним оседлым населением, уже давно проникли и некоторые формы феодализма, а в последние десятилетия в жизнь кочевников пустыни все больше вторгаются капиталистические отношения, что неоднократно отмечает и Л. Штайн⁸.

Читатель, знакомый с жизнью кочевников Средней Азии, Сибири, Монголии, вероятно, обратил внимание на черты сходства в жизни и культуре этих народов. А ведь они отделены друг от друга огромными расстояниями и, несомненно, не имеют прямого этнического родства. Эти параллели объясняются как сходством условий жизни кочевых скотоводов, влияющих на формирование типологической близости отдельных элементов их культуры, так и очень древними культурными связями между кочевыми народами степей и пустынь Евразии. Автор данной книги неставил перед собой задачу сопоставления бедуинов с другими кочевыми народами мира, но, если бы Л. Штайн привел некоторые сравнительные сведения по другим кочевым народам Евразии, познавательное значение книги еще более возросло.

Автор знакомит читателя с историей этнографического исследования бедуинов европейскими учеными. Безусловно, вклад этих ученых и путешественников, особенно Макса Оппенгейма, на которого Л. Штайн часто ссылается в книге, весьма велик. Однако хотелось бы отметить, что большой интерес представляют и наблюдения быта арабских кочевников, сделанные русскими путешественниками⁹. Русские ходили на Арабский Восток уже в IX—XI веках, достигая Багдада. Первые упоминания о бедуинах содержатся в «Хождении купца Василия Познякова по святым местам Востока». Автор «Хождения» находился в составе русского посольства, отправленного Иваном IV в Константинополь, Иерусалим и Египет. Краткие сведения о бедуинах имеются в источнике XVII века, опубликованном под названием «Описание Турецкой империи» и, по-видимому, принадлежавшем перу находившегося в пленау русского служилого человека Федора Дорохина. Любопытные сведения о бедуинах приведены также в труде русского путешественника Василия Григоровича-Барского «Странствования по святым местам Востока». Особый интерес пред-

ставляют в этом плане труды профессора Гельсингфорсского и Петербургского университетов Г. А. Валлина, одного из первых исследователей кочевых племен Внутренней Аравии. Он провел в 40-х годах XIX века свыше семи лет в Ираке, Египте, Сирии. Дневники Валлина, опубликованные по-фински, содержат ценнейшие этнографические данные о кочевых племенах хувейтат, шаарат, шаммар, хитайм, сулайб и других, о взаимоотношениях бедуинов и жителей оазисов, о землевладении, рабовладении и т. п. По точности этнографических наблюдений и степени знания быта не только оседлого, но и кочевого населения Аравии Г. А. Валлин стоит в одном ряду с лучшими бытописателями Аравии¹⁰.

Однако сколь полны и обстоятельны ни были бы описания жизни бедуинов в трудах предшествующих путешественников и исследователей, книга Л. Штайна «В черных шатрах бедуинов» вместе с другими его публикациями внесла много нового в этнографические знания об арабах-кочевниках, в особенности об их современной жизни, жгучих проблемах их перехода на оседлость. Лежащая перед нами книга Л. Штайна заметно обогатила научные представления о древних кочевых народах степей и пустынь Ближнего Востока и Северной Африки и познакомила с современными проблемами бедуинов. Она явилась чтением необычайно увлекательным и глубоко запоминающимся, и я убежден, что книга эта будет тепло принята самыми различными по своим интересам читателями в нашей стране, как это было и в ГДР, где она уже выдержала два издания и получила самые положительные отзывы в печати, в том числе советской¹¹.

C. I. Вайнштейн

¹ L. Stein. Die Sämmar-Gerba. B., 1967.

² L. Stein. Die älteste Beschreibung der Beduinen in der deutsch-sprachigen Literatur. — «Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig» (далее — Jb). Bd 18. B., 1961.

³ L. Stein. Etnographische Untersuchungen im Wadi al-gadid (VAR). Jb. Bd 26, 1969.

⁴ L. Stein. Beduinen. Erläuterungen zur gleichnamigem Dauerausstellung im Museum für Völkerkunde zu Leipzig. B., 1968.

⁵ L. Stein. Abdallah bei den Beduinen. Lpz., 1964.

⁶ L. Stein, W. Rusch. Die Oase Siwa. Unter Berbern und Beduinen der Libyschen Wüste. Lpz., 1978.

⁷ L. Stein. Wandervolk der Wüste. Lpz., 1976.

⁸ О многоукладности социальной структуры кочевых арабов см.: А. И. Першиц. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. М., 1971, с. 67—153; Г. Е. Марков. Кочевники Азии. М., 1976. с. 236—277.

⁹ См.: И. Ю. Крачковский. Очерки из истории русской арабистики. М.—Л., 1950; Б. М. Данциг. Из истории русских путеш-

шествий в изучении Ближнего Востока в допетровской Руси.— «Очерки по истории русского востоковедения». М., 1953; А. И. Перешиц. Из истории русских этнографических наблюдений в арабских странах Азии.— «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». Т. I. М., 1956.

¹⁰ А. И. Перешиц. Из истории русских этнографических наблюдений в арабских странах Азии, с. 358.

¹¹ См., например, обстоятельную рецензию В. Н. Басилова на эту книгу Л. Штайна, опубликованную в журнале «Советская этнография», 1976, № 2, с. 343—364.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	3
Инцидент в Мараги	5
Завоевание пустыни	13
О растениях и животных	15
Приручение дикого верблюда	17
Рассказывают клинописи и рельефы	19
Что надо знать о бедуинском обществе	23
К истории исследования проблемы	25
Верблюжье молоко и финики	39
Так много названий для одного животного!	43
Меню бедуинов	48
Арабские лошади — выносливые и красивые	50
Трюфели и саранча — в тяжелые времена	55
На соколиную охоту	60
В доме из шерсти	64
Обязанности домохозяек	69
Муса ищет невесту	73
Подтверждение девственности	80
Бегство из гарема	82
Когда появляется ребенок	85
Врезающееся в память событие	90
Кто хочет быть красивым, должен страдать	92
«Золотой век»	95
Перемены в положении шейхов	100
В гостях у «вождя вождей»	106
Арабское искусство приготовления кофе	110
Освобождение рабов	114
Похищение скота было тогда почетным делом	117
«Око за око, зуб за зуб»	123
Неписанные законы	126
Демоны и «дурной глаз»	130
Жаркая борьба за колодцы	132
Поход против жажды	134
Колодец — жизненный центр пустыни	138
Борцы против пустыни	142
Планирование семьи наталкивается на препятствия	148
«Пусть твое утро будет приятным, как сметана!»	150
Железная дорога против верблюжьего транспорта	153
Страусовые перья за водку	156
Дромадер спасает караван	158
Торговля в оазисах	161
Гавань в песчаном море	162
Покорение Сивы	164

Сложное водное право	167
На реактивном лайнере к Каабе	172
Пенициллин вместо каленого железа	175
Слишком большая ценность, чтобы ею мыться	178
Народная медицина кочевников-верблюдоводов	180
Вместе с врачами в лагере бедуинов	181
«Смерть более истинна, чем жизнь»	184
Современные клиники на земле бедуинов	186
Контрабандисты и следопыты	189
Записки таможенного офицера	191
Опасный бизнес	196
Спорные пограничные области	199
Идеалы, которыми злоупотребляют	201
Большое предательство	202
Отборные войска против народа	204
Сопротивление иностранному господству	207
Борьба за Синай	211
Вымирают ли бедуины?	215
Из черного шатра в новый дом	216
Неудача турок	217
Социальные противоречия внутри бедуинского общества	219
Интермеццо баккара	222
Полукочевники	229
Родители кочуют, дети живут оседло	237
Депутат в бурнусе	242
Современные задачи изучения бедуинов	244
Взгляд в будущее	247
Литература	253
Примечания (<i>С. И. Вайнштейн</i>)	255
Послесловие (<i>С. И. Вайнштейн</i>)	261

Лотар Штайн
В ЧЕРНЫХ ШАТРАХ БЕДУИНОВ

*Утверждено к печати
редколлегией серии «Рассказы о странах Востока»*

Редактор Р. Г. Стороженко
Младший редактор Л. В. Исасова
Художник Э. Л. Эрлан
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор М. В. Погорская
Корректоры Н. Б. Ослепина и Л. И. Письман
ИБ № 14246

Сдано в набор 15.10.80. Подписано к печа-
ти 06.04.81. Формат 64×108^{1/2}. Бумага типографи-
ческая № 1. Гарнитура литературная. Печать высо-
кая. Усл. п. л. 14,28. Усл. кр.-отт. 14,58.
Уч.-изд. № 14,5. Тираж 30 000 экз. Изд. № 4883.
Тип. зак. № 685. Цена 1 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
З-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Отпечатано в Производственно-издательском
комбинате ВНИТИ
Люберцы Октябрьский проспект, 403
Заказ 4943

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Вы́дут:

Негря Л. В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V—VII вв.
10 л.

Наумкин В. В., Порхомовский В. Я.
Очерки по этнолингвистике Сокотры.
9 л.

Аравия. Материалы по истории открытия: Пер. с нем. 25 л., ил.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА». А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА В-192. МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА»